
Никитин В.
Погрешности.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ

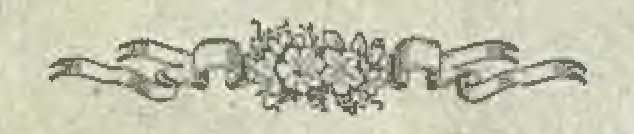
ПОГРѢШНОСТИ

Практическія замѣтки изъ дѣятельности Петербургской судебной практики

В. Н. НИКИТИНА.

Автора книги „Жизнь заключенныхъ“

I. Судъ присяжныхъ. — II. Замѣтки по уголовному судопроизводству.—III. Замѣтки по гражданскому судопроизводству. — IV. Замѣтки по охранительному судопроизводству. — V. Замѣтки о I-ой части X-го тома.— VI. Замѣтки о судебныхъ приставахъ. —VII. Замѣтки о ходатаяхъ.

С.-Петербургъ.
Изданіе книгопродавцевъ Ѳ. Колесова и ф. Михина.
1871.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ

ПОГРѢШНОСТИ

Практическія замѣтки изъ дѣятельности Петербургской судебной практики

В. Н. НИКИТИНА.

Автора книги „Жизнь заключенныхъ“

I. Судъ присяжныхъ. — II. Замѣтки по уголовному судопроизводству. — III. Замѣтки по гражданскому судопроизводству. — IV. Замѣтки по охранительному судопроизводству. — V. Замѣтки о I-ой части X-го тома. — VI. Замѣтки о судебныхъ приставахъ. — VII. Замѣтки о ходатаяхъ.

С.-Петербургъ.
Изданіе книгопродавцевъ Ѳ. Колесова и Ф. Михина.
1871

Въ типографіи д-ра М. Хана, Графскій переулокъ № 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со времени введенія въ Петербургѣ и Москвѣ судебной реформы, у насъ появилось множество оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, а также компиляцій по части юриспруденціи. Громадное большинство этого рода книгъ посвящено однако почти исключительно общему изученію уголовного и гражданскаго права, или обширнымъ теоретическимъ выводамъ. Хотя въ нѣкоторыхъ немногихъ произведеніяхъ этого рода и разсматриваются практическіе вопросы, но вопросы эти изложены въ формѣ цѣлыхъ трактатовъ законовѣдѣнія, не охотно читаемыхъ обыкновенными людьми, которые предпочитаютъ знакомиться только съ тѣмъ, что касается собственно ихъ самихъ. Мало того: по отвлеченности предметовъ, по сухости изложенія, многія изъ этихъ изданій, доступны пониманію только избранныхъ читателей, спеціалистовъ и серьезно образованныхъ лицъ. Такихъ же книгъ, которыя содержали бы въ себѣ критику отдѣльныхъ, частныхъ законоположеній, наглядно показывали бы вліяніе ихъ на общественную жизнь и взгляды общества на эти законоположенія, весьма мало.

Жизнь слагается преимущественно изъ мелкихъ, не для всякаго замѣтныхъ обстоятельствъ, которыя тѣмъ не менѣе,

представляютъ хорошій матеріалъ для разработки науки и уясненія общепринятой житейской мудрости. Мы думаемъ, что мудрость эту всего легче почерпнуть изъ судебной практики, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отчетливо отражается какъ безусловная несостоятельность многихъ законовъ, такъ и степень развитія даннаго общества.

Коротко изучивъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, петербургскій мировой судъ, а также тщательно ознакомившись, по личному опыту, со здѣшнимъ судомъ присяжныхъ, мы разновременно помѣщали въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи о различныхъ недостаткахъ и неурядицахъ, замѣченныхъ нами при наблюденіи способовъ отправленія правосудія. И вотъ, сгруппировавъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ, тщательно пересмотрѣвъ и дополнивъ ихъ новыми свѣдѣніями, мы предлагаемъ ихъ вниманію читателей въ общемъ сборникѣ.

Не мудрствуя лукаво, мы имѣли двоякую цѣль при составленіи этой книги. Во первыхъ, мы желали ознакомить неспеціалистовъ въ юриспруденціи съ дѣйствительнымъ теперешнимъ состояніемъ суда присяжныхъ въ Петербургѣ, съ вольными и невольными уклоненіями органовъ юстиціи отъ прямыхъ ихъ обязанностей, съ устарѣвшими и утратившими свою полезность отдѣльными частными законоположеніями, которыя мѣшаютъ правильному теченію жизни, ставятъ многихъ гражданъ въ безвыходное положеніе и даже лишаютъ ихъ, совершенно безвинно, права пользоваться тѣми насущными выгодами, на которыя они имѣютъ полное право претендовать.

Вторая цѣль, которую мы имѣли въ виду, состоитъ въ томъ, чтобы указавъ на множество недостатковъ, существу-

ющихъ въ нашихъ законахъ, выяснить необходимость значительныхъ измѣненій въ этомъ отношеніи. Мы думаемъ, что нѣкоторые законы, сдѣлавшіеся положительно непригодными къ употребленію, слѣдовало бы совершенно отмѣнить; другіе, своей неясностью и взаимными противорѣчіями безпрерывно порождающіе всевозможныя недоразумѣнія, надлежитъ передѣлать, приспособивъ ихъ къ нынѣшнимъ потребностямъ такимъ образомъ, чтобы они не служили для публики тяжелымъ гнетомъ, какъ теперь, но представляли гарантію правосудія всему обществу вообще, а бѣднымъ сословіямъ въ особенности.

Изображаемое нами ниже состояніе столичнаго суда, правда, не привлекательно; очень можетъ быть, что представленная нами картина не понравится ярымъ панегиристамъ «скораго, праваго и милостиваго суда». Найдутся, вѣроятно, люди, которые не преминутъ провозгласить насъ ретроградомъ и сочтутъ своею обязанностью защитить все еще превозносимый ими новый судъ и его представителей. Обращаясь къ этимъ людямъ, замѣтимъ, что, какъ извѣстно всякому, даже не учившемуся въ семинаріи, абсолютнаго совершенства на свѣтѣ не существуетъ, слѣдовательно и судъ не можетъ ждать однихъ только хвалебныхъ отзывовъ. Мы сами принадлежимъ къ приверженцамъ судебной и всякихъ полезныхъ для общества реформъ; мы искренно желаемъ, чтобы судъ дѣйствительно былъ «скорымъ, правымъ и милостивымъ» и потому рѣшаемся выпустить въ свѣтъ настоящую книгу, разсчитывая, по мѣрѣ силъ, способствовать достиженію этой высокой цѣли.

Авторъ.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПРИСЯЖНАГО ЗАСѢДАТЕЛЯ.

„Правда и милость да царствуютъ въ судахъ". Манифестъ 19 марта 1856 года, указъ сенату 20 ноября 1864 года и надпись на зданіи судебныхъ мѣстъ.

I.

Вотъ уже пять лѣтъ минуло со дня открытія, въ Петербургѣ, гласнаго суда, съ участіемъ, по большинству уголовныхъ дѣлъ, присяжныхъ засѣдателей. Тѣмъ не менѣе въ печати, до сихъ поръ, сколько намъ помнится, не появилось еще ровно ничего о томъ, какое впечатлѣніе производятъ на засѣдателей извѣстныя преступленія, тѣ или другія обвинительныя и защитительныя рѣчи, какъ они вообще относятся къ своему праву «творить милостивый, справедливый и для всѣхъ равный судъ», и проч. Относить этотъ пробѣлъ къ тому, что некому было повѣдать читающей публикѣ о своихъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ засѣдателей, мы, разумѣется, не рѣшимся: въ теченіе этого долгаго періода времени обязанности засѣдателей исполняли, по крайней мѣрѣ, 2,500 гражданъ изъ всѣхъ слоевъ столичнаго народонаселенія [1].

[1]) Полагая законный комплектъ 36 въ мѣсяцъ, 432 въ годъ, въ пять лѣтъ перебывало въ одномъ только отдѣленіи 2,160 человѣкъ; кромѣ

Слѣдовательно, немыслимо, чтобы среди такой массы народа не нашлось хотя нѣсколькихъ человѣкъ, умѣющихъ владѣть перомъ для печати. Не станемъ, впрочемъ, доискиваться причины упорнаго молчанія всѣхъ бывшихъ присяжныхъ засѣдателей; замѣтимъ только, что самое ихъ молчаніе все сильнѣе и сильнѣе возбуждало въ насъ желаніе попасть въ число творителей правосудія, на что, по закону, мы имѣли неотъемлемое право. Тщетно, однако, прождавъ,—съ 1866 по 1870 годъ,—повѣстки о призывѣ насъ въ засѣдатели, мы, увлекаемые любознательностію, отправились, однажды, въ концѣ 1870 года, въ городскую думу, розыскали тамъ чиновника, который занимается составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Но едва приблизились мы къ нему, онъ мгновенно вскочилъ съ своего мѣста и намѣревался удалиться отъ насъ. Мы его остановили.

— Вы вѣдь пришли отпрашиваться отъ засѣдательства, да? Не могу, никакъ не могу, лучше отстаньте, скороговоркою молвилъ онъ.

— Ошибаетесь: напрашиваться явился я.

— Такъ извините: я былъ увѣренъ, что именно отпрашиваться и потому хотѣлъ уже, откровенно скажу, уйти отъ васъ: проходу, вѣрите-ли, не даютъ; всѣ отказываются, никто не хочетъ въ засѣдатели, а вѣдь кому нибудь да надо же идти? Ну, поневолѣ и лавируешь, и бѣгаешь отъ всѣхъ, чтобы только отвязаться.

того, около 2-хъ лѣтъ уже существуетъ другое уголовное, съ участіемъ присяжныхъ же засѣдателей, отдѣленіе, на которое, если считать хоть за $1^1/_2$ года 648 человѣкъ, выходитъ общій итогъ въ 2,808 человѣкъ.

— Неужели-жъ вамъ не приходилось видѣть такихъ людей, которые *желаютъ* участвовать въ отправленіи правосудія?

— Случалось-то, правда, случалось, но чрезвычайно рѣдко; да это и понятно: кому охота отрываться отъ собственныхъ, ради чужихъ дѣлъ, да таскаться на край города, проводить въ судѣ дни, а пожалуй и ночи насквозь?

— Охоту тѣшить—не бѣда и платить.

Онъ любезно раскрылъ предо мной списки. Я заявилъ ему, что кромѣ меня и мой пріятель тоже желаетъ попасть въ засѣдатели и потому, если можно, просилъ включить и его. Онъ охотно обѣщалъ и я удалился.

Въ январѣ текущаго года я и пріятель получили предварительныя повѣстки объ избраніи насъ въ присяжные засѣдатели на первую четверть года. Прошло, потомъ, еще немного времени. Вдругъ, однажды, въ 7 часовъ утра, къ намъ является городовой.

— Вотъ вамъ двѣ повѣстки изъ окружнаго, произнесъ онъ:—на одной роспишитесь и отдайте ее мнѣ: она пойдетъ назадъ, а другую оставьте себѣ, да не потеряйте и не разорвите, смотрите, ее: за это худо будетъ.

— Отчего-жъ худу-то быть? Повѣстка сама по себѣ, ничего, вѣдь, не значитъ, если я только явлюсь въ судъ къ назначенному сроку?

— Этого не говорите: повѣстка важная штука и изъ-за нея человѣкъ пропасть можетъ. И мнѣ приставъ, вонъ, наказалъ: не оброни, говоритъ, повѣстки-то, не то подъ судъ, да и въ Сибирь угодишь. Вотъ она, повѣстка-то, какую силу имѣетъ.

*

— Все это вздоръ: приставъ напрасно на васъ страху только нагналъ.

— На то онъ, значитъ, и начальство, чтобы мы исполняли его приказъ, а тамъ такъ-ли это, или иначе, — не наше дѣло.

Я взялъ обѣ повѣстки и на одной изъ нихъ расписался въ полученіи другаго экземпляра и подалъ ее городовому.

— Таперича помните, сударь, что получили отъ меня законную повѣстку и другой ужь не ждите, а 1-го числа, это придется въ понедѣльникъ, чуть свѣтъ поѣзжайте въ окружной, а то, оборони Богъ, запоздаете, бѣда...

— Какая-жь можетъ быть бѣда, если я явлюсь въ судъ не чуть свѣтъ, а къ 10½ часамъ утра (такъ значилось въ повѣсткѣ)?

— Да засудятъ, въ тюрьму отправятъ. Такъ и приставъ велѣлъ упреждать всѣхъ: особливо, говоритъ онъ, передай это гг. купцамъ, а то ихъ ничѣмъ вѣдь не проймешь: все станутъ отнѣкиваться, да торговать по лавкамъ; извѣстно торговое дѣло, время дорого. Имъ говоришь вонъ «запирай трахтиръ—пора», а они тебѣ: «дай хоть еще четверть часа, хоть 5 минутъ поторговать». Пристанутъ, пристанутъ, ну и плюнешь, да отойдешь отъ грѣха. Такъ вы ужь, пожалуйста, не забудьте понедѣльникъ, да не замешкайтесь, а то и мнѣ попадетъ изъ-за васъ.

— Явлюсь непремѣнно къ сроку, явлюсь, и вы будьте спокойны за себя.

— Просимъ прощенья. А все будетъ лучше, ежели

отправитесь въ судъ пораньше, потому покойнѣй будетъ, добавилъ онъ уже за дверью.

Приведя, въ теченіе 3-хъ дней, въ совершенный порядокъ всѣ свои занятія, мы посвятили остальное время на перечитываніе законовъ и нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненій, относящихся къ предмету нашихъ будущихъ занятій. А въ назначенный день, въ началѣ 10-го часа утра, отправились мы, въ трескучій, 25-ти градусный, морозъ, въ окружной судъ, съ спокойною, ничѣмъ несмущенною совѣстію и съ горячимъ, искреннимъ желаніемъ встрѣтиться съ дѣльными людьми и оказаться достойными своего назначенія.

II.

Ровно въ 10 часовъ утра мы вошли въ отведенную для присяжныхъ засѣдателей комнату и увидѣли тамъ на столѣ б у т ы л ь о т ъ ч е т в е р т и в е д р а в о д к и, наполненую, какъ послѣ обнаружилось, водою, для питья засѣдателей. Въ судѣ нѣтъ, какъ видите, даже приличнаго графина—т. е., первый блинъ да комомъ! Возлѣ бутылки лежалъ печатный списокъ назначенныхъ на сессію 36 присяжныхъ засѣдателей, съ означеніемъ ихъ фамилій, именъ, отчествъ, чиновъ, или званій и вѣроисповѣданій [1]). По комнатѣ ходили уже группами человѣкъ 13 — 17 будущихъ засѣдателей, преимущественно купцы, мѣщане

[1]) Всякій, входившій въ комнату, засѣдатель, хватался прежде всего за списокъ, какъ за якорь спасенія, т. е., искалъ въ немъ общеизвѣстныхъ фамилій, за которыми можно было-бы, такъ сказать, спрягаться, въ случаѣ надобности.

и проч., простой людъ, сошедшійся именно чуть-ли не съ разсвѣтомъ, какъ совѣтовалъ и намъ городовой, разносившій повѣстки. Остановившись нарочно возлѣ дверей, мы минутъ пять молча наблюдали за людьми, которые не обратили на насъ никакого вниманія: одни глядѣли въ окна, другіе тихо разговаривали; физіономіи всѣхъ были скучныя, либо озабоченныя, но ни одного, замѣчательно, веселаго лица не имѣлось. Картина эта и насъ было, признаться, смутила. Желая разсѣять и себя, и ихъ, мы громко проговорили; «здравствуйте, господа», и спросили: о чемъ они видимо грустятъ.

— Да веселиться-то не отчего: не на пиръ собрались, монотонно отвѣтилъ чиновникъ въ вицъ-мундирѣ. — Шутка ли дѣло, цѣлый мѣсяцъ придется просидѣть здѣсь? Да это одурь возьметъ! Впрочемъ, въ настоящій моментъ всѣхъ насъ занимаетъ одинъ вопросъ; какъ и что мы тутъ такое будемъ дѣлать, когда ничего не знаемъ.

— Собственно объ этомъ сокрушаться не стоитъ: предсѣдатель суда предъ началомъ каждаго дѣла объяснитъ намъ всѣ наши права, обязанности; потомъ изъ судебнаго слѣдствія, обвинительной и защитительной рѣчей, сущность которыхъ предсѣдатель же намъ, потомъ, повторитъ—узнаемъ все, т. е. заслуживаетъ ли подсудимый оправданія, или обвиненія со снисхожденіемъ, либо безъ снисхожденія. Все, какъ увидите, очень просто; намъ только необходимо будетъ внимательно вслушиваться въ суть дѣлъ и добросовѣстно, потомъ, обсуждать и рѣшать ихъ.

— Ну, а ежели мы не потрафимъ въ тактъ—самихъ

насъ за это не потянутъ на цугундеръ, примѣрно въ контѣлку, или штрафъ? спросилъ купецъ.

— Нѣтъ, какъ бы мы ни рѣшили—мы никакой за это отвѣтственности не подвергаемся; но всякая съ нашей стороны несправедливость падетъ на нашу совѣсть.

— Слышишь, Иванъ Ивановичъ? обратился онъ къ товарищу.—Значитъ, Фроловъ-то вралъ.

— Да, вы, сударь, все это сами по себѣ знаете, али только слышали отъ кого нибудь? спросилъ другой.

— Знаю достовѣрно изъ закона и ручаюсь за вашу безопасность.

— Стало быть вы, т. е. сами, лично, читали эти законы?

— Да читалъ, да еще не одинъ, а нѣсколько разъ, читалъ.

— Самъ, слышь, законы-то читалъ. Вотъ оно што!

— А не можете ли, коли такъ, разсказать намъ толкомъ: что и какъ тутъ будетъ твориться? пристали къ намъ нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ группъ.

Мы охотно удовлетворили ихъ желаніе. Они повеселѣли.

— Такъ мы ужь васъ въ старшины попросимъ, заключили они;—будьте нашимъ начальникомъ, заправляйте, какъ знаете.

— При выборѣ, господа, въ старшины, слѣдуетъ держаться старшинства въ чинахъ, недовольно замѣтилъ значительный чиновникъ:—а не зря, кого попало, выставлять впередъ.

— Встарину, осмѣлюсь доложить, точно выбирали

повсюду все по чинамъ, а нонѣ, какъ я разумѣю, вышло такъ: кто чего больше знаетъ, тому и книги въ руки. Потому и выберемъ старостой законника, а не васъ.

— Ну, а вы-то что же все еще скучные?

— Намъ это засѣдательство убыточно: у насъ 4 заведенія, а безъ хозяйскаго глаза Богъ-вѣсть что тамъ случится.

— Вамъ что? а вотъ мнѣ такъ скверно: живу я за лѣснымъ корпусомъ (харчевню тамъ содержу) и торгую самъ съ парнишкой—сыномъ, а теперь принужденъ былъ на мѣсяцъ взять приказчика и заплатить ему за это время 10 рублей чистоганомъ; а сколько онъ, окромя того, хапнетъ, это ужь его дѣло.

— Я значитъ, господа; лучше васъ обоихъ распорядился, вмѣшался мѣщанинъ.—Моя лавчонка у Митрофанія, торговля нонѣ вобче скудная, а тутъ еще, трахъ, въ засѣдатели тянутъ. Думалъ я, думалъ, какъ быть, да не говоря худаго слова, заперъ ее—лавчонку-то—на этотъ мѣсяцъ, потому рабочаго нанять не выгодно, да и опасно: капиталецъ мой, пожалуй, еще фукнетъ, али растранжиритъ въ долгъ.

— У всѣхъ у васъ, какъ я вижу, капиталы есть, и то вы сокрушаетесь, а вотъ я такъ нѣтъ, даромъ, что у меня лишнихъ денегъ ни гроша, семья самъ-пять, да мальчишки въ ученьи; всѣхъ кормить-поить надо, а добытчикъ-то я одинъ. Мы, сапожники, что наработаемъ, тѣмъ и кормимся. Уходя сюда, я наладилъ свою фабрику, женѣ велѣлъ приглядѣть, да кажется напрасно: малыя ребята у ней на рукахъ, надо съ ними, да по хозяйству возжаться, такъ гдѣ-жь ей справиться съ

эдакою-то обузою? Ну, работа и будетъ, извѣстно, стоять: ученики рады погулять. Такъ пусть ужь, вѣрно, мѣсяцъ-то отдыхаютъ, а зубы всѣ положимъ на полку, а ежели этого не случится, залѣзу, значитъ, рублевъ на 30, на 40 въ долгъ навѣрняка. Впрочемъ, никто какъ Богъ, авось поправлюсь послѣ. Видите, каковъ я есть человѣкъ.

— А какъ мнѣ, сударь ты мой, быть? не слышу почти ничего: сперва въ ухѣ болѣло, а потомъ, вотъ ужь 4 года, какъ вдосталь оглохъ. А вѣдь судъ меня, можетъ, пожалуй, что нибудь да спроситъ, я не разслышу, а за это, того и гляди, запрячутъ, говорятъ, пеньку щипать.

Мы посовѣтовали ему заявить о своей глухотѣ суду, который, согласно 5 п. 82 ст. учр. суд. уст., уволитъ его отъ засѣдательства.

— Ви каршо, ошень каршо, каврите и мой блядрить васъ, заговорилъ пожилой нѣмецъ съ крупнымъ русскимъ чиномъ.—Ви насъ научайтъ, научайтъ, научайтъ. Та!.. Это—пресхотно.

Число присяжныхъ постепенно увеличивалось; говоръ усиливался и вертѣлся преимущественно на одномъ пунктѣ: нельзя ли освободиться отъ предстоящей обязанности, при чемъ мотивировали свое нежеланіе засѣдательствовать: чиновники—служебными занятіями, нездоровьемъ, а отчасти и лѣнью; купцы—непониманіемъ судебныхъ дѣлъ и, главное, подрывомъ ихъ торговли; двое же мѣщанъ сѣтовали на городскую думу за то, что она постоянно посылаетъ въ засѣдатели будто бы только мелочь; крупныхъ же коммерсантовъ увольняетъ;

оттого претенденты и попадают ежегодно въ судъ; но дабы отъ этого избавиться, — они, здѣшніе, рѣшились переписаться въ царско-сельскіе ремесленники. Мы имъ замѣтили, что если они въ 1870 году точно были засѣдателями, то въ 1871 году вправѣ были, по 104 ст. учрежд. судеб. установл., отказаться. На это они возразили, что не знаютъ закона, отчего и попадаютъ вездѣ въ просакъ. Охотно, наконецъ, явившихся засѣдательствовать набралось только 6 [1]) изъ 33-хъ человѣкъ (3-хъ крупныхъ чиновъ судъ раньше освободилъ). Изъ всего наличнаго состава были: 19 чиновниковъ, 6 купцовъ, 7 мѣщанъ и ремесленниковъ и 1 крестьянинъ.

Въ началѣ 12-го часа въ нашу комнату вошелъ судебный приставъ, перекликалъ насъ и ушелъ, а вслѣдъ за тѣмъ, съ одной стороны насъ заперли на замокъ снаружи, а за притворенною дверью другой, ведущей въ залъ суда, поставили жандарма, такъ что мы очутились подъ арестомъ. Это событіе дало новый разговоръ на полчаса, если еще не больше.

III.

Въ 12 часовъ всѣхъ насъ, присяжныхъ засѣдателей, вызвали въ залъ засѣданія, куда вскорѣ же вошелъ судъ и вновь насъ перекликалъ. Тогда многіе изъ засѣдателей стали цугомъ подходить къ предсѣдателю отпрашиваться отъ засѣдательства: кто по болѣзни (чиновники,

---

[1]) Мы, профессоръ ботаники, докторъ, горный инженеръ, правовѣдъ и студентъ духовной академіи.

какъ люди опытные, со свидѣтельствами), кто по глухотѣ, кто по недосугу и т. д., по судъ освободилъ только четырехъ человѣкъ.

Ввели подсудимаго—забитаго, истощеннаго молодаго крестьянина. Судебный приставъ подалъ печатный списокъ всѣхъ засѣдателей обвинявшему товарищу прокурора, который прочелъ его и кое-кого изъ нихъ вычеркнулъ по своему усмотрѣнію; потомъ, этотъ списокъ перешелъ къ защищавшему присяжному повѣренному, совершившему надъ нимъ ту же самую операцію. Далѣе, списокъ очутился, чрезъ пристава, въ рукахъ предсѣдательствовавшаго, предъ которымъ лежала пачка билетовъ, величиною съ обыкновенныя игорныя карты; на билетахъ были написаны имена, отчества и фамиліи всѣхъ засѣдателей. Просмотрѣвъ списокъ, предсѣдательствовавшій вынулъ изъ пачки и отложилъ въ сторону билеты вычеркнутыхъ засѣдателей, а остальные билеты перетасовалъ и опустилъ въ заранѣе предъ нимъ поставленный, съ трехъ сторонъ глухой, ящикъ, изъ коего и вынималъ, затѣмъ, по одному билету, выкликая означенное на немъ лицо. Такимъ образомъ онъ набралъ 12 дѣйствующихъ и 2 запасныхъ засѣдателей. Тогда выбранныхъ по жребію засѣдателей привели къ присягѣ. Послѣ того предсѣдательствовавшій произнесъ намъ, комплектнымъ засѣдателямъ, въ простыхъ выраженіяхъ прекрасную вступительную рѣчь о нашихъ правахъ и обязанностяхъ. За симъ приступили, наконецъ, къ разсмотрѣнію самаго дѣла по обвиненію подсудимаго въ кражѣ со взломомъ 62 руб., въ чемъ онъ сознался еще на предварительномъ слѣдствіи, а потому судебное слѣдствіе оказалось

лишнимъ. Обвинительнымъ актомъ подсудимый обвинялся въ кражѣ 62 руб.; а въ актѣ осмотра на мѣстѣ кражи значилось, что у него, не успѣвшаго никуда отлучиться ни на шагъ отъ мѣста преступленія, нашли за голенищемъ сапога 58 руб. Мы спросили судъ: отчего акты противорѣчатъ другъ другу? Намъ отвѣтили, что судъ не имѣетъ никакихъ объ этомъ свѣдѣній. Это всѣхъ насъ, засѣдателей, удивило: мы думали, что судъ долженъ знать все, до дѣлъ относящееся, но, къ сожалѣнію, сильно въ томъ ошиблись, какъ читатель усмотритъ ниже. Тогда мы спросили подсудимаго, что именно побудило его совершить приписываемое ему преступленіе.

— Грѣхъ попуталъ, отвѣтилъ онъ, утирая кулакомъ катившіяся по лицу его слезы.

— Не терпѣли ли вы нужду въ деньгахъ, повторили мы, полагая, что онъ насъ не понялъ:—напримѣръ, на уплату податей, на помощь роднымъ и т. п.?

— Нѣтъ: у меня было своихъ 8 р. 50 к. Такая ужъ знать судьба моя, горемычная....

— Зачѣмъ вы разспрашиваете? сказалъ намъ на ухо сидѣвшій сзади насъ чиновникъ.—Смотрите, оштрафуютъ.

Насъ покоробило отъ этого предостереженія: не дальше какъ за четверть часа передъ тѣмъ, предсѣдатель громко, внятно толковалъ засѣдателямъ, что они могутъ, сколько и какіе имъ вздумается дѣлать вопросы, и вдругъ все это улетучилось изъ головы не простолюдина, а чиновника, человѣка болѣе или менѣе развитаго!

Едва товарищъ прокурора поднялся для произнесенія обвинительной рѣчи, какъ почти половина засѣдателей (купцы, мѣщане и проч.) вскочили на ноги, полагая, что

коль-скоро прокуроръ — въ мундирѣ, сидящій за судейскимъ столомъ, всталъ, то имъ, людямъ подначальнымъ, и подавно надо встать. Ихъ, разумѣется, тотчасъ же усадили по мѣстамъ, что повергло иныхъ въ немалое недоумѣніе.

И обвинитель, и защитникъ, желая, вѣроятно, щегольнуть предъ новенькими засѣдателями своимъ краснорѣчіемъ, говорили, по меньшей мѣрѣ, по получасу сряду каждый. Мало того, унесшись въ заоблачное, такъ-сказать, царство, оба безцеремонно третировали, всякій по своему, злосчастнаго подсудимаго: первый—превратилъ его въ какое-то гнусное исчадіе, а послѣдній—въ фатальную жертву общественныхъ неурядицъ. Хорошо еще, что предсѣдатель, резюмируя все, ими трактованное, свелъ итоги напрасной болтовнѣ обоихъ, а то засѣдатели, по новизнѣ занятія и неумѣнью большинствомъ изъ нихъ разграничить факты отъ трескучихъ фразъ, вѣроятно, долго, долго, какъ впослѣдствіи оказалось, не разрѣшили бы вопроса о виновности парня: столь сильно они были наэлектризованы надменнымъ фразерствомъ.

IV.

Прійдя съ вопросными пунктами въ свою комнату, двѣ трети засѣдателей были совершенно подавлены всѣмъ слышаннымъ.

— Что же такое намъ теперь дѣлать? раздались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Обсуждать все слышанное по собственному разумѣ-

нію, сказали мы; а чего кто не понялъ, не разслышалъ— разузнавать отъ другихъ. Участь подсудимаго въ вашихъ, помните, рукахъ, и вы поэтому должны строго смотрѣть на свое призваніе; въ противномъ случаѣ мы согрѣшимъ противъ совѣсти, присяги, причинимъ вредъ правосудію, либо подсудимому.

— Мало ли что они тамъ такое толковали, и намъ все это помнить? Нѣтъ-съ, это черезчуръ мудрено. Я первый больше половины ужь перезабылъ.

— А я такъ ровно ничего и не помню, окромя кражи денегъ.

— Ну, и взлома тоже: слышали, чай, какъ одинъ хлопочетъ, чтобы былъ взломъ, а другой настаиваетъ противъ взлома.

— Вотъ объ этихъ-то двухъ обстоятельствахъ, то-есть: совершилъ ли онъ взломъ и укралъ деньги, или укралъ, ничего не ломая, и слѣдуетъ, не стѣсняясь, хорошенько разсудить и потомъ отвѣтить на вопросы.

Поднялся споръ, шумъ, которые производили исключительно, впрочемъ, чиновники; купцы же и мѣщане вздыхали, стирали потъ съ лицъ и съ любопытствомъ слушали молча, какъ бы выжидая, что будетъ дальше. Прошло минутъ 15, и безмолвствовавшіе стали робко проявлять свои взгляды. Всѣ усѣлись кругомъ стола. Старшина прочелъ вопросъ: «Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что похитилъ деньги, для чего выдернулъ пробой, то-есть совершилъ взломъ», и спросилъ засѣдателя изъ нѣмцевъ, какого онъ мнѣнія.

— Та, нисхожтенье, отвѣтилъ онъ.

— Это не отвѣтъ: вы должны сказать, какъ вы

по совѣсти полагаете, виновенъ ли онъ въ кражѣ со взломомъ, или безъ взлома.

— Я и гаворить нисхожтенье. Та, нисхожтенье, нисхожтенье.

Видя, что нѣмецъ порусски не понимаетъ разницы между словами: «виноватъ» и «снисхожденье» (это слово онъ запомнилъ изъ предсѣдательскаго резюме), ему растолковали ихъ понѣмецки и онъ потомъ отвѣтилъ [1]).

— Потрудитесь сказать ваше мнѣніе.

— Коли прокуроръ винитъ его—значитъ, онъ и виноватъ: прокуроръ на то и сидитъ вмѣстѣ съ судьями, а намъ, неучамъ, объ этомъ нечего и толковать.

— Напротивъ, вамъ нѣтъ *ровно никакой надобности* держаться мнѣнія прокурора, или защитника, а вы обязаны по закону и по совѣсти выразить ваше *собственное* мнѣніе, выведенное изъ всего того, что вы слышали въ судѣ.

— Рабочіе, позвольте вамъ сказать, дерутъ съ насъ въ три дорога, да еще не доищешься ихъ работать: все по кабакамъ, да по тюрьмамъ обрѣтаются. Никуда, доложу вамъ, не годятся новѣшніе рабочіе, а отчего? Все

---

[1]) Съ этимъ засѣдателемъ вообще было много хлопотъ. Разъ онъ былъ, напримѣръ, въ запасныхъ; но когда дѣйствовавшіе пошли совѣщаться, онъ очутился также среди нихъ въ комнатѣ. Между тѣмъ приходилось оправдать подсудимаго. И вотъ, чтобы вердиктъ не кассировали, если его тотчасъ выпустить въ залу засѣданія—его вывели въ отхожее мѣсто, заперли тамъ на ключъ, рѣшили дѣло, вернулись въ судъ, прочли отвѣтъ, попросили отдыха на 5 минутъ; всѣ вернулись въ совѣщательную комнату и тогда только присоединили его къ себѣ.

отъ воли; эта воля, охъ какъ много бѣдъ натворила: прежде бы выдрали и шабашъ, а теперь возьми вопъ его...

— Ваше разсужденіе тутъ не кстати. Говорите мнѣніе собственно о дѣлѣ, а не о рабочихъ.

Засѣдатель помялся, помялся, покряхтѣлъ и отвѣтилъ:

— Взлома никакого не нахожу, а просто выдернутъ пробой.

— Это по закону тоже вѣдь взломъ.

— Ну, нѣтъ: сломать что-нибудь, или выдернуть, два дѣйствія совершенно различныя и за выдернутіе плохо вбитаго пробоя гораздо легчайшее должно быть наказаніе, нежели за сломаніе, напримѣръ, досокъ, шкафа, дверей и т. п.

Многіе присоединились къ этому мнѣнію. Поднялся новый споръ, котораго никакъ не могли разрѣшить, потому въ особенности, что въ заголовкѣ листа было сказано: по обвиненію «въ кражѣ *со взломомъ*», а въ текстѣ вопроса употреблены слова: «выдернулъ ли пробой». Большинство потребовало разъясненія этого недоразумѣнія чрезъ судъ, по выходѣ куда предсѣдатель объявилъ, что отъ воли засѣдателей зависитъ признать или отвергнуть «выдернулъ» и въ соотвѣтствующемъ тому смыслѣ отвѣтить. Вернулись назадъ и опять подняли горячія препирательства о томъ, есть ли «выдернулъ» взломъ или нѣтъ, при чемъ многіе толковали отрицательно, признавая въ то же время фактъ «выдернулъ».

— Вы какъ полагаете?

— Да богъ-вѣсть...

— Вы обязаны отвѣтить: выдернулъ или нѣтъ, а не богъ-вѣсть.

— Можетъ, выдернулъ, а можетъ — и нѣтъ, я при той оказіи не былъ, такъ почемъ же я это знаю?

— Вамъ непремѣнно надо сказать: выдернулъ или нѣтъ, т.-е., что по вашей совѣсти могло вѣрнѣе случиться.

— Я живу шестой десятокъ на свѣтѣ, на мнѣ безъ того грѣховъ много. Не желаю я брать на душу еще лишній, новый грѣхъ.

— А вы?

— Пробой, сдается мнѣ, и вбитъ не былъ, а просто воткнутъ для острастки, стало быть, что же это такое? Да и парень-то къ тому-жъ еще дураковатъ; гдѣ бы, сберегая свою шкуру, отвѣтить: «на подати, молъ, кралъ», а онъ — «грѣхъ попуталъ, свои деньги имѣлъ». Вѣстимо дѣло — ошалѣлъ, ну самъ въ петлю и лѣзетъ. Вотъ бы ему за его дурость...

— За вами очередь.

— Охъ, ужь мнѣ эта очередь. Не разберу...

— Какъ же вы такъ долго слушали дѣло въ судѣ, здѣсь, и не обдумали своего мнѣнія?

— Какъ не думать? Думать-то мы думали, да думали-то, признаться, не объ этомъ плевомъ дѣлѣ, а объ своихъ лавкахъ... потому, покуда мы здѣсь валандаемся, можетъ у насъ у самихъ взломъ случился...

— Стыдитесь говорить вздоръ... Это непростительно.

— Забудьте о своихъ лавкахъ, Бога-то побойтесь, да помните, гдѣ вы; вѣдь ежели предсѣдателю доложить о вашихъ рѣчахъ — онъ вамъ такого жару задастъ, что и не опомнитесь.

Купецъ уничтожился, но далъ мнѣніе.

— Теперь вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія?

— Эка, что еще выдумали, снисхожденья?! Ужь не за то ли дать ему, канальѣ, снисхожденіе, что мы споримъ, конфузимъ тутъ другъ друга?

— Вопросъ о снисхожденіи поставленъ судомъ, и потому мы *обязаны* его обсудить и отвѣтить на него сообразно результату нашего совѣщанія.

— Нонѣ въ тюрьмахъ, говорятъ, лучше жить, чѣмъ на волѣ; въ теплѣ, сытъ, одѣтъ и ничего не дѣлай, стало быть тамъ лафа.

— Оттого, значитъ, и много этихъ взломовъ проявилось, что въ тюрьмѣ вольготно. Пусть же и онъ туда прокаливаетъ.

— Поблажки, господа, давать нельзя; всѣ рабочіе по тюрьмамъ разсядутся, а кто же работать-то станетъ?

— Толкованіе ваше, господа, совершенно неправильно, ни на чемъ не основано. Я самъ коротко знаю тюремный бытъ (во всѣхъ здѣшнихъ тюрьмахъ перебывалъ недавно, разъ по пятидесяти) и скажу вамъ, что тамъ кормятъ простолюдиновъ впроголодь, одѣваютъ часто въ отрепья; ничего не дѣлаютъ они—только въ тюремномъ замкѣ; но и это ничего неделаніе хуже всякой работы: скука, тоска; сидѣніе, сложа привычныя къ труду руки, съ утра до вечера—страшно раздражаетъ заключенныхъ, порождаетъ между ними цынготную болѣзнь, сухотку. Въ рабочемъ домѣ и срочной тюрьмѣ съ 5 часовъ утра и до 9 часовъ вечера всѣ заключенные, за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ часовъ на обѣдъ и отдыхъ—какъ въ котлѣ кипятъ за занятіями. Слѣдова-

тельно, житье тамошнее очень тяжелое. Деньги отъ подсудимаго отобрали всѣ въ цѣлости; сидитъ онъ ужъ 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, и это время ему въ счетъ будущаго заключенія не зачтется; сознался онъ откровенно; а все это вмѣстѣ дастъ ему право на полное съ нашей стороны снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что судя по рѣшенному нами вопросу, онъ пойдетъ въ арестантскія роты, а не въ тюрьму. Вопросъ же о недостаткѣ и негодности рабочихъ рукъ къ *настоящему нашему* занятію вовсе не относится.

— То-есть вы желаете прощать всѣхъ воровъ и мошенниковъ, чтобы они потомъ снова насъ обкрадывали, а мы чтобы сами за нихъ панели подметали? Мерси.

— Мошенникъ мошеннику и воръ вору — рознь, а потому намъ, судьямъ, по совѣсти надо стараться различать вора по призванію отъ вора по неразумію и къ первому относиться строго, а къ послѣднему снисходительно.

— Вѣрно. Какіе вонъ, поглядишь, завзятые мошенники катаются, развалясь, по Невскому, да ихъ не судятъ, а отчего? оттого, что они умѣютъ ловко вывернуться изъ всякой бѣды, а этакій воръ, олухъ, и мытарится «по судамъ, по острогамъ...». Вспомните, наконецъ, изреченіе Спасителя о намѣреніи народа побить каменьями блудницу, и, примѣняя это изреченіе къ себѣ, кидайте, если смѣете, каменьями во всѣхъ подсудимыхъ.

— Обратитесь, господа, къ порядку, перестаньте забѣгать за предѣлы нашей дѣятельности.

Снисхожденія подсудимый однако не получилъ.

Мы, въ качествѣ старшины, взялись за перо, чтобы написать противъ вопросовъ отвѣты и подписаться подъ ними; но, вспомнивъ, что двумя строками безповоротно рѣшаемъ участь человѣка, вздрогнули отъ этой мысли, голова закружилась, въ глазахъ зарябило, правая рука не повиновалась и неимовѣрно дрожала, такъ что мы принуждены были сперва остановиться, а потомъ поддерживать ее лѣвою рукою. Кончивъ кое-какъ писаніе, мы позвонили въ нарочно для того устроенный колокольчикъ и минутъ черезъ пять засѣдатели вышли въ залу засѣданія. Тутъ намъ жутко было взглянуть на подсудимаго, на публику и мы съ усиліемъ прочли, дребезжащимъ голосомъ, вердиктъ. И парень дѣйствительно отправился на полтора года въ арестантскія роты... Приговоръ этотъ произвелъ очень грустное впечатлѣніе почти на весь комплектъ засѣдателей, которые, впослѣдствіи, когда освоились съ дѣлами, часто упрекали себя за этотъ суровѣйшій приговоръ. Испытанныя нами въ первый разъ страшныя ощущенія постепенно потомъ улетучивались и мы дошли, наконецъ, до того, что совершенно спокойно подписывали и объявляли *всякіе* приговоры. Правду говорятъ, что привычка—вторая натура.

Такъ началась дѣятельность присяжныхъ засѣдателей нашей сессіи.

V.

Спустя три дня дѣятельности засѣдателей, ихъ осталось уже только 24 человѣка, остальные же были уволены [1])

---

[1]) Въ числѣ уволенныхъ былъ студентъ духовной академіи, который ходилъ въ судъ въ вицъ-мундирѣ, а въ послѣдній разъ явился въ

судомъ по медицинскимъ свидѣтельствамъ разныхъ врачей, да по бумагамъ присутственныхъ мѣстъ, которыя излагали, что служащіе въ оныхъ и очутившіеся въ засѣдателяхъ чиновники имѣютъ по службѣ не терпящія отлагательства порученія (1 п. 650 ст. уст. угол. суд.). Правомъ, предоставленнымъ этимъ пунктомъ, пользуются, впрочемъ, лишь крупные чиновники, да и то часто неправильно: иные ровно ничего не дѣлая въ должности—по полученіи повѣстки на явку въ засѣдатели *выпрашиваютъ* у своего начальства бумаги объ освобожденіи ихъ, по этому пункту, отъ засѣдательства. Такихъ случаевъ мы знаемъ множество, а потому нельзя, конечно, не пожалѣть о томъ, что въ образованныхъ людяхъ сильно проявляется страсть только къ тѣмъ занятіямъ, за которыя полагается жалованье.

Къ четвертому засѣданію засѣдатели понемногу отрѣшились отъ обуявшаго вначалѣ многихъ изъ нихъ страха за свою персону и кошелекъ. Тѣмъ не менѣе, кромѣ 3—5 изъ 24 человѣкъ ни въ данное время, ни до самаго конца сессіи, никто никакихъ по дѣламъ вопросовъ не предлагалъ. Далѣе они освоились съ мыслію о полезности разсуждать, при совѣщаніяхъ, и ознакомившись отсюда со взглядами другъ друга, раздѣлились даже на отдѣльныя партіи. Одни, прозванные жестокими, безусловно обвиняли всѣхъ безъ различія подсудимыхъ. «Коль скоро человѣкъ попалъ подъ новый, *милостивый* судъ—значитъ, онъ виновенъ». Вотъ ихъ руководящее

священническомъ облаченіи; посвященный наканунѣ въ священники, онъ назначался въ русскую миссію въ Пекинъ.

правило. Другіе, напротивъ, подвергая безпощадному анализу всякій фактъ, опирались на доводы защитниковъ о томъ, что «всякое сомнѣніе толкуется по закону въ пользу подсудимыхъ» [1]); а отсюда вытекало ихъ стараніе смягчать участь достойныхъ того подсудимыхъ, и даже оправдывать ихъ. Третьи—ремесленники, сперва молча выслушивали споры, потомъ давали преимущественно дѣльные, мѣткіе отвѣты. Четвертые—купцы, торговцы, или примыкали туда, куда, какъ говорится, вѣтеръ дунетъ; или же, если имъ только удавалось сѣсть рядомъ—то какъ первый скажетъ, такъ ужь и всѣ вторятъ ему. А такъ какъ мнѣнія этой группы отличались преимущественно нелѣпостію, эгоизмомъ, то дабы подсудимые не страдали отъ нихъ, приходилось, часто, подъ различными предлогами, разсаживать купцовъ *врознь* другъ отъ друга, отчего они бывали вынуждены выразить каждый отдѣльное, собственное мнѣніе по данному вопросу. Размѣщеніемъ купцовъ среди людей прочихъ званій занимались, сговорившись, трое изъ второй категоріи засѣдателей, замѣтившіе несообразность дѣйствій своихъ товарищей по занятію. Впрочемъ, преобладающее вліяніе принадлежало второй партіи—людямъ образованнымъ: имъ часто, несмотря на ихъ малочисленность, удавалось преодолѣвать всѣ остальныя партіи разомъ, въ

[1]) Слова эти присяжные засѣдатели слышатъ одинъ, два раза ежедневно отъ адвокатовъ, которые, вѣроятно, толкуютъ это, опираясь на комментаріи государственной канцеляріи по 2-му изд. уголов. судопр. стр. 271, да примѣняясь къ 754 ст. того же уст. и общему духу закона, такъ-какъ спеціальной объ этомъ статьи въ уставѣ не оказывается.

томъ лишь, однако, случаѣ, когда изъ жестокихъ попадало въ составъ присутствія не болѣе трехъ человѣкъ; ежели ихъ набиралось 4 — 5 человѣкъ, тогда горе подсудимому: они, примѣшивая въ совѣщаніяхъ всевозможныя житейскія ненормальныя явленія, всегда перетягивали на свою сторону 2—3 изъ безмолвствовавшихъ и тѣмъ самымъ брали верхъ: большинство изъ 12 голосовъ, на точномъ основаніи 813-й ст. уст. уголов. суд., рѣшаетъ участь подсудимаго. Такъ-какъ присяжные знали убѣжденія всѣхъ своихъ товарищей, то едва, бывало, выкликнутъ 4-хъ изъ жестокихъ—остальные еще до начала разсмотрѣнія дѣла ужь знаютъ, что подсудимому жутко придется.

Изъ общаго комплекта 24-хъ засѣдателей были, между прочимъ, воспитывавшіеся: въ училищѣ правовѣдѣнія—1, въ университетѣ—4, въ медико-хирургической академіи—2, въ горномъ институтѣ—2 и въ инженерной академіи—1. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ и этихъ людей были чрезвычайно странныя личности. Такъ, напримѣръ, одинъ, лѣтъ 35-ти, кандидатъ юридическаго факультета, служащій по счетной части, хорошо зналъ паспортную систему, а въ юриспруденціи не обладалъ даже элементарными свѣдѣніями. Другой, академистъ, сильно нападалъ на рабочихъ и на всѣхъ либеральныхъ ученыхъ новѣйшаго времени, за ихъ гуманныя тенденціи по отношенію къ подсудимымъ. Третій, преподающій гдѣ-то много лѣтъ сряду законовѣдѣніе, былъ на столько слабъ въ этомъ предметѣ, что будучи старшиною, написалъ: «виновенъ въ кражѣ *и во взломѣ*», тогда какъ взломъ, самъ по себѣ, влечетъ одну лишь гражданскую отвѣтственность со стороны совершившаго это дѣяніе—

за причиненіе владѣльцу изломанной вещи убытковъ. Понятно, что судъ не принялъ этого отвѣта и законовѣдъ принужденъ былъ отправиться обратно въ совѣщательную комнату, написать тамъ новый отвѣтъ, который судъ счелъ тоже неправильнымъ и опять погналъ засѣдателей, съ юристомъ во главѣ, въ третій разъ назадъ. А и весь-то отвѣтъ долженъ былъ заключаться много въ полутора строкахъ! Мало того; этотъ же спеціалистъ горячо доказывалъ засѣдателямъ, что при признаніи обвиняемаго совершившимъ преступленіе вслѣдствіе крайности и неимѣнія средствъ къ пропитанію и работѣ, судъ непремѣнно освободитъ его отъ всякаго наказанія, тогда какъ на дѣлѣ вышло, что, несмотря на признаніе засѣдателями крайности и проч., судъ, по дѣйствующему закону, уменьшилъ ему только наказаніе на три степени. Четвертый, чиномъ генералъ, тоже человѣкъ благовоспитанный, будучи старшиною по одному дѣлу, написалъ, согласно вердикту засѣдателей, противъ перваго вопроса: «нѣтъ, не виновенъ», и за тѣмъ настаивалъ на томъ, чтобы былъ подвергнутъ обсужденію второй вопросъ: «если виновенъ въ первомъ, то дѣйствовалъ ли съ полнымъ разумѣніемъ». Между тѣмъ, коль скоро первый вопросъ разрѣшился отрицательно, то второй, само собою разумѣется, падаетъ. И вѣдь едва разубѣдили его въ нелѣпости его предложенія... Онъ же вслухъ заявилъ суду, что рѣшеніе засѣдателей *единогласное*, тогда какъ дѣлать на судѣ такія заявленія возбраняется 677 ст. угол. судопр. Пятый, человѣкъ тоже не лишенный образованія, находилъ вреднымъ *словесно* совѣщаться. По его мнѣнію, людямъ, владѣющимъ способностью красно выражаться и по своему

истолковывать слышанное, весьма не трудно оказывать вліяніе своими односторонними доводами на другихъ, не одаренныхъ твердою памятью, и характеромъ и оттого смиренно подчиняющихся краснобаямъ, которые, пользуясь своимъ преимуществомъ, насилуютъ совѣсть и волю остальныхъ. «Опытъ доказываетъ, — толковалъ онъ,—что иные засѣдатели, составивъ себѣ, въ самомъ засѣданіи, ясное понятіе о дѣлѣ и свое опредѣленное рѣшеніе, вслѣдствіе долгаго потомъ устнаго совѣщанія мѣняли усвоенное ими убѣжденіе на другое, совершенно противоположное». Дабы устранить эту несообразность, протестантъ требовалъ перестать, разъ навсегда, разубѣждать другъ друга, взамѣнъ чего предлагалъ, чтобы тотчасъ по приходѣ въ совѣщательную комнату каждый засѣдатель на бумажечкѣ писалъ сообразно вопросамъ, какіе ему угодно отвѣты, вручалъ ихъ старшинѣ, а сей послѣдній прочитывалъ билетики въ присутствіи другихъ, и то, что обнаружится большинствомъ голосовъ, излагалъ противъ вопросовъ суда. По его словамъ, такой способъ далъ-бы именно тѣ результаты, какіе сложились, по совѣсти, въ головахъ засѣдателей. Шестой поддерживалъ эту мысль, хотя и условно; онъ считалъ полезнымъ употреблять ее въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ составѣ засѣдателей участвуютъ 4 жестокихъ, надѣясь этимъ оригинальнымъ способомъ парализовать ихъ наклонность къ обвиненію. Такъ-какъ 806 и 807 ст. уст. угол. судопр. предписываютъ засѣдателямъ *совѣщаться*, а согласно 808 ст. они обязаны подавать голоса *изустно*, то обѣ приведенныя комбинаціи были рѣшительно отвергнуты большинствомъ, независимо сказаннаго и потому

еще, что простолюдины крайне нуждались, какъ увидитъ читатель, въ разъясненіи имъ *простыми словами* какъ существа дѣлъ, такъ и вопросовъ, подлежащихъ ихъ разрѣшенію.

VI.

Предварительныя слѣдствія, возбуждаемыя противъ различныхъ закононарушителей, производятся, въ Петербургѣ, судя по 80—100 дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ одну сессію, въ 2-хъ уголовныхъ отдѣленіяхъ здѣшняго окружнаго суда, чрезвычайно небрежно: не было почти ни одного, напримѣръ, изъ означеннаго числа дѣлъ, въ которомъ бы не обнаружилось значительныхъ промаховъ, существенныхъ недостатковъ въ необходимыхъ, для ясности и полноты предмета, свѣдѣніяхъ. Чтобы наши слова не показались голословными, подкрѣпимъ ихъ на выдержку взятыми фактами. Чуть ли не *всѣ* акты осмотра на мѣстѣ взломанныхъ хранилищъ составлялись производившими первоначальныя о семъ дознанія околодочными надзирателями (250, 252—255 ст. уст. угол. судопр.), причемъ слѣдователи, вопреки 256, 260, 265, 269, 315, 318 ст. уст. угол. суд., лично не провѣряли этихъ актовъ, а принимали ихъ просто на вѣру. Между тѣмъ произведенія большинства околодочныхъ представляли смѣсь безграмотности съ белибердою, и сплошь да рядомъ страдали отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ правилъ правописанія, не только судопроизводства; эти безтолковѣйшіе акты служили главнымъ основаніемъ къ опредѣленію свойства признаковъ преступнаго дѣянія, за которое (принятое за достовѣрное) люди заточались подъ

стражу, томились по долгу въ тюрьмѣ, а иные потомъ даже платились ссылкою въ арестантскія роты, рабочій домъ, да въ тюрьмы на цѣлые годы.

Человѣкъ, напримѣръ, обвинялся въ кражѣ изъ запертой дворницкой армяка, со взломомъ замка. Подсудимый показалъ, что, подойдя къ дворницкой, онъ увидѣлъ замокъ висѣвшимъ безъ ключа, на проволочной веревкѣ, незаложенной на пробой. Соблазнившись такою неосмотрительностью хозяевъ, онъ вошелъ, среди дня, въ дворницкую, схватилъ тамъ армякъ, съ цѣлію похитить его, но, выходя назадъ, былъ задержанъ. Актъ осмотра, составленный околодочнымъ, кратко гласилъ, что дворницкая была заперта на замокъ, который подсудимый сломалъ и т. д., но дѣйствительно ли онъ сломалъ, и если да, то какъ и чѣмъ именно—объ этомъ въ актѣ умалчивалось. Дворникъ заявилъ, что дверь была заперта накладывавшеюся на пробой проволочною веревкою (она осталась въ цѣлости), а на ней замкомъ, найденнымъ имъ послѣ поимки вора на землѣ, возлѣ дверей; но замокъ взятъ былъ полиціею вмѣстѣ съ ключомъ. Находившаяся во время происшествія запертою внутри дворницкой женщина отозвалась, что стука отъ ломанія замка она *никакого* не слыхала, а увидѣвъ подсудимаго, когда онъ схватилъ армякъ и поспѣшно бросился вонъ изъ дворницкой, она закричала, выбѣжала за нимъ и проч. Мало того: въ утро происшествія она *разновременно, многократно слышала*, какъ снаружи дергали за замокъ, но это дерганіе производилось, по словамъ ея и самаго дворника, ежедневно, безпрерывно, разными людьми, приходившими справиться о № квартиры многочисленныхъ

жильцовъ дома. Между тѣмъ, до слѣдователя, а отъ него въ судъ, дошелъ замокъ *безъ* ключа; внутренняя сторона дуги замка оказалась въ углахъ немножко оцарапанною. Если замокъ точно былъ запертъ, то, ломая его внутреннюю защелку, подсудимый неизбѣжно ее попортилъ; а чтобы въ этомъ убѣдиться—для узнанія: точно ли обвиняемый совершилъ взломъ—слѣдователю необходимо было попробовать ключемъ отпереть или запереть замокъ, или же спросить заключенія свѣдущаго человѣка, напр., слесаря (315 и 325 ст. уст. уголовн. судопр.); но въ данномъ случаѣ ни показанія эксперта не было, ни слѣдователь лично пробы не дѣлалъ по неимѣнію ключа. Слѣдовательно, является неразрѣшенный вопросъ: былъ ли замокъ запертъ, или нѣтъ? Принимая же во вниманіе, что: а) женщина, сидѣвшая въ заперти, *не слыхали* какъ злоумышленникъ ломалъ замокъ, тогда какъ она, напротивъ, слышала, что за него многократно дергали; что стукъ при ломаніи желѣзной вещи во всякомъ случаѣ бываетъ гораздо сильнѣе, нежели при передергиваніи за нее,—становится ясно, что обвиняемый не ломалъ; б) такъ-какъ замокъ ежедневно дергали довольно часто впродолженіе, допустимъ, хоть только мѣсяца,—то внутренніе бока дуги замка, разумѣется, терлись о пробой, а отсюда и царапины на бокахъ дуги представляются совершенно естественнымъ явленіемъ; наконецъ в) замокъ висѣлъ *на проволочной веревкѣ*; подсудимому желалось елико возможно скорѣе и безъ шума проникнуть въ дворницкую, совершить преступленіе и благополучно оттуда скрыться съ добычею, стало быть для достиженія этой цѣли ему было несравненно легче и удобнѣе

оборвать желѣзкою [1]) проволочную веревочку, которая не издавала бы ни малѣйшаго при томъ звука, нежели ломать замокъ, произвести стукъ и чрезъ то попасть въ просакъ.

Другой подсудимый обвинялся также въ кражѣ со взломомъ изъ сундука товарища денегъ. Актъ осмотра сундука, замка и проч., составленный тоже околодочнымъ, равнымъ образомъ не былъ провѣренъ слѣдователемъ. Подсудимый, стремясь уменьшить свою виновность, говорилъ, что онъ ни замка не ломалъ, ни ключа, для отпора онаго, не употреблялъ, ни пробоя, наконецъ, изъ сундука не выдергивалъ, а просто вынулъ воткнутый въ дырочку доски сундука пробой, вмѣстѣ съ висѣвшимъ на немъ замкомъ, отворилъ сундукъ и вынулъ изъ него деньги. Показаній, которыя бы хоть сколько-нибудь ослабили его доводы, слѣдователь никакихъ не собралъ; ключа къ замку также въ числѣ вещественныхъ доказательствъ не имѣлось. Были ли концы пробоя съ внутренней стороны сундука плотно прибиты къ дереву и остались ли на деревѣ какіе-нибудь слѣды загнутости пробойныхъ концовъ—ничего этого ни въ актѣ осмотра сундука, ни при дальнѣйшихъ, предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, ни на волосъ не разъяснилось; напротивъ, концы пробоя при осмотрѣ ихъ засѣдателями торчали прямо, ровно, какъ новые гвозди, и на нихъ не обнаружилось ни малѣйшихъ признаковъ того, что они когда-нибудь загибались на внѣшнія стороны.

[1]) Желѣзка эта найдена около дворницкой.

Третій обвинялся въ кражѣ бѣлья съ чердака, для чего онъ разломалъ будто бы цѣлую досчатую стѣну. Обвиняемый увѣрялъ, наоборотъ, что прійдя на чердакъ, онъ нашелъ 3—4 доски вывалившимися изъ своихъ мѣстъ и лежавшими на землѣ. Но такъ ли это дѣйствительно было, или иначе—не выяснилось ни на предварительномъ, ни на судебномъ слѣдствіяхъ.

Четвертому приписывали кражу изъ комода билета внутренняго займа и наличныхъ денегъ, всего «*до* 350 рублей» (такъ неопредѣленно гласилъ и обвинительный актъ), а также золотыхъ колецъ и портмоне. Спустя часа 2—3 послѣ совершенія этого преступленія подсудимый былъ пойманъ и обысканъ, при чемъ у него нашли, кажется, 66 руб. Не отрицая своей виновности, онъ объяснилъ, что не знаетъ, сколько именно похитилъ онъ денегъ; билетъ продалъ мѣнялѣ (отъ котораго слѣдователь отобралъ оный и возвратилъ законному владѣльцу); съ вырученными-же отъ продажи билета и похищенными деньгами отправился въ домъ терпимости, гдѣ у него отняли 130 р., а самаго выгнали. Идя, засимъ, вечеромъ же, по задержаніи его, съ городовымъ въ полицію, онъ умолялъ послѣдняго научить его, какъ вывернуться изъ бѣды; на это городовой посовѣтовалъ ему бросить лучше краденыя вещи, если онѣ при немъ находятся, и потомъ отпереться отъ всего; тогда онъ вынулъ изъ кармана портмоне съ оставшеюся частію похищенныхъ денегъ и бросилъ все это съ Аничкина моста въ Фонтанку. Претерпѣвшіе отъ преступленія фактически не доказали, сколькихъ именно лишились они наличныхъ денегъ. По основнымъ правиламъ уголовнаго судопроизводства, всякія показанія под-

судимаго подлежать тщательной провѣркѣ, во-первыхъ, для правильнаго опредѣленія подсудности: за кражу, напримѣръ, предметовъ, цѣнностью меньше 300 р.—мировому, а больше—окружному суду, согласно 33,200 ст. уст. угол. суд. и 2 п. 181 ст уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями; во-вторыхъ, чтобы отыскать похищенное имущество, а въ данномъ случаѣ—деньги. Несмотря, однакожъ, на это правило, ни полиція, ни слѣдователь — ни городоваго не допросили, ни въ домъ терпимости подсудимаго не водили, для указанія грабителей, ни обыска въ означенномъ домѣ не произвели, хотя обвиняемый и указывалъ мѣстораспoложеніе дома; ни наконецъ и колецъ, чрезъ экспертовъ, не оцѣнили (ст. 325 уст. угол. суд.), такъ что деньги двухъ бѣдныхъ тружениковъ погибли, благодаря преимущественно игнорированію полиціею и слѣдователемъ закона.

Пятый подсудимый обвинялся въ кражѣ изъ частнаго кредитнаго учрежденія разныхъ высокоцѣнныхъ вещей на сумму «*болѣе* 1,000 руб.», а сознался въ похищеніи только 3—4 часовъ, оцѣненныхъ въ 275 р., причемъ для узнанія, чье показаніе правдивѣе: обвиняемаго, или обвинителей—ради правильнаго установленія, покрайней мѣрѣ хоть подсудности, — не было заблаговременно собрано ровно никакихъ свѣдѣній, хотя труда на это нужно было очень мало: учрежденіе, обязанное, по закону, вести торговыя книги, могло доказать свою претензію записями въ книгахъ цѣнности принятыхъ въ залогъ часовъ, или даже спросомъ залогодателей.

Шестой обвинялся въ томъ, что выманилъ у чиновника росписку государственнаго банка на отданные туда по-

слѣднимъ на храненіе билеты внутренняго займа на 7,000 руб. Обвиненіе гласило, что онъ подписалъ на роспискѣ чинъ и фамилію чиновника, изготовилъ отъ его же имени въ банкъ фальшивое объявленіе о продажѣ будто бы имъ самимъ банкиру своихъ билетовъ и продалъ росписку и объявленіе банкиру. Послѣдній же получилъ по названнымъ, никѣмъ не засвидѣтельствованнымъ документамъ самые билеты изъ банка. Банкиръ оправдывалъ свою покупку у подсудимаго незасвидѣтельствованныхъ документовъ тѣмъ, что онъ зналъ подсудимаго и, вѣря его словамъ, полагалъ, что тотъ вправѣ продать непринадлежащую ему росписку, а банкъ въ свою очередь тоже повѣрилъ его, банкира, авторитету. Но вѣдь коль скоро банкиръ зналъ фамилію подсудимаго, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ былъ принимать отъ него чужіе, не засвидѣтельствованные документы за его собственные, ибо всякая сдѣлка опытными, какъ банкиръ, людьми всегда обставляется всѣми существующими формальностями. Почеркъ руки законнаго владѣльца билетовъ такой, по его словамъ, дрожащій, старческій и своеобразный, что поддѣлать его рѣшительно немыслимо; объявленіе же и росписка подписаны за него подсудимымъ—бойкимъ, самымъ обыкновеннымъ, короче—собственнымъ, говорилъ защитникъ, ничуть не измѣненнымъ его почеркомъ. Въ банкѣ для всѣхъ безъ различія вкладчиковъ господствуетъ неизмѣнное, какъ извѣстно, правило: при выдачѣ вкладчику обратно его вклада—сличать тождество его подписи на предъявленной роспискѣ съ почеркомъ на томъ объявленіи, которое онъ подалъ при отдачѣ въ банкъ билетовъ на храненіе и

которое все время лежитъ въ одномъ съ билетами конвертѣ. Кромѣ того, чиновники, выдающіе вклады, всегда спрашиваютъ вынимателя: гдѣ онъ живетъ, сколько ему лѣтъ, и т. п., т.-е. повѣряютъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія онъ о себѣ написалъ на первомъ объявленіи, дабы не выдать другому, напримѣръ нашедшему или укравшему росписку. Предосторожности эти совершенно понятны и разумны. Росписку и объявленіе съ фальшивыми подписями слѣдователь пріобщилъ къ дѣлу, а объявленіе съ подписью самого претерпѣвшаго отъ преступленія—оставилъ въ банкѣ. Оттого присяжнымъ засѣдателямъ не изъ чего было заключить: а) дѣйствительно ли нельзя поддѣлать почеркъ хозяина билетовъ и б) измѣнилъ ли подсудимый хоть нѣсколько свой собственный почеркъ, или нѣтъ. Слѣдователь точно также не истребовалъ отъ банка никакого отвѣта о томъ, что̀ именно послужило для него основаніемъ къ выдачѣ банкиру чужихъ денегъ по неоформленнымъ документамъ.

По седьмому дѣлу (лакей обвинялся въ кражѣ у своего господина, генерала, денегъ и столоваго серебра), между прочимъ обнаружилось, что полицейскій чиновникъ вручилъ генералу, на пополненіе причиненнаго ему дѣяніемъ лакея убытка, 2 билета внутренняго займа, бывшіе заложенными лакеемъ. Но гдѣ досталъ эти билеты чиновникъ, какимъ способомъ, точно-ли они принадлежали лакею, и если да, то когда именно онъ ихъ купилъ, т. е., раньше-ли кражи имъ серебра и денегъ, или послѣ, — все это слѣдователь оставилъ безъ вниманія, тогда какъ въ данномъ случаѣ это было весьма важно: если раньше—значитъ билеты его собственные, если же

позже—то они пріобрѣтены имъ, очевидно, на краденныя, либо на вырученныя отъ продажи серебра деньги. Не спрошена, наконецъ, слѣдователемъ для точнаго опредѣленія количества похищеннаго серебра, женщина, ключница генерала, которая, уѣзжая съ его семействомъ на дачу, отдала ему, генералу, только ключъ отъ запертаго буфета, въ которомъ хранилось серебро; сколько же именно оставила она тамъ серебра, генералъ не повѣрялъ, а лакей счетомъ не принималъ, да и буфета потомъ ни разу не отворялъ. Такимъ образомъ понятно, кажется, что слѣдователю надлежало обратить серьезное вниманіе на самую женщину: быть можетъ, она сама, пользуясь полнымъ довѣріемъ генерала, похитила часть серебра, въ увѣренности, что на нее подозрѣнія не взведутъ.

Въ восьмомъ дѣлѣ—по обвиненію простолюдина въ кражѣ у другаго разныхъ мелкихъ вещей и отсрочки, данной ему мировымъ судьею на проживаніе здѣсь, взамѣнъ утеряннаго паспорта, — упущено слѣдователемъ изъ виду дѣйствительно-ли человѣкъ этотъ былъ снабженъ отъ мироваго судьи этою отсрочкою, и если да—то по какому случаю и гдѣ именно пропалъ паспортъ: у судьи-ли, или у самаго крестьянина. Разъясненіе это было бы полезно потому, что мировыми судьями отбираются паспорты лишь у тѣхъ людей, которыхъ ждутъ, за ихъ запрещенныя дѣянія, наказанія, предусмотрѣнныя 76 и 77 ст. уст. угол. судопр.; отъ остальныхъ же людей судьи никакихъ паспортовъ никогда не отбираютъ, а слѣдовательно они у нихъ теряться не могутъ и взамѣнъ ихъ судьи не вправѣ выдавать отсрочекъ, т. е., вторгаться въ сферу дѣятель-

ности управы благочинія, которая снабжаетъ отсрочками всякаго, кому нужно выписать съ мѣста родины новый паспортъ, или же кто подалъ явочное прошеніе о потерѣ правильнаго паспорта.

Девятый подсудимый (обвинявшійся въ кражѣ денегъ), противъ котораго главною уликою представлялись найденные при немъ, вскорѣ послѣ преступленія, векселя на значительную сумму, оправдывался тѣмъ, что онъ еще до привлеченія его къ слѣдствію располагалъ большими деньгами, которыя получалъ отъ своего дяди—богача, да за веденіе многихъ частныхъ дѣлъ; отсюда, по его словамъ, происходили и векселя. Но слѣдователь ни дядю не спросилъ, ни свѣдѣній не собралъ о томъ, кто изъ его довѣрителей по сколько именно платилъ ему вознагражденія, тогда какъ эти данныя служили-бы твердымъ опроверженіемъ голословныхъ доводовъ подсудимаго.

Въ иныхъ дѣлахъ очевидцы происшествій не были о томъ допрошены единственно вслѣдствіе выбытія ихъ на родину, какъ будто-бы тамъ, куда они переселились, не было никакихъ властей, чрезъ посредство которыхъ можно было-бы спросомъ свидѣтелей возстановить истину. Мало того: рецидивисты, вслѣдствіе небрежной группировки слѣдователями фактовъ, являлись на обвинительную скамью въ качествѣ лицъ, совершившихъ первую кражу.

Всѣ приведенныя и многія подобныя имъ неурядицы ставили присяжныхъ засѣдателей положительно въ тупикъ: не зная, какъ рѣшать дѣло, они спорили, нѣкоторые даже бранились между собою, и въ концѣ концовъ ухватывались за стереотипную фразу: «всякое сомнѣніе служитъ

въ пользу подсудимаго» и по неволѣ оправдывали подсудимыхъ, или снисходительно относились къ нимъ, не желая брать на свою совѣсть категорическихъ обвиненій. Немудрено, конечно, что и воры выходили изъ суда правыми, благодаря темноты предварительныхъ слѣдствій. До какихъ, наконецъ, иногда колоссальныхъ неправильностей доходятъ предварительныя слѣдствія—это рельефно рисуетъ слѣдующій фактъ. Мальчикъ, находившійся въ ученіи у ремесленника, попалъ за что-то подъ слѣдствіе. Слѣдователь посадилъ его подъ стражу, гдѣ онъ пробылъ шесть мѣсяцевъ; потомъ обвиненіе оказалось столь несостоятельнымъ, что судебная палата отвергла представленный ей на утвержденіе обвинительный актъ, и мальчика поэтому выпустили на свобвду. Прежній хозяинъ не взялъ его обратно къ себѣ, другіе тоже послѣдовали его примѣру, и бѣднягѣ дѣваться стало некуда. И вотъ онъ, прошлявшись голоднымъ 2—3 сутокъ, вошелъ, среди дня, во дворъ одного дома и, въ пылу отчаянія, началъ ломать замокъ. Его тотчасъ же, разумѣется, схватили, помѣстили опять на казенныя харчи, мѣсяцевъ на 5 въ тюрьму; затѣмъ онъ очутился на обвинительной скамьѣ. Присяжные засѣдатели, выслушавъ дѣло, оправдали его и, сложившись, дали ему на первое время существованія 26 рублей, съ которыми передали его на попеченіе пастора. За что же, спрашивается, выстрадалъ онъ около года въ заточеніи?

Короче говоря, изъ всѣхъ слышанныхъ нами предварительныхъ слѣдствій насъ пріятно иразило одно только дѣло о солдатскомъ сынѣ, обвиняемомъ въ третьей кражѣ. Въ этомъ дѣлѣ слѣдователь прекрасно прослѣ-

дилъ, шагъ за шагомъ, всю жизнь подсудимаго: онъ началъ отъ времени поступленія его, въ ранней еще юности, въ школу кантонистовъ Павловскаго полка, потомъ послѣдовательно изложилъ его поведеніе тамъ, до увольненія въ податное состояніе за неблаговидные поступки. Слѣдователь раскрылъ, за что, гдѣ и когда именно судился подсудимый, будучи уже на волѣ, какое постигало его наказаніе, куда, по освобожденіи изъ заключенія, онъ поступалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ впалъ послѣдній разъ въ преступленіе. Словомъ, въ этомъ предварительномъ слѣдствіи ни самый завзятый педантъ, ни спеціалистъ не нашли бы, мы увѣрены, даже и тѣни какого либо недостатка, неясности, или пробѣла.

Однако, въ чемъ же, спросятъ читатели, кроются причины столь неудовлетворительнаго состоянія персонала слѣдователей? На это мы, не обинуясь, отвѣтимъ: въ томъ, что въ Петербургѣ дѣйствительныхъ слѣдователей только 3—4 человѣка; всѣ же остальные (болѣе 20 человѣкъ) считаются причисленными къ департаменту министерства юстиціи и командированы исправлять должности слѣдователей. Такое ненормальное ихъ положеніе ведетъ на практикѣ къ тому, что всякій исправляющій должность домогается, елико возможно, скорѣе добыть себѣ самостоятельную должность—товарища прокурора въ новыхъ, или члена хоть въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Оттого исправляющіе должность черезчуръ часто мѣняются; новые, по неопытности и малому знакомству съ народонаселеніемъ, нерѣдко парализуютъ дѣйствія своихъ предмѣстниковъ; принимаясь за продолженіе начатыхъ дѣлъ, они принуждены перечитывать

всѣ ихъ подробности, на что требуется много времени; а тутъ безпрерывно поступаютъ новыя дѣла и они ихъ пекутъ, по неволѣ, какъ блины, не имѣя возможности сосредоточить своего вниманія на производимыхъ ими дѣлахъ. Все это столь плохо и потому еще, что всякій исправляющій должность разсчитываетъ такъ: сегодня я здѣсь, а завтра Богъ вѣсть гдѣ, такъ изъ-за чего-жь я буду тутъ распинаться? Вотъ источникъ всѣхъ погрѣшностей, серьезно отражающихся на правосудіи. Въ печати не разъ, правда, уже заявлялось мимоходомъ о плохомъ положеніи исправляющихъ должности слѣдователей, но такъ какъ министерство юстиціи не внемлетъ этимъ заявленіямъ, то мы рѣшились фактами подкрѣпить ихъ, надѣясь наглядно доказать министерству настоятельную необходимость утвердить, по крайней мѣрѣ, хоть тѣхъ изъ слѣдователей, которые, подобно вышеозначенному, отлично ведутъ порученныя имъ дѣла.

VII.

Большая половина всѣхъ дѣлъ, разсматривающихся въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, это дѣла о кражахъ со взломомъ, или посредствомъ подобранныхъ, или тайно взятыхъ ключей. Но прослушавъ множество подобныхъ дѣлъ, невольно удивляешься ихъ содержанію: то взломы невообразимо шатки, бездоказательны и построены на различныхъ, иногда даже наивныхъ догадкахъ, то похищенные, посредствомъ взломовъ, предметы столь по цѣнѣ ничтожны, что мудрено себѣ представить, какимъ манеромъ эти пустѣйшія дѣла безпрепятственно переходятъ отъ полиціи къ

слѣдователямъ, отъ слѣдователей къ товарищамъ прокурора, отъ нихъ въ судебную палату, а изъ послѣдней въ окружной судъ, на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, когда любой мировой судья въ день легко порѣшилъ бы десятокъ такихъ дѣлъ. Обратимся, впрочемъ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ: пусть содержаніе ихъ само говоритъ за себя.

Дворникъ дома идетъ на чердакъ, гдѣ видитъ, по его словамъ, вывалившуюся изъ сундука доску и рядомъ съ нею, на полу, футлярчикъ. Онъ открываетъ послѣдній, находитъ въ немъ 4 вновь отчеканенныя мѣдныя монеты (5, 3, 2 и 1 коп.) и стальную печать, стоющія вмѣстѣ съ футляромъ много 50 коп. Соблазнившись красивымъ видомъ монетъ, онъ прячетъ футлярчикъ съ ними къ себѣ въ карманъ, спускается внизъ, на дворъ, зазываетъ съ собою опять на чердакъ работавшаго на дворѣ плотника и заставляетъ его тамъ, въ своемъ присутствіи, сколотить сундукъ, наполненный различными вещами, въ числѣ которыхъ были и очень дорогія, напримѣръ, шуба, халатъ, оцѣненныя владѣльцемъ по 300 руб. каждая вещь. Далѣе, хозяинъ-плотникъ, не найдя на своемъ мѣстѣ рабочаго, поднимается тоже на чердакъ, застаетъ рабочаго за сколачиваніемъ сундука, приказываетъ ему прервать это занятіе и идти по назначенію. Тогда дворникъ, желая достигнуть цѣли, проситъ хозяина дозволить работнику кончить начатую работу, выслушиваетъ отказъ, и дабы его умилостивить, предлагаетъ ему взять штабъ-офицерскіе эполеты, тоже, по его словамъ, найденные имъ на землѣ чердака. Хозяинъ отвѣчаетъ, что «не святочная пора и ему рядиться въ эполеты не ре-

зонъ», заподозрѣваетъ въ дѣйствіяхъ дворника что-то неладное и сообщаетъ свое предположеніе домоуправляющему, а тотъ полиціи. Дворникъ сознается послѣдней въ похищеніи съ полу чердака монетъ и печати. Затѣмъ, убѣдясь, что находившіяся въ сундукѣ вещи, кромѣ футлярчика, всѣ на лицо и не слыша ничего такого, что противорѣчило бы показанію дворника, полиція тѣмъ не менѣе составляетъ протоколъ о взломѣ дворникомъ сундука и передаетъ этотъ протоколъ судебному слѣдователю. Слѣдователь, не видавши сундука и тоже не собравъ никакихъ свѣдѣній касательно взлома, отдаетъ дворника, въ видѣ милости, на поруки сестрѣ; окончивъ слѣдствіе, онъ представляетъ его, въ первобытномъ же состояніи, товарищу прокурора; тотъ составляетъ обвинительный актъ, судебная палата утверждаетъ послѣдній и возвращаетъ въ судъ. Судъ вызываетъ дворника для врученія ему копіи съ обвинительнаго акта, но его по адресу не оказывается; тянутъ поручительницу сестру; та указываетъ гдѣ найти брата-подсудимаго, и онъ, 2 года спустя, является, наконецъ, предъ присяжными засѣдателями. И что же? Присяжные засѣдатели—эта ходячая общественная совѣсть—признаютъ его виновнымъ въ простой кражѣ предметовъ, стоющихъ менѣе 50 коп., и судъ, коллегіальное учрежденіе, приговариваетъ его, по уст. о наказ. налагаемыхъ мировыми судьями, на 2 мѣсяца въ тюрьму, тогда какъ единоличной власти мироваго судьи предоставляется наказывать годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ (170 ст. мироваго устава).

Другой примѣръ: человѣкъ похитилъ изъ сундука чет-

вертку чаю, цѣною въ 30 к., очки въ 20 коп., и кушакъ въ 15 коп., итого на 65 коп.; что же касается того, взломалъ ли онъ для этого сундукъ или отперъ его подобраннымъ ключомъ, или же выдернулъ пробой, то владѣлецъ сундука отозвался: «сундучишка, кажись, былъ замкнутъ, а впрочемъ, богъ-вѣсть, можетъ я и забылъ замкнуть».

Третій подсудимый забрался въ три сундука и изъ всѣхъ ихъ едва набралъ на 2 руб. хламу.

Четвертому приписываютъ сорваніе пробоевъ съ двухъ дверей, изъ-за которыхъ онъ унесъ поддевку, оцѣненную самимъ ея хозяиномъ въ 1 р. 60 к.; подтвердилась же только кража поддевки.

Несмотря, однако, на очевидную маловажность преступленій, совершенныхъ этими и имъ подобными, безграмотными, простыми до глупости людьми, они высиживали до рѣшенія, подъ предварительнымъ арестомъ, ради «пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ отвѣтственности», по 8—10 мѣсяцевъ сряду, въ сообществѣ завзятыхъ мазуриковъ, закоренѣлыхъ преступниковъ, которые всегда сбиваютъ съ толку и развращаютъ неопытныхъ своихъ сожителей.

— Вотъ ты за пустяки, почитай, безвинно маешься въ заточеніи столько же времени, сколько я за самую то-ись важнецкую штуку, говоритъ новичку бывалый. Стало быть ни законъ, ни судъ тебѣ супротивъ меня не мирволятъ, потому и законъ-то, да и эвтотъ хваленый судъ хороши однимъ барамъ, тѣ и толкуютъ о немъ ни вѣсть что.

Такія разсужденія мы слышали не разъ во время недавняго обозрѣнія здѣшнихъ тюремъ.

И научаемый вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе пройдохи. А что народъ дѣйствительно долго ждетъ въ заточеніи рѣшенія своей участи за вздорные проступки—это безспорно: со дня утвержденія судебною палатою обвинительныхъ актовъ до дня судоговоренія проходитъ обыкновенно 4 или 5 мѣсяцевъ (акты утверждены были, напримѣръ, въ октябрѣ 1870 г., а дѣла разсматривались въ судѣ въ февралѣ 1871 г.). Столько же, по крайней мѣрѣ, времени подсудимые сидятъ еще, покуда производятся предварительныя слѣдствія; вотъ вамъ и годъ. Между тѣмъ, сколько бы времени подсудимый ни пробылъ подъ стражею до вступленія приговора въ окончательную силу, время это при осужденіи его, не зачтется ему въ срокъ опредѣленнаго наказанія—за исключеніемъ заключенія въ тюрьму, рабочій домъ, арестантскія роты и проч. (угол. касаціонное рѣшеніе 1868 г., № 423). Пусть виноватые несутъ это тяжелое испытаніе; но за что же, скажите на милость, страдаютъ въ одинаковой степени и тѣ, которые выходятъ изъ суда оправданными? Кто вознаградитъ ихъ за нравственныя и физическія муки, проистекающія отъ годичнаго заключенія, за разореніе ихъ хозяйства, за потерю часто крова, семьи? Никто. Эта тяжелая жертва приносится на алтарь правосудія, а жертвователи получаютъ въ награду за нее—свободу, высшее человѣческое благо.

Движутся дѣла столь медленно оттого, большею частію, что судебная служба до сихъ поръ еще считается самою модною и выгодною; поэтому въ нее идутъ не-

рѣдко люди безъ охоты къ труду, люди мало свѣдущіе, но тѣмъ не менѣе падкіе до значительнаго содержанія, до почетнаго положенія, какое занимаютъ въ обществѣ представители новаго суда. Получить въ новомъ судѣ справку по дѣлу человѣку, не принадлежащему къ суду, стоитъ не малаго труда; по просьбѣ присяжныхъ повѣренныхъ, дѣла часто докладываются и внѣ очереди, но того же не добьется простой смертный, не смотря на самыя, казалось бы, уважительныя причины. Секретарями, ихъ помощниками, въ новый судъ поступаютъ люди прямо со школьной скамьи, а то даже изъ отставныхъ фронтовыхъ офицеровъ, а подобныя лица весьма естественно не подготовлены къ усидчивому, постоянному труду и потому волею-неволею производятъ упущенія, замедляютъ ходъ дѣлъ и необходимое быстрое отправленіе правосудія. Да и принимаютъ эти молодые люди низшія судебныя должности большею частію лишь на время, какъ средство быстраго повышенія въ будущемъ: многіе изъ нихъ въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ успѣваютъ попасть въ члены и товарищи прокуроровъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Поэтому нисколько не удивительно, что молодежь, занимая низшія судебныя должности, смотритъ на свои обязанности свысока, съ пренебреженіемъ; съ частнымъ человѣкомъ, пришедшимъ за справкою по его дѣлу—говорить не хотятъ, со своими подчиненными, бѣдными, безъ протекціи и связей, канцелярскими чиновниками обращаются деспотически, позволяютъ себѣ относительно ихъ произволъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а вмѣсто того, чтобы работать, цѣлые дни прогуливаются изъ одной залы засѣданія въ другую, изучая

позы, интонацію членовъ суда, прокуроровъ, чтобы потомъ, достигнувъ этихъ завѣтныхъ званій, знать, какъ ловчѣе держать себя передъ толпою.

— Кѣмъ вы служите?—раздается прежде всего, при встрѣчѣ двухъ подобныхъ юныхъ юристовъ, въ длинныхъ корридорахъ судебныхъ мѣстъ.

— Помощникомъ, краснѣя отвѣчаетъ вопрошаемый.— Я выношу, впрочемъ, эту должность временно, спѣшитъ онъ оговориться: скоро обѣщаютъ повысить. А вы?

— На дняхъ—товарищъ прокурора, гордо отвѣчаетъ товарищъ, наслаждаясь своимъ превосходствомъ. Счастіе и мнѣ, однако, не совсѣмъ-то улыбается: такой-то ужъ членомъ, а вѣдь мы одного съ нимъ выпуска.

И одержимые одною болѣзнью, жаждою повышенія, молодые люди долго-долго ходятъ потомъ по корридорамъ, соображая, при помощи кого можно скорѣй выскочить на широкую судейскую дорогу...

Насъ могутъ, конечно, спросить: какимъ же способомъ устранить эти неурядицы, уравновѣсить право попавшихъ подъ слѣдствіе и судъ? На это мы отвѣтимъ слѣдующее: Дабы наказанія соотвѣтствовали важности или ничтожности преступленій, было бы справедливо, какъ по принципу возмездія, такъ и въ интересахъ самого правосудія, изъять изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ всѣ дѣла о кражахъ посредствомъ сомнительныхъ взломовъ, а равно и маловажныхъ, по цѣнамъ покраденнаго, дѣлъ со взломомъ, передавъ ихъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, т. е. пріурочить ихъ къ 169—172 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. и 33 ст. уст. уголов. судопр. Это измѣненіе подсудности принесетъ

благіе плоды: во-первыхъ, обвиняемые получать много чрезъ 2 недѣли послѣ приведенія ихъ къ суду заслуженное наказаніе или свободу, а вмѣстѣ съ нею сохранятъ и свои силы, матеріальное благосостояніе и живо примутся за свойственный имъ честный трудъ, тогда какъ теперь они выходятъ изъ тюремъ физически и нравственно искалѣченными и настолько возстановленными противъ общества, что прямо мѣтятъ въ кандидаты на преступленія. Во-вторыхъ, тюрьмы не будутъ биткомъ набиты нерѣдко напрасно страдающими людьми, отчего бытъ остальныхъ заключенныхъ улучшится а отребья общества, оставшись въ заключеніи безъ учениковъ, убѣдятся, что каждому воздается по его заслугамъ. Въ третьихъ, у судебныхъ слѣдователей, прокурорскаго надзора, окружнаго суда и судебной палаты число дѣлъ на половину, навѣрное, сократится, отчего названныя лица и мѣста пріобрѣтутъ возможность гораздо успѣшнѣе разсматривать дѣйствительно криминальныя дѣла, въ которыхъ, къ сожалѣнію, не только нѣтъ недостатка, но напротивъ, ощущается даже избытокъ.

Независимо кражъ со взломомъ. во время нашего засѣдательства были и другихъ сортовъ дѣла, по существу, выѣденнаго яйца не стоившія; по мытарствамъ же, какимъ подвергались подсудимые, и по грозившимъ имъ въ случаѣ обвиненія, наказаніямъ—они возмущали всѣхъ до глубины души.

Такъ, напримѣръ, два неграмотныхъ карела-односельца, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, случайно сошлись, въ 1866 г., на ярмаркѣ въ г. Куніо. Паспорты обоихъ были совершенно тождественны форматомъ,

цвѣтомъ, подписями и печатями. Одинъ изъ карелъ пошелъ съ обоими паспортами въ полицію, гдѣ ихъ прописали, вернули ему, и онъ одинъ отдалъ товарищу, а съ другимъ отправился проселочною дорогою домой, куда и добрался благополучно. Товарищъ же пустился во-свояси чрезъ Петербургъ; на бѣлоостровскомъ пограничномъ посту (близь Парголова) власть предержащая осмотрѣла предъявленный имъ паспортъ и спросила, какъ его зовутъ. «Антонъ Микилевъ» [1]) отвѣтилъ онъ, ничего не подозрѣвая. «Но паспортъ-то вѣдь Андрея Минина», возразили ему. «Э, такъ мы, значитъ, обмѣнялись, по ошибкѣ, съ Мининымъ», оправдывался онъ — и разсказалъ, какъ было дѣло. Ему не повѣрили, а свели его къ становому, отъ котораго онъ и пошелъ «стонать по полямъ, по дорогамъ, по тюрьмамъ, по острогамъ, на желѣзной цѣпи»... И гдѣ-гдѣ только несчастный не перебывалъ!.. Отъ становаго у исправника, уѣзднаго мироваго судьи, въ арестантскомъ корпусѣ сухопутнаго госпиталя, въ столичныхъ: тюремномъ замкѣ, пересыльной тюрьмѣ, а изъ нея, по этапу, въ наручникахъ, былъ посланъ въ Петрозаводскъ, Повѣнецъ, такъ что еле-еле черезъ два года вернулся домой. Тамъ затянулось о немъ слѣдствіе, а его отдали, въ видѣ милости, на поруки его отцу, съ воспрещеніемъ, впрочемъ, куда бы то ни было отлучаться до востребованія. Олонецкая уголовная палата, разсмо-

---

[1]) Настоящая его фамилія была Никифоровъ; но Микилевъ легче по деревнѣ выговаривалось, а потому дома его чаще звали Микилевъ. Такъ говорилъ онъ на судѣ, утверждая по своему невѣжеству, что Микилевъ и Никифоровъ—одно и то же.

трѣвъ въ 1869 г. дѣло о Никифоровѣ, пришла къ заключенію, что онъ совершилъ преступленіе въ Петербургской губерніи, а потому и переслала это дѣло, въ 1870 г., по подсудности, къ здѣшнимъ властямъ, не преминувшимъ составить и утвердить противъ Никифорова обвинительный актъ. Затѣмъ окружной судъ позвалъ Никифорова сюда, для врученія ему копіи съ обвинительнаго акта и проч. (556—558, 561, 562 и дальнѣйшія ст. уст. угол. судопр.); но повѣнецкая полиція отозвалась, со словъ Никифорова, что онъ не имѣетъ никакихъ средствъ пріѣхать сюда, а потому предоставляетъ суду судить его безъ него, заочно. Такъ-какъ это противорѣчитъ 583, 592 ст. уст. угол. судопр., то судъ вытребовалъ Никифорова въ Петербургъ по этапу. И пошелъ несчастный опять «стопать по полямъ, по дорогамъ, по тюрьмамъ, по острогамъ, на желѣзной цѣпи»... Насталъ, наконецъ, для него грозный день гамлетовскаго «быть или не быть». Въ залу суда вошелъ 24-лѣтній щедушный, маленькаго роста парень, полуидіотъ; его заперли за рѣшотку, возлѣ дверцы которой сталъ жандармъ, съ обнаженнымъ палашомъ. Присяжные засѣдатели, вглядѣвшись въ эту забитую, многострадальную личность, живо прониклись жалостью къ ней, не зная еще даже, въ чемъ она обвиняется.

«Вашему, гг. присяжные засѣдатели, вниманію подлежитъ», произнесъ предсѣдатель, «дѣло по обвиненію Никифорова въ покушеніи проживать по чужому, фальшивому паспорту».

Ну, думаемъ, вздоръ. Читаютъ обвинительный актъ, изъ котораго узнаемъ все вышеизложенное. Сердце вчужѣ щемитъ отъ мученій, перенесенныхъ Никифоро-

вымъ. Предсѣдатель предлагаетъ ему разсказать откровенно обстоятельства его дѣла.

«Я ужь разсказывалъ, разсказывалъ вездѣ и кажинному про эвту оказію, ажно тошнота одолѣла», съ невыразимою горечью отвѣчаетъ онъ. «Все дѣло-то въ ошибкѣ: мы, то-ись, обмѣнялись съ Мининымъ паспортами и я не понимаю, какъ это меня тягаютъ, тягаютъ четыре года кряду, коли я ничего худого не сдѣлалъ, никого, то-ись, и словомъ не изобидѣлъ? Будьте милосливы... Господи! что за напасти за такія!»

Начались рѣчи, хитросплетенныя, длинныя рѣчи, которыми обвинитель и защитникъ, точно остріемъ кинжала, съ гордостію, трижды поражали другъ друга, для собственнаго удовольствія: присяжные засѣдатели въ умѣ давнымъ давно уже рѣшили дѣло—единогласно оправдали Никифорова, да еще дали ему на дорогу 16 руб. Мы подошли къ нему и спросили его: радъ ли онъ своему оправданію.

«За деньги, что собрали мнѣ, дай вамъ Богъ добраго здоровья, потому у меня гроша нѣтъ за душой. Ну, а что оправдали—такъ я же и не виноватъ. Стало быть, не за что и винить меня. Эвтотъ анаѳемскій паспортъ и такъ ужь меня чуть въ гробъ не вогналъ. Истинный Богъ такъ»...

Еще случай. Наборщикъ типографіи, 35-ти лѣтній мѣщанинъ, обвинялся въ грабежѣ. Но что же это за грабежъ? На дворъ одного дома вошелъ разъ одинъ изъ типическихъ дядей «Власовъ», съ книжкою, и началъ выкрикивать: «подайте, милосливые господа, на построеніе храма Господня». Мѣщанинъ, будучи выпивши и наслышавшись,

что здѣсь бродитъ много людей съ фальшивыми книжками, присталъ къ Власу, прося его показать ему книжку; тотъ не соглашался. Начали они препираться, при чемъ мѣщанинъ съ досады вырвалъ изъ рукъ «многогрѣшнаго» книжку, съ которой разлетѣлись въ грязь 10 копѣекъ. Власъ завопилъ благимъ матомъ, явились дворники, полиція; послѣдняя составила протоколъ объ ограбленіи мѣщаниномъ Власа, передала этотъ протоколъ судебному слѣдователю; тотъ произвелъ ровно ничего не выяснившее слѣдствіе, и 7 мѣсяцевъ спустя, мѣщанинъ, содержавшій своимъ трудомъ старушку мать и одобренный нѣсколькими свидѣтелями, появился на обвинительной скамьѣ за грабежъ. Присяжные засѣдатели и его, разумѣется, оправдали, что, впрочемъ, совершенно понятно: грабежъ влечетъ виновнаго въ немъ на каторгу, а направить туда человѣка за 10 коп., никто изъ обладающихъ хоть долею здраваго смысла, безъ всякаго сомнѣнія, не дерзнетъ.

12-тилѣтній мальчикъ очутился на обвинительной скамьѣ за то, что, будучи въ 1869 году въ услуженіи у торговца пряностями и фруктами, однажды забрался потихоньку къ сараю, въ которомъ хранились названные предметы, вытащилъ чѣмъ-то задвижку отъ двери, но тотчасъ же былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и затѣмъ преданъ слѣдствію и суду. Изъ показанія ребенка, дышавшаго искренностію, приведемъ лишь послѣднія три слова: «я хотѣлъ полакомиться». И это-то несчастное дитя цѣлыхъ два года томилось въ ожиданіи правосудія и фигюрировало на судѣ, въ качествѣ «обвиняемаго въ покушеніи на кражу со взломомъ»? Не дико ли

это не только для просвѣщеннаго, гуманнаго человѣка, но даже и въ глазахъ такого, который не обладаетъ ни названными качествами, ни даже хоть микроскопическою долею совѣсти? Не должна ли жестоко возмутиться общественная совѣсть подобнымъ печальнѣйшимъ явленіемъ? Присяжные засѣдатели оправдали и мальчика.

Не одни, впрочемъ, простолюдины попадаютъ подъ судъ за самыя вздорныя, безсмысленныя дѣянія. Очень приличная, лѣтъ 30-ти, чиновница, дочь генерала, кончившая курсъ съ отличнымъ аттестатомъ въ Смольномъ институтѣ и обладавшая изрядными матеріальными благами, обвинялась—въ чемъ бы вы думали? «Въ кражѣ у знакомой пяти мужскихъ галстуховъ», стоившихъ много, много 3 рубля! Тѣмъ не менѣе чиновницу ожидало за это лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, да еще заключеніе въ тюрьму отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ (1656 ст. улож. о наказан. и 169—172 ст. мироваго устава). Какъ оставалось поступить присяжнымъ засѣдателямъ съ этимъ субъектомъ? Обвинить (улики были порядочныя)? но за пять галстуховъ столь жестоко ошельмовать женщину, а въ ея лицѣ нанести, на долгіе годы, скорбь и позоръ ея семьѣ, этого, полагаемъ, и дикіе алеуты, самоѣды не сдѣлали бы. Присяжные засѣдатели и ее оправдали.

Если бы мы захотѣли прослѣдить всѣ дѣла, разсмотрѣнныя присяжными засѣдателями въ теченіе только 3-хъ мѣсяцевъ текущаго года, мы навѣрное собрали бы такую мрачную серію, которая привела бы въ ужасъ читателей. Но и описанныхъ нами дѣлъ совершенно, кажется, достаточно для того, чтобы всякій наглядно убѣдился въ

безусловной несостоятельности множества статей нашего, столь недавно еще изданнаго уложенія о наказаніяхъ (1866 г.). Между тѣмъ, именно въ этой несостоятельности и чрезвычайной суровости наказанія за мелкія прегрѣшенія и кроются причины оправданія иныхъ подсудимыхъ, въ числѣ которыхъ бываютъ безпорно виноватые.

Впрочемъ, значительная доля вины за преданіе людей суду присяжныхъ по пустяшнымъ проступкамъ и недоказаннымъ и неуловимымъ преступленіямъ падаетъ, по нашему глубокому убѣжденію, на судебный персоналъ. Такъ, цѣлый рядъ статей уст. угол. судопр. (3-й пунктъ 510, 518, 523, 524, 528, 529, 532 и 534 и проч. ст.) трактуютъ о томъ, что прокурорскій надзоръ, окружной судъ и судебная палата обязаны тщательно разсматривать предварительныя слѣдствія и предлагаемые по нимъ къ утвержденію обвинительные акты; въ случаѣ же несостоятельности обвиненій прокуратурѣ вмѣняется предлагать, а суду и палатѣ утверждать о прекращеніи начатыхъ дѣлъ. Подобныя дѣла проходятъ, такимъ образомъ, чрезъ три инстанціи, а содержаніе ихъ узнаютъ до мельчайшихъ подробностей 8 человѣкъ «справедливыхъ и милостивыхъ судей» (прокуроры окружнаго суда и судебной палаты, да по 3 члена суда и палаты), которымъ законъ ввѣряетъ участь подсудимыхъ съ полною увѣренностію, что они предадутъ суду однихъ лишь дѣйствительно, по «ихъ нравственному убѣжденію», виновныхъ. Отчего же, спрашивается, подъ судъ присяжныхъ засѣдателей попадаютъ такіе люди, въ дѣлахъ которыхъ нѣтъ, какъ мы выше разсказывали, и признаковъ взломовъ, а есть только виновность въ грошовыхъ

кражахъ, подлежащихъ юрисдикціи мировыхъ судей (169—172 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд.); такіе люди, какъ обмѣнившійся, по ошибкѣ, паспортомъ; какъ разсыпавшій по землѣ 10 к.; какъ желавшій «полакомиться» пряниками? Вопросы эти тѣмъ болѣе имѣютъ вѣсу и тѣмъ сильнѣе интересуютъ насъ, что личный составъ здѣшнихъ судебныхъ мѣстъ изобилуетъ, какъ кричатъ повсюду, не только обыкновенными, но даже учеными криминалистами, — людьми, которымъ ровно никакого труда не стоитъ усвоить себѣ ясное представленіе о данномъ предметѣ. Мало того: ихъ непремѣнный долгъ установить правильный на дѣла взглядъ и сборной братіи—присяжныхъ засѣдателей, не обладающихъ, большею частію, никакими понятіями объ уголовномъ правѣ. Такъ-какъ на практикѣ мы, къ сожалѣнію, видимъ противное, то поставленные нами вопросы невольно вызываютъ страшную мысль: не начинаетъ ли ужъ новое вино переливаться въ старые мѣхи, не впадаютъ ли понемногу наши «справедливые и милостивые судьи» въ забытый было черствый бюрократизмъ? Не вернуться бы намъ постепенно къ тому скверному старому времени, когда народъ стоналъ «у подъѣзда судовъ и палатъ»! Легкое отношеніе къ утвержденію всякихъ обвинительныхъ актовъ и потому еще непозволительно, что: а) опредѣленія объ этомъ не подлежатъ, какъ гласитъ уголовное кассаціонное рѣшеніе 1867 г. № 60, обжалованію ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкахъ и б) вслѣдствіе утвержденія актовъ, зиждущихся на шаткихъ, сомнительныхъ аргументахъ, вся обуза взваливается на присяжныхъ засѣдателей, которые, не вѣдая причинъ преданія обвиняемыхъ суду, впадаютъ

въ непроходимый лабиринтъ косвенныхъ и гадательныхъ уликъ, въ лабиринтъ, изъ котораго они часто не знаютъ, какъ выбраться и рѣшаютъ дѣла такъ, какъ въ извѣстный моментъ Богъ на душу положитъ. За такой образъ дѣйствій «справедливыхъ и милостивыхъ судей» нельзя не послать имъ самый энергическій упрекъ.

VIII.

Внимательныя, за цѣлый мѣсяцъ, ежедневныя наблюденія надъ подсудимыми, свидѣтелями и проч., дали намъ весьма характеристическія черты нравовъ лицъ, фигюрирующихъ, въ разныхъ роляхъ, предъ присяжными засѣдателями.

Простолюдины подсудимые, входя въ залъ, всѣ крестятся: одни—разъ-два, а другіе—многократно и потомъ кланяются: одни—суду, а другіе—засѣдателямъ. Засимъ одни садятся и робко озираются вокругъ; другіе же все время стоятъ потупившись. Когда, при разспросахъ, что-нибудь чересчуръ ужъ задѣнетъ ихъ за живое, однихъ живо слезы прошибаютъ, а другіе—краснѣютъ, опускаютъ низко головы, либо трутъ глаза пальцами. Зная напередъ невозможность выпутаться изъ неминуемо грозящей бѣды, одни прямо, откровенно сознаются, другіе оговариваютъ кого-нибудь, или за 2—3 дня до засѣданія просятъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, въ чемъ имъ, конечно, отказываютъ, а они на нихъ-то, отсутствующихъ, и ссылаются. Когда рѣчь заходитъ о причинѣ, побудившей подсудимыхъ совершить преступленіе (преимущественно кражи, какъ мы выше замѣтили), они отзывают-

ся: одни вполголоса — «грѣхъ попуталъ», «самъ не знаю», «такъ»; другіе же: «потому съ волчьимъ паспортомъ ничего не достанешь», «былъ безъ работы, хворость понудила». При рѣчахъ обвинительныхъ, одни блѣднѣютъ, теряются, а другіе громко вздыхаютъ, морщатся; при защитительныхъ же рѣчахъ одни смотрятъ грустно, уныло, такъ сказать безнадежно, а другіе веселѣютъ, питая, очевидно, добрую надежду. Сопоставляя эту характеристику съ дѣлами и вердиктами присяжныхъ засѣдателей, оказывается, что первые — невинные, новички въ преступленіяхъ, либо мало виновны, а послѣдніе — опытные мазурики и, за рѣдкими исключеніями, виновны.

«Благородные» и состоятельные подсудимые поступаютъ иначе. Тѣ, которые не чаютъ себѣ пощады, являются одѣтыми просто, никому не кланяются, говорятъ рѣзко, отрывочно, смотрятъ высокомѣрно, въ отвѣтахъ противорѣчатъ себѣ, упорно отрицаютъ факты, стараются сбивать свидѣтелей и, наконецъ, запасаются различными справками, да медицинскими свидѣтельствами. Такъ двое, напримѣръ, представили въ облегченіе своей участи: одинъ — копію съ постановленія духовной консисторіи о томъ, что онъ за покушеніе на самоубійство приговоренъ къ церковному покаянію «примѣрно на 3 года» и медицинское свидѣтельство о своемъ страданіи меланхоліею, а другой обвязалъ себя бѣлыми платками, выставивъ во время судбища напоказъ больныя кисти рукъ, кромѣ того принесъ медицинское же свидѣтельство, которое гласило, что онъ въ высшей степени одержимъ нервнымъ разстройствомъ, и не въ силахъ долго оставаться безъ движенія и свѣжаго воздуха. Ка-

сательно послѣдняго произошелъ, слѣдующій казусъ. На другой день послѣ объявленія ему приговора, одинъ изъ засѣдателей встрѣтилъ его на биржѣ совершенно здоровымъ и безъ всякихъ повязокъ. Изумившись такому быстрому выздоровленію вчерашняго отчаянно-больнаго, засѣдатель нарочно поздоровался съ нимъ и, о ужасъ! увидалъ, что ни на веселомъ лицѣ его, ни на рукахъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было недуговъ, которые бы вынуждали его обвязываться. Фактъ этотъ предлагаемъ серьезному вниманію окружнаго суда, дабы онъ критически относился къ купленнымъ медицинскимъ свидѣтельствамъ. Наконецъ, маловиновныя привилегированныя лица являются въ судъ по большей части изящно одѣтыми, безъ всякихъ увертокъ сообщаютъ всѣ событія, предшествовавшія преданію ихъ суду, на вопросы отвѣчаютъ почтительно, охотно, приводятъ свидѣтелей безупречной прежней ихъ жизни, несчастныхъ обстоятельствъ, вовлекшихъ ихъ въ преступленія, и въ заключеніе просятъ состраданія къ ихъ горькому положенію.

Свидѣтели подраздѣляются на разныя категоріи. Къ первой принадлежатъ претерпѣвшіе отъ преступленій. Почти всѣ они яростно нападаютъ на подсудимыхъ, ставятъ имъ въ вину всякія бездѣлицы, даже и до существа дѣлъ не относящіяся; передаютъ всевозможные эпизоды изъ жизни своихъ враговъ въ самомъ грязномъ видѣ, стремясь очернить ихъ въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, даже и тогда, когда хорошо знаютъ, что отъ обвиненія противниковъ ихъ матеріальные убыт-

ки не вознаградятся, такъ-какъ у обвиняемыхъ нѣтъ никакихъ къ тому средствъ.

Вторая категорія — очевидцы совершившихся кражъ, взломовъ и т. п.,—состоитъ преимущественно изъ дворниковъ, рабочихъ, лакеевъ и городовыхъ. Отъ всѣхъ этихъ лицъ приходится силою вытягивать объясненія каждаго недоразумѣнія; иначе они все забываютъ, отъ многаго, записаннаго съ ихъ же словъ, судебными слѣдователями, отказываются; словомъ, проникаются сожалѣніемъ къ подсудимымъ и не хотятъ имъ вредить. Къ этой же категоріи принадлежатъ чиновники, во всемъ что касается преступленій, содѣянныхъ въ мѣстахъ ихъ службы: напр., о порядкахъ, тамъ господствующихъ, они ни за что ничего обстоятельно не объяснятъ, дабы «не вынести соръ изъ избы»,—за что начальство ихъ можетъ разсердиться и лишить ихъ занимаемыхъ ими должностей. Очевидно, въ нихъ дѣйствуетъ чувство самосохраненія.

Третья категорія, болѣе или менѣе подготовленные за, либо противъ подсудимыхъ, люди всегда словоохотливые, развязные, разсказываютъ все въ историческомъ порядкѣ, съ тактомъ, бойко: «3-го, молъ, числа декабря 1870 года, шелъ я, въ два часа дня, по Глухому переулку» и т. д., и рапортуютъ все, какъ по писанному. Но вздумайте, напримѣръ, прервать его, или особливо выдернуть какой-нибудь фактъ изъ середины, въ то время, когда онъ уже кончаетъ, — онъ станетъ врать и въ заключеніе замолчитъ. А это ужъ означаетъ, что онъ вызубрилъ свое показаніе только послѣдовательно и далеко не можетъ быть названъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Противъ иныхъ изъ этого сор-

та свидѣтелей нерѣдко возбуждаютъ обвиненія—во лжесвидѣтельствѣ.

Четвертая и послѣдняя категорія свидѣтелей, это—коммисіонеры, сближающіе аферистовъ для совмѣстнаго надувательства, помогающіе осуществленію ихъ мошенническихъ спекуляцій надъ несвѣдущими, несчастными людьми; они берутъ за это съ обѣихъ сторонъ вознагражденіе и потомъ говорятъ: «умываемъ руки». Сюда относятся тайные и явные ростовщики, купившіе или принявшіе въ залогъ краденыя и вымaненныя подсудимыми вещи. Это народъ въ высшей степени ловкій, находчивый и такой, что изъ воды всегда сухой вылѣзетъ; оно, впрочемъ, и немудрено: большинство ихъ,—этой общественной моровой язвы,—уже по нѣскольку разъ сами судились за мошенническія продѣлки и отлынивали денежнымъ штрафомъ, либо оправдывались по недостатку уликъ.

IX.

Большинство товарищей прокурора начинаютъ свои обвинительныя рѣчи съ менторскаго внушенія присяжнымъ засѣдателямъ чтобы они, помня святость принятой ими присяги, отрѣшились отъ всякаго внѣшняго вліянія, слушали рѣчи съ напряженнымъ вниманіемъ, безъ всякой предвзятой идеи; а если подсудимый—рецидивистъ, то чтобы отнюдь не упустили этого изъ виду: такой человѣкъ сугубый, дескать, грѣшникъ.

Переходя, засимъ, къ существу дѣлъ, они очень часто голословно отрицаютъ самыя серьезныя сомнѣнія въ виновности подсудимыхъ, фразисто доказывая, что поло-

жительные промахи и недостатки предварительнаго слѣдствія представляются естественными, ясными, либо ничего въ пользу подсудимаго не говорящими; при чемъ за отсутствіемъ, во многихъ случаяхъ, данныхъ, которыя бы хоть нѣсколько подтвердили ихъ доводы—прибѣгаютъ къ натяжкамъ и софизмамъ.

Крестьянинъ, напримѣръ, обвинялся въ похищеніи, между прочимъ, отсрочки на проживаніе. «Намъ говорятъ, что не онъ ее похитилъ, выразился прокуроръ; но коль скоро ее нашли возлѣ стола, за которымъ онъ сидѣлъ,—значитъ, онъ бросилъ ее потихоньку на полъ». Говоря это, обвинитель точно забылъ, что тотъ же самый столъ окружали: другой заподозрѣнный въ преступленіи крестьянинъ, въ суматохѣ скрывшійся, да еще человѣкъ 10 рабочихъ, а отсрочка могла любаго изъ нихъ избавить отъ путешествія на родину въ наручникахъ.

— Подсудимый увѣряетъ, что онъ совершилъ кражу по крайности и отсутствію всякихъ средствъ къ пропитанію, толковалъ другой обвинитель. Но вспомните, гг. присяжные засѣдатели, какую сильную нужду ощущаетъ общество въ исправныхъ рабочихъ, и вы придете къ логическому заключенію, что еслибы онъ захотѣлъ, то легко могъ бы пріискать себѣ занятіе и жить трудомъ. Въ этомъ меня убѣждаетъ и то еще обстоятельство, что житейскія потребности простолюдиновъ слишкомъ не затѣйливы; 20 коп. въ день совершенно достаточно подобному человѣку, а заработать эти копейки ему, человѣку здоровому, было очень легко. Но такъ-какъ онъ предпочелъ

воровать, то слѣдовательно онъ дурной членъ общества и достоинъ обвиненія.

— Подсудимый однажды уже судился,—объяснялъ третій обвинитель,— и былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ, что должно было бы вернуть его на честный путь. Но такъ-какъ въ немъ не произошло этой благотворной перемѣны, то вторичное заключеніе дастъ ему время поразмыслить, раскаяться и онъ проникнется, наконецъ, сознаніемъ, что жить преступленіемъ — противно природѣ человѣческой, и что такая жизнь осуждается общественною совѣстью, въ лицѣ васъ, гг. присяжные засѣдатели.

Между тѣмъ всѣ эти тирады разлетаются яко дымъ, какъ только вспомнишь, напримѣръ, что человѣка съ волчьимъ паспортомъ ни на какой трудъ не берутъ, что отъ него всѣ отшатываются, какъ отъ чумы, а голодъ сильнѣе благоразумія; что тюрьмы не исправляютъ, а развращаютъ людей (это сознано уже самимъ правительствомъ). Этихъ неопровержимыхъ фактовъ представители правосудія не могутъ, конечно, не знать, а слѣдовательно и пренебрегать ими, по меньшей мѣрѣ, неприлично.

Четвертый обвинитель энергически отстаивалъ нынѣшнюю паспортную систему, главнымъ образомъ напирая на то, что она приноситъ государству доходъ. «Подсудимый хоть и говоритъ, что онъ по ошибкѣ обмѣнялся съ товарищемъ паспортами, но онъ ничѣмъ этого не доказалъ», настаивалъ онъ на обвиненіи. Но и самъ онъ, обвинитель, не могъ опровергнуть показанія подсудимаго и потому, на основаніи 740 ст. уст. уголовн. судопр., вправѣ былъ отказаться отъ поддержанія обвиненія; это было бы съ его стороны тѣмъ болѣе разумно, что общественное

мнѣніе давно уже ратуетъ противъ паспортовъ, не разъ высказываясь въ оправданіи подсудимыхъ, обвинявшихся въ проживаніи по фальшивымъ или чужимъ паспортамъ.

Весьма странно и даже забавно въ особенности то, что прокуроры усиливаются обвинять: простолюдиновъ за то, что они здоровы, нуждаются въ маломъ, но тѣмъ не менѣе взламываютъ различныя хранилища и крадутъ все, что имъ попадается на глаза, а привилегированныхъ за то, что они люди образованные, развитые, хорошо понимаютъ гнусность преступленій, и все-таки совершаютъ таковыя...

Заключая свои рѣчи, тѣ обвинители, которыхъ мы разумѣемъ, обыкновенно считаютъ своимъ долгомъ вдалбливать присяжнымъ засѣдателямъ, что ихъ обязанность только отвѣчать: «да, виновенъ», ничуть не задаваясь при этомъ, вопросомъ, что за симъ, въ перспективѣ, ждетъ подсудимаго: «вопросъ сей васъ, дескать, вовсе не касается, ибо вы касательно онаго посторонніе люди». Это стремленіе обвинителей заставить присяжныхъ засѣдателей забыть о степени наказанія, вытекаетъ изъ здраваго опасенія, какъ бы они, сопоставляя ничтожность вины съ суровостью слѣдующаго за нее наказанія, не оправдывали подсудимыхъ, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи никакого иного суррогата. Подобный образъ дѣйствій засѣдателей, по словамъ обвинителей, равносиленъ помилованію, что составляетъ прерогативу Монаршей власти, а не засѣдателей, судей голыхъ фактовъ. Вразумленіе это раздражаетъ мыслящихъ засѣдателей: человѣкъ, облеченный высокимъ довѣріемъ добиваться «праваго и милостиваго суда», учитъ людей, стоящихъ умствен-

но подъ—часъ ничуть не ниже его, рѣшать дѣла какъ ему угодно, для чего требуетъ, чтобы они превратились въ автоматовъ!... Не дико ли это слышать въ «правомъ и милостивомъ судѣ?»

Вообще говоря, наши прокуроры, усердно гоняясь за обвиненіемъ подсудимыхъ, бросаютъ нерѣдко въ нихъ всевозможною грязью, отыскиваемою ими не только въ существѣ дѣлъ, но даже въ утонченныхъ догадкахъ и слухахъ, выдаваемыхъ ими за истину. При скудости же и этихъ матеріаловъ, нѣкоторые перекладываютъ на множество ладовъ одни и тѣ же событія, переплетаютъ настоящее съ прошедшимъ подсудимаго; то, что можно сказать въ 10 минутъ, пережевываютъ по часу сряду и всѣмъ этимъ только производятъ сумбуръ въ головахъ тѣхъ присяжныхъ засѣдателей, которые не въ состояніи отличить дѣла отъ пустословія. Нѣкоторые же заботятся, кромѣ того, еще и о томъ, чтобы переполнить свои рѣчи иностранными словами, учеными терминами; стараться, чтобы самыя рѣчи выходили ораторскими, и потому излагаютъ пустѣйшія дѣла напыщеннымъ, риторическимъ слогомъ. Но отъ этого фразерства, однихъ — развитыхъ засѣдателей (меньшинство)—претитъ, а другіе—малоумные—зѣваютъ, сладко дремлютъ, убаюканные плавными гортанными звуками «начальства».

Говоря объ обвинителяхъ съ указаннымъ нами характеромъ, было бы несправедливо умолчать и о тѣхъ немногихъ товарищахъ прокурора (3 чел. изъ 15), которые представляютъ собою отрадное исключеніе. Они добросовѣстно группируютъ факты, не прибѣгаютъ къ натяжкамъ, мысли свои излагаютъ чрезвычайно ясно, по-

слѣдовательно, и (что всего важнѣе касательно большинства присяжныхъ засѣдателей) въ формѣ самой простой, доступной пониманію каждаго.

X.

Большинство защитниковъ также, какъ и обвинители, начинаютъ свои рѣчи высокопарнымъ, докторальнымъ тономъ. «Гг. присяжные засѣдатели, ваше призваніе, гарантированное присягою, которой никто не вправѣ насиловать,—отнестись къ настоящему дѣлу безпристрастно, не увлекаться тѣмъ, что говорилъ обвинитель, забыть-то, что вы, быть можетъ, слышали о настоящемъ дѣлѣ внѣ присутствія суда о личныхъ качествахъ подсудимаго, не обращать никакого вниманія на то, что онъ вторично судится: все это собственно васъ вовсе не касается. Вамъ слѣдуетъ всякое сомнѣніе истолковывать, какъ установлено закономъ, въ пользу подсудимаго и т. п.».

Далѣе, въ противовѣсъ обвинителямъ, защитники всячески силятся, смотря по обстоятельствамъ, смягчать обвиненіе и оправдывать подсудимыхъ одними и тѣми же доводами: простолюдиновъ, напримѣръ,—ихъ неграмотностью, неразвитостью, а вслѣдствіе этого неумѣньемъ отличить хорошее отъ худаго, неотысканіемъ работы по милости волчьихъ паспортовъ, дурнымъ вліяніемъ на ихъ нравственность тюремъ, въ которыхъ ихъ не исправляютъ, а развращаютъ. Чиновныхъ же они стараются оправдывать отчаянными домашними обстоятельствами, въ которыхъ подсудимые находились до совершенія преступленія, обстоятельствами, которыя, не давая инаго вы-

хода, ввергли ихъ въ бездну. Тяжкія нравственныя мученія и позоръ находиться подъ судомъ, сидѣть на обвинительной скамьѣ, сами по себѣ весьма достаточная, по ихъ словамъ, кара для человѣка благовоспитаннаго, образованнаго, и такая кара, за оправданіемъ, непремѣнно возвратитъ подсудимаго на честную дорогу жизни. Касательно отвѣтовъ на вопросные пункты, защитники увѣряютъ присяжныхъ засѣдателей, что «вы, молъ, отвѣчаете не просто, «виновенъ-ли онъ или нѣтъ», а заслуживаетъ-ли онъ наказанія, или нѣтъ, и, ради послѣдняго, верховная власть уступила вамъ, судьямъ по совѣсти, часть своей прерогативы, предоставивъ вамъ безконтрольно, безотчетно пользоваться ею».

Продекламировавъ съ эффектомъ такое вступленіе, большинство защитниковъ, въ особенности юноши (помощники присяжныхъ повѣренныхъ и кандидаты на судебныя должности), постепенно стушевываются, теряютъ всю свою напускную важность, превращаясь, какъ говорится, въ мокрыхъ курицъ: ни подобрать пригодныхъ защитѣ фактовъ, ни возразить самому плохому изъ обвинителей, ни подѣйствовать на засѣдателей хотя-бы уже только патетическимъ воззваніемъ къ милосердію,—ничего этого они, эти ученики, не въ силахъ. Напротивъ, путаютъ они полезное съ вреднымъ, сбиваются, теряютъ нить своихъ измышленій, а иногда просто вредятъ своимъ кліентамъ. Такъ, напримѣръ, на вопросъ предсѣдателя относительно мѣры наказанія, одинъ отвѣтилъ: «не встрѣчаю препятствія къ примѣненію къ подсудимому той статьи уложенія, на которую указываетъ обвинитель». Защитникъ, котораго бязанность хлопотать объ облегченіи участи своег

кліента, не встрѣчаетъ препятствій?!.... На что это похоже? Другой по тому же предмету отозвался: «прошу примѣнить къ подсудимому такую-то статью». Судьи и прокуроръ улыбнулись. Это насъ заинтересовало; мы записали нарочно статью, взглянули послѣ въ уложеніе—и ужаснулись: защитникъ ходатайствовалъ объ усиленіи наказанія, предложеннаго обвинителемъ. Въ числѣ этихъ учащихся защищать—мы видѣли человѣкъ 5—7 азіатцевъ, евреевъ, которые не умѣютъ правильно говорить порусски, коверкаютъ слова такъ, что они становятся непонятными. Тѣмъ не менѣе и эти (тоже во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ) защитники, которымъ сначала не худо-бы было поучиться русскому произношенію; тоже читаютъ присяжнымъ засѣдателямъ нотацію о ихъ обязанностяхъ, предлагаютъ запомнить ихъ рѣчи, которыя производятъ смѣхъ и вызываютъ тошноту. Само правосудіе вопіетъ объ устраненіи отъ защиты указанныхъ нами диллетантовъ, отъ которыхъ часто очень жутко достается подсудимымъ—бѣднымъ простолюдинамъ: только ихъ однихъ они и защищаютъ «даромъ» по назначенію и собственному желанію поучиться уму разуму; довѣрять же участь человѣка и его семьи мало смыслящему человѣку, по меньшей мѣрѣ неодобрительно.

Изъ 100 присяжныхъ повѣренныхъ (среди нихъ до половины насчитывается почтенныхъ, дѣльныхъ людей), въ теченіе бытности нашей присяжными засѣдателями, должны были защищать, какъ гласилъ заранѣе напечатанный судебный указатель, многіе чрезвычайно хорошіе адвокаты, но вмѣсто нихъ, въ дѣйствительности, приходилось, къ прискорбію, лицезрѣть ихъ помощниковъ, вышеозна-

ченныхъ учениковъ; сами же они предпочитали, какъ мы многократно убѣждались, присутствовать въ гражданскихъ отдѣленіяхъ, гдѣ за защиту дѣлъ ожидались болѣе или менѣе значительныя матеріальныя выгоды. Мы видѣли, правда, въ обоихъ уголовныхъ отдѣленіяхъ корифеевъ адвокатуры, но не болѣе 10 человѣкъ, изъ которыхъ притомъ до половины являлись, какъ намъ сообщили, по добровольному соглашенію съ подсудимыми, т. е., прозаически говоря, за презрѣнный металлъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ корифеи адвокатуры, въ теченіе 5-ти лѣтняго существованія нынѣшняго суда, успѣли уже скопить себѣ кой-какіе капитальцы, и потому пора-бы ужъ имъ перестать, хоть для поддержанія своего реномe, наниматься защищать завзятыхъ мошенниковъ, употребляя вмѣсто того это время на даровую помощь бѣднякамъ простолюдинамъ, которымъ жутко, повторяемъ, достается отъ многихъ изъ ихъ пресловутыхъ учениковъ.

Впрочемъ, и корифеи эти поступаютъ иногда хуже своихъ учениковъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, защищая подсудимаго, который отпирался отъ своихъ мошенническихъ поступковъ, во время засѣданія подтрунивалъ надъ нѣкоторыми свидѣтелями, и даже, неоднократно просто смѣялся. По этому дѣлу присяжный засѣдатель предлагалъ подсудимому различные вопросы, на которые тотъ отвѣчалъ со свойственными ему наглостью и изворотливостью. Между прочимъ, засѣдатель спросилъ его: отчего онъ, ссылаясь на полученіе значительныхъ денегъ отъ дяди, не пригласилъ этого дядю въ судъ засвидѣтель-

ствовать какъ объ этомъ, такъ и вообще о его благонравномъ образѣ жизни?

— Я не имѣлъ на это права, отвѣтилъ онъ.

— Напротивъ, вы имѣли, по закону, неотъемлемое право на это.

— Я долженъ вамъ объяснить, вмѣшался защитникъ:— что законъ дѣйствительно давалъ подсудимому это право, но съ ограниченіемъ—пригласить свидѣтеля на собственный счетъ; но мой кліентъ, будучи долго подъ стражею, прожилъ все, что имѣлъ, а потому и не могъ, къ сожалѣнію, воспользоваться этимъ правомъ.

— Дядя подсудимаго владѣетъ разными заводами, въ Петербургѣ домами и живетъ здѣсь. Поэтому, будучи, какъ насъ увѣряютъ, хорошаго о своемъ племянникѣ мнѣнія, и жалѣя его, онъ навѣрное безвозмездно пріѣхалъ-бы въ судъ, ради облегченія участи племянника. Что на это можетъ отвѣтить подсудимый?

— Извините, пожалуйста: мой кліентъ очень конфузливъ и потому не въ силахъ отвѣчать....

Услышавъ это, засѣдатель сѣлъ, сконфуженный аргументаціею патентованнаго адвоката. Прочіе засѣдатели и судьи улыбнулись, а среди публики слышался едва сдерживаемый смѣхъ.

Другой, тоже знаменитый адвокатъ, поступилъ наоборотъ—вызвалъ на счетъ подсудимаго свидѣтеля, его племянника, за 1,500 верстъ, хотя самъ подсудимый во сто кратъ бѣднѣе вышеупомянутаго дяди. За то и свидѣтель, 18-ти лѣтній юноша-простолюдинъ, столь обстоятельно описалъ событіе, которому онъ былъ очевидцемъ когда ему было 12 лѣтъ, что сквозь его показанія такъ

и проглядывалъ юридическій тактъ, такъ и ощущалось вліяніе опытнѣйшаго руководителя.

Кромѣ того, этотъ защитникъ до входа въ судъ опасныхъ для его кліента двухъ свидѣтелей, взваливалъ всю вину на нихъ, но лишь первый появился—потребовалъ отдыха для подсудимаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему дурно (до этого времени подсудимый спокойно просидѣлъ 6 часовъ сряду). Послѣдовалъ переполохъ, перерывъ, послѣ чего опасный свидѣтель промолвилъ ни за, ни противъ тяжкаго больнаго два три слова, и защитникъ же поспѣшилъ предложить суду уволить его изъ суда, ибо его ждутъ служебныя занятія. Свидѣтеля уволили, а показаніе его осталось безъ всякаго значенія. Когда же потомъ вызвали втораго свидѣтеля, защитникъ польстилъ его самолюбію, признавая его показаніе «священною правдою». Наконецъ, по удаленіи изъ суда и этого свидѣтеля, защитникъ еще энергичнѣе прежняго принялся доказывать, что виноваты именно они, претерпѣвшій отъ преступленія, да полиція.

Словомъ, оба свѣтила столичной адвокатуры пренебрегли, въ данномъ случаѣ, всѣми принципами, рисовали черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, руководствуясь іезуитскимъ правиломъ: «цѣль оправдываетъ средства».

Третій, хотя и менѣе извѣстный, но тоже почтенный адвокатъ, распинался, доказывая что его кліентъ, 17-ти лѣтній юноша, прекраснѣйшее существо, впалъ въ преступленіе вслѣдствіе своего безродства, и судился впервые. Онъ былъ оправданъ; но на другой же день обнаружилось, что юноша просто мазурикъ, трижды сидѣлъ за кражи

*

въ тюрьмѣ и вполнѣ былъ достоинъ суровой кары. Доискиваясь причины неправильной даровой защиты адвокатомъ мазурика, мы сперва рѣшили было, что адвокатъ это дѣлалъ по принципу—защищать во что бы то ни стало; но потомъ узнали, что онъ и самъ не вѣдалъ, что творилъ: онъ вовсе не бесѣдовалъ предварительно судбища съ подсудимымъ, какъ это принято, а ограничился лишь прочтеніемъ дѣла въ судѣ, по примѣру многихъ своихъ собратовъ, защищающихъ даромъ, по назначенію суда. И это явленіе достойно, конечно, также безусловнаго осужденія.

Четвертый адвокатъ, назначенный защищать, тоже даромъ мальчика, вовсе не явился къ судоговоренію, и даже не извѣстилъ судъ, что и гдѣ именно задержало его; задержала же, разумѣется, оплаченная защита. Такъ какъ законъ воспрещаетъ оставлять подсудимаго безъ защитника вообще, а мальчика въ особенности, то защищать его взялся пятый адвокатъ, который, мудрствуя лукаво, доставилъ своему кліенту обвиненіе.

Впрочемъ надо сознаться, что въ отношеніи образа дѣйствій на судѣ, здѣшніе настоящіе адвокаты стоятъ гораздо выше прокуроровъ: они обладаютъ несравненно большею опытностью, знаніемъ, тактомъ, а рѣчи многихъ изъ нихъ чрезвычайно нравятся всѣмъ безъ различія засѣдателямъ по простотѣ изложенія, ясности выраженій, группировкѣ фактовъ и проч.

XI.

Крайняя односторонность обвиненія и защиты, ихъ

высокопарное пересыпанье иностранными словами, фразерство сильно надоѣдаютъ засѣдателямъ, нагоняютъ на нихъ скуку и утомленіе, происходящія преимущественно отъ непониманія большинствомъ засѣдателей (купцами, ремесленниками и прочими простолюдинами) вычурныхъ выраженій, ежеминутно вставляемыхъ обвинителями и защитниками въ свои импровизаціи. Очутившись при перерывахъ въ совѣщательной комнатѣ, неразвитые засѣдатели просятъ своихъ образованныхъ товарищей по дѣятельности разъяснить имъ слышанныя ими иностранныя слова.

— Что такое, скажите на милость, значитъ:« пиктивный» налогъ, спрашиваетъ купецъ старшину.—Прокуроръ про это говорилъ.

Старшина объяснилъ.

— Такъ бы и говорилъ прямо, а то эко околесицу несетъ. А еще туда же начальство прозывается.

— Ну, а критумъ, какъ по вашему, по иноземному, понимать?

— Не критумъ, а критеріумъ—признакъ распознавать истину, при составленіи о чемъ либо сужденія. Поняли?

— Не совсѣмъ, ну да ладно. Только какъ это они вставляютъ такія мудреныя слова, какихъ мы не разумѣемъ? А судите, говорятъ, хорошенько. Какъ же тутъ судить, коли не знаешь, про что толкуютъ? Оказія, право!

— На то, братецъ, они учеными и прозываются, чтобъ ошарашивать нашего брата мужика, всякими диковинками, вмѣшивается третій.

— А протогива что за штука?

— Прерогатива, по русски — преимущество одного противъ другаго, а въ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ это слово поминалось—прерогатива или преимущество миловать принадлежитъ въ Россіи одному только государю.

— Эти-то всѣ слова, про которыя разсказываете,— мы почитай кажинный вѣдь день здѣсь слышимъ, прерываетъ четвертый купецъ.—А вотъ вчера маленькій адвокатъ молвилъ словечко,—такъ ужъ я такого отродясь не слыхивалъ, даромъ что шестьдесятъ лѣтъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ.

— Какое-же это словечко?

— Да я вчера цѣлый почти вечеръ думалъ про это словечко, хотѣлъ вчера же васъ спросить, да ѣсть хотѣлось, ну и поѣхалъ скорѣй домой, потому поздно ужъ было.

— Такъ какое же это слово? пристали къ нему нѣсколько человѣкъ.

— Постойте, господа, постойте, сейчасъ вспомню. Меронъ нѣтъ, не Меронъ.. какъ бишь это... Пст... дай Богъ памяти... э, да вотъ оно: я нарочно на бумажкѣ вчера его написалъ. Купецъ порылся въ жилетномъ карманѣ, досталъ кусочекъ бумажки и громко прочелъ: «Пютонъ». Вотъ оно.

— Вы не вѣрно написали: надо «Ньютонъ». Это былъ англичанинъ, знаменитый ученый.

— Такъ вотъ оно что!.. Это, стало быть, онъ вмѣстѣ съ чиновникомъ-то попался! Купецъ задумался и, помолчавъ немного, прибавилъ.—А я было думалъ, что это какое-нибудь ужъ больно зазорное наказанье...

Ему объяснили, въ чемъ дѣло.

— Ученье свѣтъ, а неученье тьма, съострилъ кто-то.—Вотъ мы по невѣжеству своему и не понимаемъ ихъ, этихъ ученыхъ.

— Ну, нѣтъ, это вы не дѣло говорите, обидчиво возразилъ купецъ.—По моему, ежели ты ученъ, и встрѣлся съ такимъ же ученымъ—говори съ нимъ по ученому, хоть по китайски, а коли хочешь вразумить простаго русскаго человѣка—толкуй ему по русскому. Они видятъ, что мы русскіе, ну и говорить должны намъ попростецки. А то выходитъ—Савостьянъ не узналъ своихъ крестьянъ. Заучились, батюшка, они, право, заучились, вотъ и тараторятъ нивѣсть какую ахинею. Вотъ я какъ это разумѣю.

Во всѣхъ дѣлахъ, разрѣшаемыхъ присяжными засѣдателями, кромѣ обвиненія въ нарушеніи паспортной системы (самые жестокіе засѣдатели за это постоянно оправдываютъ), участь подсудимыхъ зависитъ не столько отъ фактическихъ данныхъ, прямыхъ или косвенныхъ уликъ, сколько отъ взглядовъ на предметъ и умственнаго кругозора самихъ засѣдателей, а также отъ впечатлѣнія, какое произведутъ на нихъ самъ обвиняемый, свидѣтели и обвинительныя и защитительныя рѣчи. Симпатичность физіономіи, робость, плавный, правдоподобный или трагическій разсказъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ преступленію, и въ особенности слезы, взываніе къ состраданію очень часто склоняютъ присяжныхъ къ оправданію, либо къ полному снисхожденію, при очевидной даже виновности; изрядное также вліяніе на облегченіе участи оказываетъ и молодость подсудимаго.

19-тилѣтній красивый лакей судился за кражу со взломомъ билетовъ: одного—внутренняго займа, двухъ 100 рублевыхъ 5% серіи и 17 рублей наличныхъ, всего на сумму 450 руб. За это ему грозило заключеніе, по меньшей мѣрѣ на годъ, въ рабочій домъ, съ лишеніемъ правъ состоянія; но засѣдатели, во-первыхъ, отвергли не совсѣмъ доказанный взломъ; во-вторыхъ, кражу признали на сумму не 450 р., какъ сознался обвиняемый, а менѣе 300 р., вслѣдствіе чего онъ пошелъ въ тюрьму только на 8 мѣсяцевъ, съ сохраненіемъ правъ. И наоборотъ: антипатичное, безстрастное лицо, зрѣлый возрастъ, эффектное, или сбивчивое объясненіе, а равно и самоувѣренность обыкновенно возстановляютъ засѣдателей противъ подсудимаго. Двое, напримѣръ, обвинялись въ мошенничествѣ, которое совершили ловко, искусно; противъ нихъ были только косвенныя улики. Но одинъ, при допросѣ стѣснявшихся, по своей забитости, свидѣтелей, то улыбался, то просто даже смѣялся, и отвѣчалъ съ нахальствомъ; тогда какъ другой все путался, прикидывался непонимающимъ, корчилъ изъ себя, какъ говорится, казанскую сироту—и обоихъ обвинили.

Особенно жутко приходится отъ засѣдателей рецидивистамъ: лишь только засѣдатели узнавали изъ обвинительнаго акта, что обвиняемый хоть разъ уже судился—никакая красворѣчивая аргументація защитника, ни даже поддержка предсѣдателя о правѣ засѣдателей не ставить подсудимому въ упрекъ прежней его подсудности уже не помогали ему: большинство засѣдателей никакъ не могли отрѣшиться отъ предубѣжденія противъ него, и его непремѣнно обвиняли.

Такъ, однажды, въ сумеркахъ, лакей, будучи одинъ внутри запертой на замокъ и крюкъ квартиры, вдругъ услышалъ, что съ наружной стороны, кто-то минуты три сряду сильно дергалъ къ себѣ дверь, потомъ что-то похожее на отпиранье запертаго замка—щелкнуло. Онъ подошелъ, на цыпочкахъ, къ двери, приникъ глазомъ къ замочной скважинѣ, чтобы разглядѣть, не отпираетъ ли кто снаружи дверь,—но за темнотою на лѣстницѣ ему не удалось ничего увидѣть. Немного погодя, до ушей его донесся звукъ шаговъ удалявшагося внизъ, по лѣстницѣ, человѣка.

Увѣренный въ безопасности запора крюкомъ, онъ не вышелъ взглянуть, кто это былъ, а предпочелъ остаться въ передней. Прошло четверть часа тишины. Вдругъ онъ опять слышитъ явственное, снаружи, шареніе по двери и подергиваніе за нее; увидѣвъ, что запоръ отпертъ, онъ вынулъ тихонько крюкъ изъ болта, мгновенно отворилъ дверь, выскочилъ на лѣстницу и возлѣ самой двери схватилъ въ потемкахъ человѣка. Вскорѣ по его зову явились, на помощь ему, дворники съ огнемъ и задержали маленькаго роста щедушнаго мѣщанина, а въ замочной скважинѣ обрѣли на кольцѣ висящую связку отмычекъ, изъ которыхъ одною оказался отпертымъ замокъ. Мѣщанина свели въ полицію, гдѣ, равно какъ и на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, онъ (обвиняемый въ покушеніи на кражу съ подобраннымъ ключемъ и отмычкою, т.-е. въ преступленіи, не совершенномъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ) показалъ слѣдующее. Состоя подъ судомъ и на порукахъ, онъ пошелъ, въ вышепомянутое время, къ нѣкоему адво-

кату—просить взять на себя защиту его на судѣ, но не разглядѣвъ, въ сумеркахъ, № дома, ошибочно вошелъ во дворъ сосѣдняго. Поднявшись по лѣстницѣ въ тотъ этажъ, въ которомъ предполагалъ квартиру адвоката, онъ пошарилъ въ потемкахъ по двери, ощупалъ въ ней скобку и подергалъ за нее, въ предположеніи, что находящійся въ передней лакей услышитъ и впуститъ его; не звонилъ же въ колокольчикъ исключительно потому, что не могъ его отыскать, да еслибы и нашелъ, то врядъ ли бы рѣшился позвонить, боясь обезпокоить адвоката. Никакихъ отмычекъ ни у себя дома онъ не имѣлъ, ни съ собою на мѣсто происшествія не приносилъ и въ замкѣ ихъ также не замѣтилъ. Адвокатъ, на котораго подсудимый ссылался, какъ оказалось по собраннымъ судебнымъ слѣдователемъ свѣдѣніямъ, дѣйствительно жилъ въ домѣ, расположенномъ рядомъ съ тѣмъ, въ которомъ задержали мѣщанина. Не смотря на всѣ старанія защитника, указывавшаго на отсутствіе фактовъ, которые доказывали бы, что замокъ отпертъ именно подсудимымъ, и напоминавшаго, что всякое сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго, присяжные засѣдатели не только постановили обвинительный приговоръ, но даже не признали подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія.

Взгляды присяжныхъ засѣдателей по отношенію къ преступленіямъ распадались на нѣсколько различныхъ категорій. Въ убійствахъ въ теченіе сессіи никто не обвинялся. Грабежъ, разбой, изнасилованіе, святотатство всѣ одинаково считали достойными самаго суроваго наказанія. Касательно поддѣлки государственныхъ бумагъ и подлоговъ частныхъ документовъ мнѣнія расходились.

Чиновники, преслѣдуя за фальшивыя бумаги, относились снисходительнѣе къ частнымъ подлогамъ; торговцы же, наоборотъ, защищали святость частныхъ документовъ, да и относительно поддѣлывателей государственныхъ бумагъ не обнаруживали особенной суровости, говоря, что «у Царя своя фабрика, онъ можетъ выпустить сколько ему вздумается; поэтому пусть бы себѣ бѣдный человѣкъ разжился маленько чрезъ свою каверзу». На всякаго рода обманы и мошенничества, коммерсанты глядѣли снисходительно; чиновники же въ этомъ преступленіи доискивались, большею частію, мотивовъ, вызвавшихъ ихъ, и обвиняя мошенничество, содѣянное изъ корысти, охотно прощали человѣка, вовлеченнаго въ преступленіе несчастно сложившимися для него, въ моментъ преступленія, обстоятельствами. За ничтожныя кражи со взломомъ и безъ взлома, совершенныя по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію, чиновные не прочь были безразлично признавать полное снисхожденіе, не то даже и оправдывать; торговцы же вотировали снисхожденіе только за простыя кражи, возмущаясь взломами, потому что, дескать, «сами лавки имѣемъ, со всякимъ добромъ». За безпричинныя кражи чиновные всегда смягчали участь подсудимыхъ, а торгующіе и содержащіе какія либо заведенія засѣдатели изливали въ такихъ случаяхъ весь свой гнѣвъ, имѣя, впрочемъ, въ виду не самую кражу, а главнымъ образомъ то, что «нонѣ народъ пустился въ пьянство и невозможно найти вѣрныхъ молодцовъ, исправныхъ рабочихъ, дерутъ съ тебя въ три-дорога, и отъ рукъ отбились.» Изъ ремесленниковъ, одни вели себя въ качествѣ засѣдателей безукоризненно, другіе играли доволь-

но пассивную роль. Какъ они, такъ и купцы, питали сильное довѣріе къ обвинителямъ, въ виду того, что тѣ сидѣли за однимъ столомъ съ судьями, въ формѣ, при орденахъ, какъ настоящее начальство; словамъ же защитниковъ часто не придавали никакого значенія, исключительно вслѣдствіе частной ихъ внѣшности; дескать, «мало ли что болтаютъ эти стрекулятники». Отсюда видно, что въ интересахъ правосудія необходимо сравнять по одеждѣ обвинителей съ защитниками, или присвоить и послѣднимъ какую нибудь внушающую довѣріе форму на время судоговоренія. Наконецъ, почти всѣ засѣдатели съ трудомъ усвоивали себѣ мысль, что не смотря на сознаніе подсудимыхъ въ преступленіи, напр., въ случаѣ ничтожности преступленія и жестокости слѣдующаго за него по закону наказанія, они имѣютъ право оправдывать ихъ.

Все вышеизложенное о взглядахъ присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ вытекаютъ тѣ или другіе вердикты, ясно показываетъ, что совершенно невозможно напередъ составить себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, какъ отнесутся присяжные къ извѣстному дѣлу. Тѣмъ не менѣе насъ многократно увѣряли, что нѣкоторые адвокаты нарочно долго оттягиваютъ, подъ различными предлогами, судебное засѣданіе по дѣламъ ихъ клiентовъ, собственно въ тѣхъ видахъ, чтобы выждать пока соберется всепрощающій составъ засѣдателей. И что же? вмѣсто достиженія цѣли, они сплошь да рядомъ достигаютъ совершенно противоположныхъ результатовъ и такимъ образомъ только понапрасну томятъ, лишнее

время, подсудимыхъ въ заточеніи, въ неизвѣстности о будущей ихъ участи.

XII.

Ни одной сессіи не проходитъ, чтобы 8—10 изъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ не было отложено за неявкою подсудимыхъ или свидѣтелей. Здѣсь удивительнѣе всего то, что хотя суду это нерѣдко бываетъ извѣстно заранѣе, однако засѣданіе все-таки назначается, и персоналъ суда собирается только затѣмъ, чтобы, выслушавъ объ откладѣ дѣла, тотчасъ же разойтись. Остановку за свидѣтелями мы еще понимаемъ: полиція, по небрежности, нерѣдко не передаетъ имъ своевременно повѣстокъ (при насъ разъ было постановлено привлечь за это полицію къ отвѣтственн[illegible]ти). Но неявка подсудимыхъ, особливо важныхъ, нап[illegible]ѣръ обвиняемыхъ въ грабежѣ, представляется странны[illegible] явленіемъ: о всякомъ подсудимомъ, отданномъ до с[illegible] на поруки, или освобожденномъ за отобраніемъ у него паспорта, судебные слѣдователи сообщаютъ мѣстной полиціи, дабы она, келейнымъ манеромъ, стерегла его и не выпустила изъ города. Какимъ же, спрашивается, способомъ подобные люди исчезаютъ? Между тѣмъ, за несостоявшимися засѣданіями по 10 дѣламъ, судъ бездѣйствуетъ отъ 3 до 6 дней въ мѣсяцъ (въ день разбирается, круглымъ числомъ, по 2—3 дѣла), а множество подсудимыхъ сидятъ лишнее время въ тюрьмахъ, ожидая скоро ли настанетъ день ихъ судимости. Безпорядокъ этотъ необходимо устранить, чего можно достигнуть посредствомъ назначенія къ слушанію такихъ

дѣлъ, которыя могутъ рѣшаться безпрепятственно, а о сомнительныхъ, тѣмъ временемъ, собирать свѣдѣнія.

Канцеляріи судовъ состоятъ изъ лицъ, почти всегда кончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но что же мы видимъ на практикѣ? Нѣкоторые изъ секретарей и ихъ помощниковъ, присутствующихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ уголовныхъ отдѣленій окружнаго суда спеціально для веденія протоколовъ и чтенія обвинительныхъ актовъ и показаній— молодые люди (подъ часъ высокомѣрно держащіе себя предъ простыми смертными), дурно читаютъ вообще, и показанія въ особенности: многія русскія слова выговариваютъ такъ скверно, ударенія дѣлаютъ такъ неправильно, какъ будто бы они, эти юристы по дипломамъ, сейчасъ только приведены изъ Царевококшайска, Малороссіи или Польши. Слушая, какъ одинъ изъ этихъ юристовъ коверкалъ показанія, предсѣдатель нашелся, однажды, вынужденнымъ прервать засѣданіе на время, «покуда секретарь выучится читать по русски». Мало того: держа въ рукахъ подлинное дѣло, состоящее изъ какихъ нибудь 20—30 листовъ, они не умѣютъ найти въ немъ нужное показаніе, несмотря на то, что имъ указывается, на какой изъ перенумерованныхъ страницъ оно записано; иногда дѣло доходитъ до того, что предсѣдатель самъ беретъ изъ рукъ секретаря дѣло и читаетъ вмѣсто него. Необходимо установить правило, чтобы секретари до открытія засѣданія внимательно перечитывали дѣла, заучивали гдѣ что найти, чтобы не блуждать какъ въ дремучемъ лѣсу, откуда заблудившійся человѣкъ не въ состояніи выйдти.

Какъ ни просты обязанности секретарей и ихъ помощниковъ, однако случается, что они и съ ними не въ состояніи справиться, чѣмъ причиняютъ многимъ непріятности. Такъ недавно, напримѣръ, судился нѣмецъ за покушеніе на растлѣніе и изнасилованіе дѣвочки, которой въ моментъ преступленія было лѣтъ 10. И вотъ секретарь распорядился напечатать въ судебномъ указателѣ ея званіе, имя и фамилію сполна. —Прочитавъ это, начальство училища, въ которомъ дѣвочка, достигшая уже 15 лѣтъ, воспитывалась (кажется, на казенный счетъ), тотчасъ же исключило ее изъ заведенія, какъ порочную, могущую заразить и подругъ разсказомъ о случившемся съ нею событіи. Мать дѣвочки, бѣдная женщина, явившаяся въ судъ съ вопросомъ: по какому случаю огласили фамилію ея дочери, получила отвѣтъ: «по ошибкѣ канцеляріи». Неужели же эти патентованные юристы не знали, что въ подобныхъ случаяхъ пишется: по обвиненію такого-то въ преступленіи, предусмотрѣнномъ такою-то статьею уложенія о наказаніяхъ?

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца нашего засѣдательства мы почти не видали въ судѣ, среди публики, простолюдиновъ. Причина тому, какъ мы разузнали, заключается собственно въ томъ, что въ верхнемъ платьѣ въ залъ не пускаютъ, а простолюдины носятъ, какъ извѣстно, зимою, а иногда и лѣтомъ одни полушубки, слѣдовательно имъ скидывать нечего; кромѣ того проходить въ залу надо мимо швейцаровъ, жандармовъ, а тѣхъ и другихъ народъ по старой привычкѣ все еще боится, какъ начальства.

Нельзя не пожалѣть и объ этомъ недостаткѣ, такъ какъ народу негдѣ поучиться о томъ, что такое пре-

ступленіе, и какое наказаніе полагаетъ за него законъ. Далѣе, самый впускъ въ залу часто зависитъ отъ милости сторожей. Наконецъ, въ судѣ творится еще слѣдующая неурядица. Во 2-мъ отдѣленіи начинается дѣло; присяжные засѣдатели, не вошедшіе въ составъ, желаютъ, для лучшаго разумѣнія своихъ обязанностей, послушать, какъ дѣйствуютъ засѣдатели 1-го отдѣленія, но ихъ туда не пускаютъ, говоря: «и безъ васъ тѣсно». Передъ всѣми же бродячими ходатаями, съ портфельками подъ мышкою, двери суда гостепріимно растворяются. Не обидно ли подобное предпочтеніе? Да, обидно, по тому въ особенности, что одни стремятся запастись, для общественной пользы, опытомъ, знаніями, а другіе разнюхиваютъ, какіе обманы легче съ рукъ сходятъ [1]).

[1]) Намъ показывали въ судѣ, какъ диковинку, одного ходатая, и въ то же время тайнаго ростовщика, про котораго разсказывали слѣдующее. Два брата, юные офицеры, попросили у него въ ссуду 1,500 руб. Онъ согласился дать только 1,000 руб., съ тѣмъ, чтобы получить вексель въ 1,500 р. Офицеры дали ему вексель, а онъ имъ 500 руб.; за остальными же велѣлъ зайти чрезъ день. Въ назначенное время ростовщикъ объявилъ имъ, что наличныхъ денегъ не имѣетъ, и предложилъ взять вмѣсто денегъ за 500 р. рояль. Они пустились искать покупщика, нашли его, но тотъ предложилъ за рояль только 300 руб.; будучи въ крайности, они и на это согласились. Тогда покупатель потребовалъ доставить ему рояль на квартиру: за разборку, переноску, сборку и настройку рояля съ нихъ взяли 25 рублей: такъ что они, вмѣсто 1,500 рублей, получили только 775 рублей. Затѣмъ, когда наступилъ срокъ платежа по векселю, ходатай-ростовщикъ потребовалъ съ нихъ 1,500 р.: тѣ упрашивали его сбавить, онъ не согласился, и они обратились къ помощи администраціи, которая пристращала ростовщика высылкою изъ столицы, послѣ чего онъ удовольствовался и 750 р.

Засѣданія въ судѣ часто продолжаются далеко за полночь, а иногда и цѣлыя сутки, съ нѣсколькими перерывами, по часу, по два. На это время присяжные засѣдатели удаляются въ совѣщательную комнату, гдѣ кромѣ стола и 12 жесткихъ стульевъ, ровно никакой мебели нѣтъ, такъ что засѣдателямъ не на чемъ удобно расположиться. Въ 1-мъ отдѣленіи еще сносно: засѣдатели сидятъ во время засѣданія на мягкихъ скамьяхъ, сдѣланныхъ въ видѣ дивановъ, но во 2-мъ они помѣщаются на простыхъ плетеныхъ стульяхъ. Поэтому, чтобы доставить присяжнымъ засѣдателямъ хоть нѣкоторое удобство, судъ долженъ завести какъ въ совѣщательныхъ комнатахъ обоихъ отдѣленій, такъ и въ судебной залѣ 2-го отдѣленія мягкіе диваны.

Для доставленія судебному персоналу и присяжнымъ засѣдателямъ возможности быть сытыми при продолжительныхъ засѣданіяхъ, въ зданіе суда пущенъ какой-то торговецъ, содержащій буфетъ, при чемъ ему дается, въ видѣ субсидіи, *даромъ* помѣщеніе, отопленіе и газовое освѣщеніе. Народу въ буфетѣ всегда довольно: туда ходятъ закусывать разныя лица, бывающія по дѣламъ въ 7 отдѣленіяхъ суда, въ 2-хъ отдѣленіяхъ судебной палаты, въ нотаріатѣ, у судебныхъ слѣдователей, товарищей прокуроровъ, а равно изъ артиллерійскаго управленія, расположеннаго противъ зданія суда. Оттуда же довольствуются завтраками, обѣдами, чаемъ члены суда и присяжные засѣдатели. Но цѣны предметамъ потребленія ужасны, особенно для *бѣдныхъ* засѣдателей и простолюдиновъ: стаканъ чаю стоитъ 10 к.; жареныя корюшки 35 к.; кусокъ говядины 40 к.; самый скромный обѣдъ обходится въ рубль. Ропотъ на эти цѣны

со стороны присяжныхъ засѣдателей безусловно правиленъ; ремесленникъ, живущій съ семьею *личнымъ* трудомъ, отрывается на мѣсяцъ отъ своего занятія, несетъ, стало быть, ощутительный убытокъ, да еще вынужденъ потратить по меньшей мѣрѣ 5—6 руб. на харчи, которыхъ съ собою никто почти не беретъ, не зная, до котораго часа придется пробыть въ судѣ.—Обращаемъ на это обстоятельство серьезное вниманіе предсѣдателя суда, на тотъ конецъ, чтобы онъ исходатайствовалъ, откуда слѣдуетъ, прибавку къ ассигнуемымъ на разныя потребности суда суммамъ; прибавка эта могла бы быть употреблена на даровое продовольствіе недостаточныхъ засѣдателей. Если же этого нельзя сдѣлать, то было бы желательно, чтобы предсѣдатель, по крайней мѣрѣ, понудилъ содержателя буфета установить для присяжныхъ засѣдателей (имъ никуда нельзя изъ суда отлучаться) *дешевыя* цѣны на съѣстные припасы.

Впрочемъ, самое, плачевное положеніе относительно продовольствія занимаютъ арестанты, по пословицѣ «на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся». Ихъ привозятъ въ 9 часовъ утра, накормленныхъ въ тюрьмѣ тамошнею скверною пищею, и затѣмъ держатъ почти всегда часовъ до 6—8 вечера *голодными*. Это безобразіе слѣдуетъ непремѣнно устранить, обязавъ тюремное начальство привозить арестантамъ хоть къ двумъ часамъ дня обѣдъ, въ тѣхъ же ящикахъ, въ какихъ пища доставляется изъ тюремнаго замка въ пересыльную тюрьму.

Въ началѣ нашихъ замѣтокъ мы мимоходомъ замѣтили, что въ комнатахъ присяжныхъ засѣдателей кладутся печатные списки избранныхъ, на сессію, засѣдателей, съ озна-

ченіемъ, между прочимъ, *чиновъ* противъ всѣхъ тѣхъ, которые ихъ имѣютъ. Эти чины вліяютъ на выборъ старшинъ: кто обладаетъ бо́льшимъ чиномъ,—въ томъ во многихъ случаяхъ ошибочно предполагается больше и знаній. И вотъ избранный въ руководители засѣдателями крупный чиновникъ часто портитъ самыя дѣла; не удостоенныя же избранія лица съ высшими чинами ударяются по этому поводу въ амбицію, озлобляются и своими упорными, непримиримыми доводами, нерѣдко просто въ пику своимъ противникамъ, причиняютъ потомъ, въ теченіе всего своего засѣдательства, немалый вредъ подсудимымъ. Чтобы устранить этотъ антагонизмъ, суду надо избѣгать означенія въ спискахъ чиновъ, тѣмъ болѣе что здѣсь едвали умѣстно выставлять впередъ чины, когда въ присяжные засѣдатели призываются люди всѣхъ сословій безъ различія. Съ крупнымъ чиновникомъ многіе стѣсняются спорить, даже и при самыхъ невообразимыхъ сужденіяхъ съ его стороны.

XIII.

На основаніи 675, 699 и 806 уст. угол. судопр., свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей запираютъ въ отдѣльныя комнаты: первыхъ—до выслушанія ихъ показаній, а послѣднихъ—до открытія засѣданій, во время перерывовъ и ихъ совѣщаній. Все это дѣлается для преграждения тѣмъ и другимъ возможности сноситься съ посторонними людьми, которые своими совѣтами, просьбами, могли бы повліять на послѣдующія ихъ дѣйствія. По теоріи это, пожалуй, основательно, но въ примѣненіи къ практикѣ это теряетъ смыслъ.

*

Подсудимые и близкіе имъ люди гораздо раньше знаютъ достовѣрно, какіе изъ свидѣтелей будутъ за нихъ и какіе противъ нихъ. Оттого, захотѣвъ упросить кого-нибудь изъ свидѣтелей помочь имъ своими показаніями, они успѣваютъ сдѣлать это гораздо раньше судебнаго засѣданія: находящіеся на свободѣ—лично, а арестованные—чрезъ женъ, дѣтей, пріятелей, что, надо сознаться, въ дѣйствительности и бываетъ. Слѣдовательно, запирая свидѣтелей, правосудіе ни чуть не гарантируетъ себя относительно правдивости ихъ показаній. Напротивъ, это скорѣе, кажется, вредитъ дѣлу: сойдясь въ одну комнату, свидѣтели, на досугѣ, легче могутъ сговориться между собою, какъ и что показывать для устраненія разнорѣчія; въ этомъ мы много разъ убѣждались, слыша, какъ нѣсколько свидѣтелей разновременно говорили тождественно, ни на волосъ не противорѣча своимъ предшественникамъ. Отсюда явствуетъ, что суду необходимо принять мѣры противъ стачекъ свидѣтелей въ самомъ судѣ, поставивъ въ ихъ комнатѣ, по крайней мѣрѣ, хотя опытныхъ сторожей, которые бы не давали свидѣтелямъ толковать о дѣлѣ, по которому они призваны въ судъ.

Точно также же немудрено иныхъ присяжныхъ засѣдателей расположить къ подсудимому, или возстановить ихъ противъ него заблаговременно, что можно сдѣлать слѣдующимъ образомъ. Дѣло, напримѣръ, назначено къ слушанію 6-го числа; надобно явиться въ судъ 3—4-го, обозрѣть присяжныхъ и если между ними окажется знакомый, то попросить его дома тянуть въ пользу или во вредъ подсудимому. Попавъ въ составъ присутствія, онъ легко можетъ повліять и на другихъ—сообщеніемъ имъ

какого-нибудь трагическаго эпизода изъ жизни подсудимаго, его семьи; присяжные же засѣдатели, какъ мы убѣдились, вообще склонны разчувствоваться при подобныхъ разсказахъ. Такимъ образомъ, понятно, что предпринимаемыя противъ засѣдателай предосторожности служатъ лишь къ стѣсненію ихъ свободы, безъ серьезной надобности.

Постановленія 655 и 656 ст. устава угол. судопр. о правѣ каждаго обвинителя и защитника отводить, безъ объясненія причинъ, изъ общаго состава присяжныхъ засѣдателей до 6 чел.— основаны на весьма, правда, гуманныхъ началахъ: въ видахъ установленія полнаго довѣрія къ правильности приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, признается полезнымъ предоставить сторонамъ весьма широкое право отводить ихъ. Такъ, между прочимъ, гласятъ комментаріи къ первой изъ вышеприведенныхъ статей устава во 2-мъ изд. суд. уставовъ государственной канцеляріи. Тѣмъ не менѣе, по естественной неуловимости всѣхъ жизненныхъ явленій, эта статья, въ практическомъ ея примѣненіи, порождаетъ такія неудобства и ухищренія, которыя нерѣдко способствуютъ умаленію силы правосудія.

Представимъ себѣ, что сессія присяжныхъ засѣдателей сегодня только-что началась. Разсмотрѣнію подлежитъ объемистое мошенническое дѣло, въ которомъ нѣтъ неотразимыхъ, ясныхъ доказательствъ, и все обвиненіе вытекаетъ исключительно изъ однѣхъ косвенныхъ уликъ и всесторонняго, серьезнаго обсужденія предмета. И обвинителю, и защитнику, долго трудившимся надъ этимъ дѣломъ, хочется, конечно, достигнуть вся-

кому своей цѣли. Что за люди присяжные засѣдатели, обоимъ еще неизвѣстно. Въ предлагаемомъ имъ, для отвода присяжныхъ засѣдателей, спискѣ означены ихъ чины и званія [1]). Въ людяхъ чиновныхъ во всякомъ случаѣ предполагается больше знанія законовъ и пониманія вещей въ настоящемъ ихъ видѣ, нежели въ купцахъ, мѣщанахъ и крестьянахъ. И вотъ обвинитель, опасаясь, что простолюдины-засѣдатели запутаются въ ловкихъ изворотахъ подсудимаго, да въ массѣ бумагъ и безтолковыхъ показаніяхъ и не съумѣютъ извлечь изъ этого значительнаго, по количеству, матеріала разбросанныхъ фактовъ къ осужденію обвиняемаго, - вычеркнетъ, положимъ, трехъ купцовъ и трехъ ремесленниковъ. Въ свою очередь защитникъ, справедливо предполагая, что чиновники на основаніи даже самыхъ хитрыхъ увертокъ, сообразныхъ показаній, тонкихъ уликъ и громкихъ фразъ все-таки сгруппируютъ обвиненіе — вымарываетъ ихъ 6 человѣкъ. Другими словами, обвинителю нужны развитые, а защитнику—неразвитые люди, каковыхъ они и домогаются пріобрѣсть. Здѣсь намъ могутъ замѣтить, что изъ такого подбора людей и получится именно желаемая закономъ равноправность. На это мы, по опыту, возразимъ, что подобный образъ дѣйствій не болѣе, какъ лотерейная игра, при которой кому изъ двухъ счастье поблагопріятствуетъ, тотъ и одержитъ побѣду надъ своимъ противникомъ. Въ первыхъ засѣданіяхъ, когда, какъ мы доказывали выше, засѣдатели, только еще пріучают-

[1]) Объ отмѣнѣ вписыванія въ списокъ чиновъ мы уже говорили. Здѣсь же наши доводы еще сильнѣе нашего мнѣнія.

ся, какъ рѣшать дѣла,—два, три человѣка, энергически настаивающіе на своемъ, завладѣваютъ мнѣніями остальныхъ, а подобныя личности постоянно попадаются, въ одинаковой степени, какъ изъ чиновныхъ, такъ и нечиновныхъ.

Пропуская нѣсколько дѣлъ, обратимся теперь прямо къ 6 или 8-му засѣданію. Къ этому времени присяжные засѣдатели вполнѣ уже освоились со своею дѣятельностью, всѣ уже по нѣскольку разъ рѣшали различныя дѣла. Многимъ изъ нихъ до открытія засѣданій, во время постановленія судьями, въ отдѣльной комнатѣ, приговоровъ, и по закрытіи засѣданій, случалось разговаривать съ обвинителями, защитниками и, въ особенности, съ судебными приставами, которые имѣютъ съ ними безпрестанныя сношенія. Такимъ образомъ, судебный персоналъ присмотрѣлся къ ихъ понятіямъ, взглядамъ, манерѣ отвѣтовъ и проч. Тутъ декорація совершенно видоизмѣняется. Обвинители и защитники послѣдующихъ подсудимыхъ знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло [1]), и потому отводятъ ужь прямо: обвинители — малоспособныхъ, мягкосердечныхъ, не свѣдущихъ, а защитники—умныхъ, жестокосердныхъ и свѣдущихъ, или на оборотъ, смотря по

[1]) Разъ одинъ изъ корифеевъ адвокатуры сидѣлъ въ числѣ слушателей. Засѣдатель сдѣлалъ подсудимому весьма мѣткій вопросъ, на который онъ далъ скверный отвѣтъ. По осужденіи подсудимаго началось другое дѣло, и защитникомъ явился слушавшій адвокатъ, который и подвергъ засѣдателя остракизму собственно за его вопросъ. Той же участи подвергся однажды со стороны обвинителя другой засѣдатель, судя по вопросамъ котораго, можно было заключить, что онъ изъ мягкосердыхъ.

надобности. Кромѣ того, нѣкоторые изъ засѣдателей, встрѣтивъ надобность отлучиться изъ суда, иногда сами просятъ обвинителей, а чаще защитниковъ, отвести ихъ и тѣмъ самымъ освободить отъ участія въ дѣлѣ. Однажды разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей подлежало въ высшей степени плутовское дѣло, для правильнаго разрѣшенія котораго необходимо было обладать спеціальными знаніями по торговлѣ денежными бумагами. Среди насъ были два человѣка, вполнѣ отвѣчавшіе этой потребности и еще наканунѣ посвятившіе засѣдателей въ эту премудрость. Въ день засѣданія вдругъ видимъ, что защитникъ обоихъ ихъ вычеркнулъ изъ списка. Хорошо еще, что засѣдатели заранѣе воспользовались совѣтами знающихъ, а то безъ помощи отведенныхъ имъ совершенно невозможно было бы постигнуть сущность дѣла. Такой же отводъ былъ одною изъ главныхъ причинъ оправданія нѣкоего господина (прославившагося мелкими каверзами и дошедшаго, наконецъ, до суда за обманъ женщины на 600 р.); вину его взялъ на себя одинъ свидѣтель, который еще раньше того былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и которому больше, все равно, ужъ нечего было терять.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что *безпричинный* отводъ присяжныхъ засѣдателей не выдерживаетъ критики и производитъ именно то, противъ чего ратовали составители судебныхъ уставовъ, то есть, «что подсудимый можетъ устранять изъ списка присяжныхъ людей, извѣстныхъ своими строгими правилами нравственности, чтобы открыть себѣ возможность подобрать присяжныхъ по своему усмотрѣнію» (241 стр. комментаріевъ къ уст. угол. судопр. 2-го изд. госуд. канц.) Поэтому было бы полезно: а) из-

мѣнить редакцію 655 ст. въ томъ смыслѣ, что сторонамъ предоставляется отводить засѣдателей по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ отводятся вообще свидѣтели, заинтересованные въ томъ или другомъ исходѣ дѣла люди и проч. и б) въ видахъ того, чтобы засѣдатели являлись въ судъ достаточно подготовленными къ дѣлу и не вредили своей неопытностью тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые попадутся подъ ихъ сначала неумѣлую руку, слѣдуетъ призывать ихъ, засѣдателей, въ судъ хотя за два дня до открытія ихъ сессіи, для присутствованія при судоговореніи. Такимъ образомъ, когда настанетъ ихъ очередь судить, они были бы достаточно знакомы съ предстоящими имъ занятіями.

Наконецъ тотъ или другой подборъ состава засѣдателей можетъ легко зависѣть, по существующему порядку, и отъ предсѣдательствующаго. Ежедневно присутствуя въ засѣданіяхъ, онъ несравненно лучше обвинителей и защитниковъ знаетъ по опыту взгляды всѣхъ группъ засѣдателей. Ящикъ съ билетами стоитъ предъ нимъ, а такъ какъ этотъ ящикъ съ трехъ сторонъ глухой и довольно высокій, то ни обвинители, ни защитники, а также сидящіе и нерѣдко что нибудь пишущіе члены суда не видятъ надписей на вынимаемыхъ имъ билетикахъ. Такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ ему выкликнуть, смотря по его желанію, совершенно не то имя, которое стоитъ на вынутомъ имъ билетикѣ. Такіе случаи дѣйствительно бываютъ, а чтобы устранить это ненормальное явленіе, надлежитъ, по нашему мнѣнію, вынимать билеты и провозглашать фамиліи засѣдателей не самому предсѣдателю со своего возвышеннаго мѣста, а постороннему

въ дѣлѣ правосудія, напр. судебному приставу, *съ средины* залы, на глазахъ всѣхъ, какъ это дѣлается при лотерейныхъ розыгрышахъ. Такой порядокъ исключилъ бы всякое подозрѣніе насчетъ вліянія суда на выборъ засѣдателей, на что обвиненные часто негодуютъ.

«По составленіи присутствія присяжныхъ, предсѣдатель распоряжается о приводѣ ихъ къ присягѣ», гласитъ 664 ст. уст. угол. судопр. Руководствуясь дословнымъ содержаніемъ этой статьи, присяжные засѣдатели присягаютъ: — въ день 2—3 раза, а въ мѣсяцъ многіе болѣе 50 разъ. Столь частое принятіе присяги неимовѣрно утомляетъ всѣхъ, при чемъ самая сила святости обряда, по мнѣнію однихъ, невольно умаляется, а по словамъ другихъ просто обращается въ педантическую формальность. Почему именно предъ начатіемъ *каждаго* дѣла слѣдуетъ присягать, объ этомъ ни въ комментаріяхъ государственной канцеляріи, ни въ уголовныхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, относящихся къ этому предмету, мы не нашли, къ сожалѣнію, никакихъ объясненій. Между тѣмъ, разсуждая по здравому смыслу, неизбѣжно приходишь къ заключенію, что *честный* человѣкъ, рѣшая участь другого, даже и *вовсе* безъ присяги никогда не помыслитъ покривить душою, сознавая всю важность своего призванія; *безчестного* же человѣка никакая присяга не остановитъ совершить зло ближнему, какъ это и случается напримѣръ, съ нѣкоторыми свидѣтелями. Такимъ образомъ и самая присяга далеко не гарантируетъ правосудіе отъ послѣдняго сорта людей.

Въ виду 669 ст., которая относительно лицъ, не пріемлющихъ присяги, ограничивается требованіемъ «отобра-

нія торжественнаго обѣщанія, соотвѣтствующаго присягѣ, можно бы избавить и засѣдателей изъ православныхъ, лютеранъ, католиковъ и проч. отъ слишкомъ частаго принесенія присяги. Отъ замѣны принятаго въ настоящее время порядка предлагаемымъ нами, во-первыхъ, самый актъ присяги не будетъ низводиться на степень простой формальности, а во-вторыхъ, получится выигрышь времени: часто приходится ждать по четверти часа священника, который цѣлый день ходитъ изъ одного отдѣленія суда въ другое, едва успѣвая приводить къ присягѣ.

Тоже самое замѣтимъ и о 671 ст., которая предписываетъ предсѣдателю суда предъ каждымъ дѣломъ объяснять присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права, обязанности и отвѣтственность. Если предсѣдатель 2—3 раза, въ началѣ сессіи, произнесетъ засѣдателямъ дѣльную, прочувствованную рѣчь, то этого совершенно довольно какъ для правосудія, такъ и для самихъ засѣдателей.

Избранные по жребію двое запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, по точному смыслу 635, 661, и 662 ст. уст. угол. судопр. и угол. кассаціон. рѣш. 1868 г., № 954, безотлучно находятся все время разсмотрѣнія дѣла въ засѣданіи, чтобы замѣнить кого-либо изъ дѣйствующихъ 12-ти засѣдателей, въ случаѣ внезапной болѣзни, или увольненія судомъ по чрезвычайной надобности. Возникшій, однажды, вопросъ: вправѣ ли запасные засѣдатели разспрашивать подсудимыхъ и свидѣтелей, былъ разрѣшенъ судомъ отрицательно. Мы, напротивъ, думаемъ, что слѣдовало бы разрѣшить его утвердительно: запасный засѣдатель, не слыша возбужденія никѣмъ изъ

дѣйствующихъ того именно вопроса, который онъ намѣревался предложить для разъясненія зародившагося въ немъ недоумѣнія, останется при недоумѣніи и тогда, когда очутится въ дѣйствующихъ, а потому не въ состояніи будетъ дать опредѣленнаго мнѣнія о степени виновности или невиновности подсудимаго.

Статьею 814 уст. угол. судопр. присяжнымъ засѣдателямъ присвоивается право къ обвинительному отвѣту прибавлять: «подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія». За симъ судъ, согласно 828 ст., «обязанъ понизить полагающееся осужденному по закону наказаніе на одну или на двѣ степени, по своему усмотрѣнію». Статья эта не согласуется съ дѣйствительными дѣйствіями присяжныхъ засѣдателей, которые подсудимыхъ, болѣе виновныхъ, признаютъ обыкновенно заслуживающими «снисхожденія», а тѣхъ, которые, по ихъ разумѣнію, менѣе виновны и достойны бо́льшаго сожалѣнія, считаютъ заслуживающими «полнаго снисхожденія». Они увѣрены, что слово «полное» непремѣнно ослабитъ наказаніе на двѣ степени, въ чемъ очень часто, однако, ошибаются, ибо судъ ни во что не ставитъ «полное». Такое пренебреженіе суда къ желанію присяжныхъ засѣдателей облегчить участь подсудимыхъ возстановляетъ засѣдателей противъ суда; видя, что ихъ стремленіе не достигаетъ цѣли, они иногда отрицаютъ всякую виновность подсудимаго, которому они симпатизируютъ и котораго, при внимательномъ отношеніи суда къ полному снисхожденію, обвинили бы, съ присовокупленіемъ этихъ двухъ словъ. Чтобы устранить этотъ антагонизмъ, слѣдуетъ измѣнить редакцію 828 ст. такъ, чтобы выраженное засѣдателями

«полное снисхожденіе» сокращало наказаніе не на одну, а непремѣнно на двѣ степени.

Для того, чтобы присяжные засѣдатели не перезабыли выслушанныхъ дѣлъ, 674 ст. разрѣшаетъ имъ, во время судебнаго засѣданія, дѣлать письменныя замѣтки. Въ мелкихъ дѣлахъ подобныхъ замѣтокъ, конечно, достаточно для освѣженія въ памяти сущности дѣлъ. Но бываютъ и такія объемистыя, сложныя дѣла, засѣданія по которымъ тянутся цѣлыя сутки и болѣе, и которыхъ сущность совершенно невозможно записать въ бѣглыхъ нестенографическихъ замѣткахъ: надо исписать по крайней мѣрѣ 10—15 листовъ, чего, безъ привычки писать на колѣняхъ, никто не въ состояніи сдѣлать. Точно также невозможно и запомнить пятой доли подобныхъ дѣлъ. Поэтому, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ доставить присяжнымъ засѣдателямъ хоть какія нибудь соотвѣтствующія удобства, напримѣръ, поставить имъ столики и т. п.

Въ совѣщательной комнатѣ присяжные засѣдатели «не должны имѣть при себѣ никакихъ книгъ, хотя-бы и законовъ». Такъ предписываетъ уголовное кассаціонное рѣшеніе 1869 г. № 959, въ разъясненіе 673 ст. уст. уголов. судопр. Почему же, спросятъ читатели, это запрещается? Потому, отвѣчаетъ рѣшеніе, что «для рѣшенія вопроса о виновности по совѣсти, засѣдателямъ вовсе не могутъ быть нужны книги, а, напротивъ, при составѣ присяжныхъ изъ грамотныхъ и неграмотныхъ, книги могутъ быть причиною вліянія первыхъ на послѣднихъ, вопреки стремленію закона, чтобы мнѣнія при-

сяжныхъ исходили единственно изъ внутренняго убѣжденія каждаго изъ нихъ».

Это мнѣніе сената, выраженное въ приведенномъ нами рѣшеніи, не оправдывается практикою, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ. Здѣсь присяжные всѣ грамотные, и среди каждаго состава всегда бываетъ 1—2 человѣка изъ образованныхъ, а иногда даже и знакомыхъ съ уголовнымъ правомъ. И вотъ, видя, напримѣръ, шаткость обвиненія и тяжесть слѣдующаго за утвердительнымъ вердиктомъ наказанія, они, въ отклоненіе подобнаго отвѣта, считаютъ себя нравственно обязанными пояснять остальнымъ: какая именно кара ждетъ, въ этомъ случаѣ, обвиняемаго. Стало быть, разсчитывать, что присяжные засѣдатели рѣшатъ дѣло, не подумавши о послѣдствіяхъ ихъ рѣшенія—значитъ наивно заблуждаться. Потомъ, вслѣдствіе неопредѣлительности свойства данныхъ преступленій по обвинительнымъ актамъ и вопроснымъ пунктамъ, между засѣдателями происходятъ безпрерывные споры, напримѣръ, о томъ, какъ отличить грабежъ отъ разбоя, какая разница между кражею со взломомъ и кражею посредствомъ подобраннаго или тайно взятаго ключа; между выломленною для кражи доскою и выдернутымъ пробоемъ и т. п. Единственно за отсутствіемъ книги, которая тотчасъ-же разрѣшила-бы споръ, присяжные долго не могутъ разубѣдить другъ друга; судъ же, когда къ нему обращаются за разъясненіями, обыкновенно лаконически отзывается: «отъ воли присяжныхъ засѣдателей зависитъ признать, либо отвергнуть приписываемое подсудимому дѣяніе», и потому ступайте, дескать, себѣ вспять. Отвѣты эти раздражаютъ засѣда-

телей, и они, не зная, какъ выйти изъ затрудненія, впадаютъ иногда въ крайности—обвиняютъ, сами не понимая въ чемъ, или же провозглашаютъ: «нѣтъ, не виновенъ».

Далѣе, терминологія преступленій перечислена исключительно въ уложеніи о наказаніяхъ, то-есть въ томъ самомъ законѣ, который караетъ. Оттого опасно, толкуютъ намъ, дать въ руки присяжнымъ засѣдателямъ эту книгу: отыскавъ статью, подъ которую обвинительный актъ подводитъ разсмотрѣнное дѣяніе, и увидѣвъ, что подсудимому грозитъ тяжелая участь, они, по чувству человѣколюбія, сжалятся надъ нимъ и отвергнутъ обвиненіе. Но эта аргументація разбивается въ дребезги о нижеслѣдующіе неотразимые доводы. Во-первыхъ, каждый, даже простолюдинъ, хорошо знаетъ, что напримѣръ, убійство, поджогъ, разбой, караются каторгою, а кражи—тюремнымъ заключеніемъ. Во-вторыхъ, среди здѣшнихъ присяжныхъ засѣдателей, какъ выше было замѣчено, всегда бываетъ хоть одинъ человѣкъ, помнящій, что подлогъ и мошенничество наказываются лишеніемъ правъ состоянія, ссылкою на поселеніе, на житье, и т. д., а кража со взломомъ — арестантскими ротами, да рабочимъ домомъ. Въ третьихъ, засѣдатели ведутъ себя между собою болѣе или менѣе безъ церемоніи и, отстаивая свои мнѣнія, поневолѣ, даже старательно другъ друга наставляютъ, какъ лучше дѣйствовать. Слѣдовательно, вся сумма знаній чрезъ 2—3 засѣданія непремѣнно уже на лицо и утаить отъ присяжныхъ самое мѣсто отбыванія наказанія положительно нельзя. Продолжительности же срока пребыванія на ка-

торгѣ, въ арестантскихъ ротахъ и т. д., они и съ уложеніемъ въ рукахъ предрѣшить не могутъ: это опредѣляетъ впослѣдствіи судъ по своему «нравственному убѣжденію, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла» (765 и 826 ст. уст. угол. судопр.).

Итакъ, очевидно, что опасенія напрасны. Мало того: коль скоро судъ смѣло отдаетъ участь подсудимаго и часто цѣлаго его семейства въ безконтрольное распоряженіе присяжныхъ, то всякое недовѣріе къ нимъ въ мелочахъ (какъ заключеніе ихъ подъ стражу, запретъ имѣть книгу и проч.) является чистѣйшею несообразностью. Словомъ, въ интересахъ самого правосудія мы, по опыту, говоримъ, что присяжнымъ засѣдателямъ крайне необходимы въ совѣщательной комнатѣ, для справокъ, уголовное судопроизводство и уложеніе о наказаніяхъ. Впрочемъ, чтобы не подвергнуться нападкамъ со стороны ярыхъ ревнителей тайнъ за распатываніе оберегаемыхъ ими несостоятельныхъ законовъ, мы готовы, пожалуй, пойти и на компромиссъ: пусть заведутъ въ совѣщательныхъ комнатахъ хоть только по учебнику уголовнаго права, по выпискѣ изъ уложенія о томъ, какое названіе присвоено въ уложеніи извѣстному преступленію, да по уставу уголовнаго судопроизводства. Покуда и этихъ трехъ предметовъ будетъ достаточно для правильнаго и скораго отправленія присяжными засѣдателями правосудія.

XIV.

Во всѣхъ предыдущихъ замѣткахъ нашихъ мы старались безпристрастно изобразить то, что̀ видѣли, слы-

шали и перечувствовали, будучи дѣйствующимъ лицомъ. Хотя мы не участвовали только въ трехъ, четырехъ дѣлахъ, но задавшись заранѣе мыслью тщательно прослѣдить весь судебный механизмъ, мы и эти дѣла прослушали и вообще ни разу не уходили изъ суда до закрытія засѣданій. Описанная нами картина, правда, довольно некрасива, но вина въ этомъ падаетъ не на насъ, а на тѣ неурядицы, которыя, къ прискорбію, существуютъ въ живой дѣйствительности. Кромѣ того, воспѣвать суду одни хвалебные гимны, уже не время: теперь настала настоящая пора относиться къ нему прямо, критически, чтобы въ судѣ дѣйствительно водворились «правда и милость», въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ ихъ слѣдуетъ понимать, согласно начертаннымъ законодателемъ и поставленнымъ нами эпиграфомъ къ нашей статьѣ словамъ.

Въ заключеніе, намъ пріятно сообщить читателямъ, что присяжные засѣдатели никогда не отпускаютъ бѣдныхъ оправданныхъ подсудимыхъ безъ денежнаго вспомоществованія, необходимаго на первоначальное обзаведеніе по выходѣ изъ тюрьмы.

Къ сожалѣнію, эта матеріальная помощь иногда не достигаетъ цѣли. Такъ случилось съ однимъ изъ судившихся во время нашего засѣдательства юношею, Молчановымъ, который употребилъ во зло не только помощь, но и всѣ личныя наши хлопоты о немъ. Вотъ его хитросплетенная исторія и ея любопытныя послѣдствія.

Молчановъ—16 лѣтній, симпатичный и на взглядъ весьма скромный юноша,—судился вмѣстѣ съ другими двумя мальчиками за кражу со взломомъ. Не отрицая

приписываемаго ему преступленія, онъ мягкимъ, дрожащимъ голосомъ объяснялъ на судѣ свои похожденія. Изъ разсказа его мы узнали, что онъ родомъ изъ Вологодской губерніи, давно уже лишился родителей и, оставшись сиротою, 3 года пасъ скотину. Десяти лѣтъ его привезли въ Петербургъ и помѣстили въ ученики-судомойки къ земляку повару въ трактиръ, гдѣ онъ пробылъ лѣтъ 5 и научился готовить кушанья, но по переходѣ трактира къ другому хозяину, оказался лишнимъ, и, получивъ за свою службу 37 р., остался безъ пріюта. Узнавъ, что единственная родня его—тетка—больна, онъ отправился къ ней на родину, отдалъ ей изъ своего капитала 30 р., погостилъ нѣкоторое время у нея и, убѣдившись, что ему тамъ невыгодно долѣе оставаться, пустился пѣшкомъ обратно въ Петербургъ съ 3—4 р. Истративъ эти деньги въ пути на харчи и за ночлеги, онъ добрался кое какъ до Тихвина, а оттуда «Христа ради» на трешкотѣ до Шлиссельбурга и на пароходѣ въ Петербургъ. Дорогою кто-то укралъ у него паспортъ, находившійся завернутымъ въ запасной рубашкѣ, вмѣстѣ съ послѣднею. Проискавъ здѣсь напрасно нѣсколько дней сряду пристанища или занятія, онъ въ это время проѣлъ остальныя свои 46 к., случайно сошелся съ нѣкими Али и Лейтане въ трактирѣ, пошелъ съ ними красть и попалъ въ руки правосудія. Присяжные засѣдатели повѣрили его словамъ и единогласно оправдали его. Кромѣ того, соболѣзнуя его участи, засѣдатели собрали ему 15 р. на одежду, которой у него, какъ онъ разсказалъ, не было.

По закрытіи судебнаго засѣданія присяжные засѣда-

тели вступили въ разговоръ съ Молчановымъ о его житьѣ-бытьѣ и проч., причемъ, съ разрѣшенія предсѣдательствовавшаго, предоставили пишущему эти строки купить на вышеозначенные 15 р. одежду Молчанову и вообще похлопотать о немъ. Такъ какъ время было уже позднее, то я посовѣтовалъ Молчанову еще разъ переночевать въ исправительномъ заведеніи, обѣщая слѣдующимъ же раннимъ утромъ явиться за нимъ въ заведеніе. Въ 9 часу утра, 16 февраля, я былъ уже въ заведеніи, гдѣ смотритель, дьяконъ и надзиратель увѣряли меня, что Молчановъ далеко не стоитъ оказанной ему милости, ибо онъ въ заведеніи уже въ третій, а не первый разъ и все за кражи, по приговорамъ разныхъ мировыхъ судей, подъ различными фамиліями; доставленъ же онъ въ заведеніе въ арестантской одеждѣ, которую возвратили въ часть, одѣвъ его въ «заведенскую» форму. Противъ этого Молчановъ возразилъ, что онъ, точно, три раза, разновременно, сидѣлъ въ заведеніи, по по одному и тому же дѣлу, т. е. будто бы судебный слѣдователь трижды почему-то переводилъ его изъ части въ заведеніе и обратно. Одежду онъ имѣлъ, но сидя въ послѣдній разъ въ части, далъ ее надѣть, на время, выходившему на волю мальчику, который и отжилилъ ее у него. Я купилъ Молчанову за 10 руб. триковый пиджакъ, брюки, жилетъ, сапоги, шапку и кое-какое бѣлье, а заведеніе подарило ему ветхенькій безъ подкладки крестьянскій суконный кафтанъ. Обмундировавъ такимъ образомъ Молчанова, я повезъ его, согласно его указанію, въ трактиръ, въ которомъ онъ нѣкогда служилъ. Бывшій его учитель, поваръ, тотчасъ узнавъ его, отозвался о

немъ удовлетворительно; на предложеніе же мое принять его на прежнее мѣсто, согласился, оговорившись, впрочемъ, что безъ разрѣшенія хозяина не вправѣ этого сдѣлать. Далѣе, онъ спросилъ Молчанова: отчего онъ не пойдетъ къ своему отцу? Молчановъ покраснѣлъ, растерялся и отвѣтилъ, что не знаетъ, гдѣ его искать.

— Да вѣдь онъ говорилъ на судѣ, замѣтилъ я, что у него нѣтъ ни отца, ни матери.

— Неправда, возразилъ поваръ: его отецъ живъ и служитъ солдатомъ въ гвардіи.

Молчановъ сталъ увѣрять, что отецъ его, служившій въ л.-гв. гренадерскомъ полку, года два тому назадъ уволенъ въ безсрочный отпускъ и куда дѣвался—неизвѣстно. Слова его дѣйствительно впослѣдствіи подтвердились. Отецъ его былъ крестьяниномъ и сданъ въ рекруты еще мѣсяца за 3—4 до его рожденія; мать же умерла, когда ребенку минуло полгода, и онъ оставался на рукахъ тетки до 10 лѣтняго возраста, т. е. до отвоза его въ Петербургъ.

Стремясь пристроить Молчанова и видя тутъ неудачу, я перешелъ съ нимъ къ другому трактиру, хозяину котораго—близкому земляку Молчанова—сообщилъ только свѣтлую сторону жизни Молчанова, прибавивъ къ ней разсужденіе о долгѣ человѣколюбія, объ обязанности христіанина помочь несчастному ближнему вообще и мальчику въ особенности, словомъ, старался разжалобить купецкое сердце.

— Да, оно точно жалости достойно, со вздохомъ отозвался мой слушатель, пожилой мужчина, съ окладистою, русою бородою, въ длиннополомъ сюртукѣ. Эка,

подумаешь, несчастье-то что дѣлаетъ! Господи! Напасти-то какія иной разъ хватятъ человѣка! Ну что, примѣрно, съ него (тутъ онъ указалъ на Молчанова) таперича взять? Парнишка кажись ничего, порядочный. Авось поправится еще... право-ну поправится...

— Такъ возьмите его, пожалуйста, къ себѣ въ услуженіе, на первое время хоть только посуду мыть, за хлѣбъ и уголъ. Человѣкъ, вамъ знакомый (фамилія), о немъ хорошаго мнѣнія и онъ поручится, какъ говорилъ мнѣ, за него передъ вами. Ему сегодня же ночевать вѣдь негдѣ.

— Охъ, нѣтъ-съ, господинъ, нѣтъ, мы этого не можемъ, намъ такихъ шельмецовъ не надо, потому онъ какъ есть изъ тюрьмы, чего Боже упаси... Нѣтъ-съ, какъ вамъ, сударь, угодно, а намъ онъ не годится, никоимъ то-ись манеромъ негоденъ... Проштрафился; чегожь тутъ путнаго...

— Какимъ же образомъ проштрафился, коли оправданъ двѣнадцатью присяжными засѣдателями, оправданъ отъ всякаго обвиненія! Присяжные засѣдатели, понимаете-ли (по его дѣлу было 6 купцовъ), судятъ не по старому порядку, по крючковатымъ бумагамъ, а по совѣсти, по присягѣ,—и вотъ всѣ эти 12 человѣкъ единогласно признали Молчанова ни въ чемъ невиннымъ. Слышали вы хоть что-нибудь про новый судъ, или нѣтъ?

— Какъ не слышать! слышали, да и по газетамъ читаемъ, что судъ милостивый. Да что далеко заходить: нашъ братъ самъ былъ въ этихъ засѣдателяхъ, ну и разсказывалъ очинно занятныя дѣла. Судъ хорошъ, это правда.

— И Молчановъ, оправданный присяжными и этимъ хорошимъ, какъ вы сами говорите, судомъ, значитъ такой же честный человѣкъ, какъ вы, я, третій, пятый и т. д. И если онъ имѣлъ несчастье сидѣть въ тюрьмѣ, то этого ему ни по закону, ни по совѣсти нельзя ставить въ вину: отъ сумы да отъ тюрьмы никому вѣдь нельзя на весь вѣкъ отчураться.

— Конечно, ваша правда, что со всякимъ человѣкомъ такой грѣхъ можетъ случиться: всѣ подъ Богомъ ходимъ; а только какъ вы себѣ хотите, намъ воришка этотъ не надобенъ, потому деньги имѣемъ! Попытайтесь, сударь, къ другимъ: можетъ, кто и возьметъ его. Народъ всякій бываетъ, а добро сдѣлать человѣку, значитъ Богу угодить...

— Отчего же вы-то, православный христіанинъ, не хотите угодить Богу—пріютить мальчика-сироту, который станетъ вамъ работать, будетъ за васъ Бога молить?

— Ежелибъ што другое — съ нашимъ бы полнымъ удовольствіемъ, а этого нѣтъ-съ, не можемъ, никакъ то-ись не можемъ. Прощайте, сударь, недосугъ больше калякать по пустякамъ...

И купецъ поспѣшно удалился, сопровождаемый далеко не лестными эпитетами его же прислуги, въ отдаленіи слушавшей разговоръ.

Пошли мы дальше искать счастья, котораго однако не обрѣли, не смотря на то, что перебывали еще въ трехъ трактирахъ, содержимыхъ также разжирѣвшими земляками юноши. И замѣчательнѣе всего то, что вездѣ мы слышали одни и тѣ же слова: «жалости достойно», «хорошее дѣло, Богу угодно», «намъ-де *такого* не надо»

и «попытайтесь къ другимъ: можетъ кто и возьметъ его». Выйдя изъ послѣдняго трактира, Молчановъ заплакалъ о своей судьбѣ. Далѣе я обращался съ ходатайствомъ за Молчанова еще въ нѣсколько мѣстъ, но вездѣ получалъ тотъ же отказъ. Узнавъ, что въ Петербургѣ содержитъ трактиръ крестный отецъ Молчанова, я отправился къ нему, но и онъ не принялъ его, говоря: намъ его не надоть. Что-же, думалось мнѣ, теперь прикажете дѣлать этому юношѣ съ собою, если онъ такъ и останется безъ мѣста? Одно средство—опять что нибудь украсть, опять отправиться на казенныя харчи въ заведеніе и опять быть сѣченнымъ, колоченнымъ, судимымъ и... оправданнымъ. «Оправданнымъ» потому, что не умереть же ему въ самомъ дѣлѣ съ голоду, не броситься же въ столь юномъ возрастѣ въ прорубь, на что требуется, конечно, изрядная доля характера и презрѣнія къ жизни, чего въ немъ не замѣчалось.

Желая помочь Молчанову, я привелъ его къ себѣ домой, накормилъ и предложилъ ему пожить у меня нѣкоторое время, покуда я найду ему мѣсто.

— У васъ я не могу остаться, отвѣчалъ онъ, всхлипывая.

— Отчего? Я тебя дѣлать ничего не заставлю, отдохнешь, а тамъ и къ мѣсту, которое я тебѣ непремѣнно найду.

— Не могу-съ: у васъ что нибудь пропадетъ — и вы скажете на меня, потому я ужъ судился.

— Напрасно опасаешься: ничего не пропадетъ, а если и пропадетъ—тебя не трону. Останься.

— Нѣтъ-съ; позвольте лучше уйти.

Силою мнѣ не хотѣлось его удерживать, я записалъ его адресъ, далъ ему рубль на харчи на двое сутокъ, объяснивъ, что у меня остается еще 5 р. его денегъ, которыя отдамъ ему постепенно по мѣрѣ надобности, чтобъ у него ихъ не украли, и отпустилъ его.

Прошло трое сутокъ. Онъ явился ко мнѣ въ судъ и со слезами умолялъ отправить его на родину. Добродушные присяжные засѣдатели, сочувствуя горькому положенію Молчанова, по моему приглашенію вновь собрали ему на дорогу и теплую одежду 16 р. 50 к., изъ которыхъ я истратилъ 10 руб. на названную одежду, объѣздилъ съ Молчановымъ множество постоялыхъ дворовъ, гдѣ останавливаются пріѣзжающіе его земляки, чтобы поручить кому нибудь взять его съ собою, но и тутъ потерпѣлъ неудачу: здѣсь не оказалось никого изъ Вологодской губерніи. Тогда я ему вновь предложилъ пожить у меня, но онъ опять на отрѣзъ отказался. Я далъ ему опять только рубль и велѣлъ зайти ко мнѣ черезъ день. Но такъ какъ онъ этого не исполнилъ, то я отправился розыскивать его по данному адресу; однакожъ, къ удивленію моему, я даже и указаннаго имъ дома нигдѣ не нашелъ: онъ просто обманулъ меня; ни въ адресномъ столѣ, ни въ полиціи онъ также нигдѣ не значился. Видя безплодность поисковъ, я передалъ остававшіеся у меня 9 р. Молчанова въ Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ и просилъ начальство тюремъ сообщить мнѣ, если онъ туда попадетъ. И что же? Чрезъ 3 недѣли нахожу его въ тюрьмѣ за новую кражу, подъ другою уже фамиліею.

Увидѣвъ меня, онъ покраснѣлъ, смутился, но вскорѣ оправился и принялъ дерзкій видъ.

— Вѣдь ты Молчановъ, а не Гавриловъ, говорю я ему.

— Да съ чего-же вы это берете?

— Какъ съ чего? Ты судился вмѣстѣ съ Али и Лейтане; я съ тобой возжался, какъ съ малымъ ребенкомъ двѣ недѣли сряду.

— Я васъ первый разъ отроду вижу.

— Какъ? Подумай, что ты говоришь. Не стыдно-ли тебѣ отпираться?

— Мнѣ нечего стыдиться: я васъ не знаю, и не знаю! заключилъ онъ съ остервенѣніемъ, а у самаго слезы такъ и навертывались на глаза. Оставьте меня въ покоѣ: мнѣ и безъ васъ тошно.

Я пожалъ плечами и ретировался.

Все вышеизложенное само по себѣ весьма поучительно и краснорѣчиво протестуетъ противъ многаго. Но главное—остается искренно желать скорѣйшаго открытія хоть одного, по крайней мѣрѣ, земледѣльческаго пріюта, въ который направлялись бы судьбою и обществомъ гонимые малолѣтніе преступники и безпріютные мальчики, подобные Молчанову.

ЗАМѢТКИ

ПО

УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.

ЗАМѢТКИ

ПО УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.

I.

Арестъ при полиціи, на гауптвахтѣ и домашній арестъ.

На основаніи 190 ст. Уст. Уголовн. Судопроизв. и примѣчанія къ ней, осужденные мировыми судьями къ кратковременному аресту содержатся въ особыхъ, спеціально для того устроенныхъ помѣщеніяхъ, а впредь до устройства такихъ помѣщеній, въ этомъ отношеніи соблюдаются правила, изложенныя въ 56 и 57 ст. Улож. о наказан., изд. 1866 г. (по изд. 1857 года 60 и 61 стат.), т. е. они содержатся: лица низшихъ сословій - при полиціи, а лица привиллегированныхъ состояній—въ тюрьмѣ. При этомъ, касательно дворянъ и чиновниковъ 57-й статьей Уложенія сдѣлано весьма важное снисхожденіе: они могутъ, по усмотрѣнію суда, быть подвергаемы аресту, кромѣ тюрьмы, на гауптвахтѣ и въ ихъ собственныхъ квартирахъ. Если-же приговоренный живетъ въ уѣздѣ, то онъ вызывается въ ближайшій городъ и тамъ выноситъ наложенное на него наказаніе въ своемъ домѣ, или—за неимѣніемъ таковаго—въ нанятомъ, на его счетъ, частномъ помѣщеніи. Изъ мотивовъ къ

Уст. Угол. Судопр. (ст. 190 Суд. Уст. 2 изд. госуд. канц.) видно, что законодатель имѣлъ въ виду устранить отсылку осужденныхъ къ заключенію на кратковременные сроки въ города за нѣсколько десятковъ, сотень верстъ, что разумѣется, значительно усиливало-бы тяжесть взысканія. Неимѣніе же при мировыхъ участкахъ особыхъ помѣщеній для содержанія приговариваемыхъ къ аресту, повлекло бы за собой еще то опасное послѣдствіе, гласятъ комментаріи, что лица, виновныя въ незначительныхъ нарушеніяхъ, подвергались бы заключенію въ тюрьмѣ и въ полиціи вмѣстѣ съ отъявленными ворами и состоящими подъ слѣдствіемъ по самымъ важнымъ и позорнымъ преступленіямъ. На этомъ законодатель однако не остановился: 4 іюня 1866 г. явилось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о «помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей». Въ временныхъ (до окончательнаго преобразованія всей тюремной части) правилахъ по этому предмету, примѣчаніе къ 9 пункту установляетъ, что до отвода отдѣльныхъ помѣщеній для лицъ высшихъ сословій, съ ними, при арестѣ ихъ, надлежитъ поступать по смыслу 57 ст. Уложенія. Ясно, слѣдовательно, что законодатель желаетъ, чтобы и въ самыхъ помѣщеніяхъ для приговоренныхъ судьями къ аресту, или до образованія особыхъ, — помянутыя лица содержались иначе, чѣмъ люди низшихъ сословій, и чтобы до тѣхъ поръ, покуда это не осуществится, мѣстомъ ихъ заключенія были тюрьма, гауптвахта и частныя квартиры. Наконецъ, согласно вышеозначеннымъ временнымъ пра-

виламъ, въ Петербургѣ открылась, 13 января 1868 года, на Выборгской сторонѣ, тюрьма для содержанія срочныхъ арестантовъ на 500 человѣкъ. Въ эту тюрьму сперва, очевидно вопреки примѣчанію къ 9 п. врем. прав., были заключены, какъ видно изъ свѣдѣній, напечатанныхъ въ № 96-мъ «Судебнаго Вѣстника» 1868 г., 5 человѣкъ дворянъ и чиновниковъ; но едва минуло 2 мѣсяца послѣ ея открытія, какъ въ ней уже содержались 575 человѣкъ и съ тѣхъ поръ она постоянно до того была переполнена народомъ, что не только дворянамъ и чиновникамъ тамъ никогда не бывало свободнаго мѣста, но и многіе простолюдины посылаются здѣшними судьями, для содержанія, въ полицейскія части. Высочайшимъ повелѣніемъ 14 августа 1871 г. эта тюрьма преобразована въ С.-Петербургскую исправительную тюрьму, для содержанія всѣхъ осужденныхъ общимъ и мировымъ судами въ смирительный и рабочій дома.

Здѣсь да позволено будетъ намъ сдѣлать отступленіе, неизбѣжное для выясненія весьма рѣзкой разницы, существующей между содержаніемъ въ частяхъ и содержаніемъ въ бывшей срочной тюрьмѣ. Не говоря уже о вредномъ и унизительномъ сообществѣ, упомянутомъ въ комментаріяхъ къ 190 ст. Уст. Уголовн. Судопроизв., и которое приходится выносить заключеннымъ въ частяхъ, они живутъ въ дурныхъ казематахъ, кормятся плохо, а дѣятельность ихъ ограничивается: для мущинъ—пилкою и носкою дровъ и воды, а для женщинъ—мытьемъ половъ, лѣстницъ, ретирадныхъ мѣстъ, что исполняется всѣми поочередно и даромъ. Въ тюрьмѣ и воздухъ свѣжѣе, и пища лучше; притомъ, цѣ-

лый день всѣ арестованные заняты всевозможными ремеслами, и за труды всякій изъ нихъ, по выходѣ изъ тюрьмы, получаетъ нѣкоторую сумму денегъ, чрезвычайно нужныхъ на первоначальное существованіе на волѣ, до отысканія мѣста, занятія. Итакъ, сидѣть въ полиціи, зная, что въ то же самое время и за совершенно тождественный проступокъ другой въ тюрьмѣ сравнительно, такъ сказать, благоденствуетъ—обидно. Чтобы, согласно требованію закона, сравнять общее положеніе арестуемыхъ мировыми судьями простолюдиновъ, необходимо по возможности поспѣшить постройкою другой, теперь еще проектируемой, земской тюрьмы, допустивъ къ содержанію въ ней прежде всего женщинъ (въ срочной тюрьмѣ содержатся одни мужчины), такъ какъ бытъ ихъ въ частяхъ гораздо хуже быта мужчинъ вообще, а въ нравственномъ отношеніи въ особенности: выходя оттуда, молодыя женщины нерѣдко прямо примыкаютъ къ числу проститутокъ.

Намъ остается напомнить читателю, что покуда въ столицѣ не откроется всѣми желаемая земская тюрьма (когда это еще послѣдуетъ—Богъ вѣсть), или не будетъ отведено отдѣльнаго помѣщенія для содержанія лицъ высшихъ сословій,—они, по точному смыслу закона, подлежатъ аресту въ поименованныхъ въ 57 ст. Уложенія трехъ мѣстахъ. Засимъ, покончивъ съ тѣмъ, что по теоріи должно дѣлаться, перейдемъ къ тому, что происходитъ въ дѣйствительности.

Будучи близко знакомы съ практикою с.-петербургскаго мироваго института, мы знаемъ, что почти всѣ судебные приговоры влекли обвиненныхъ, принадлежа-

щихъ къ высшимъ сословіямъ исключительно въ тюрьму; изъ остальныхъ же двухъ родовъ наказаній (арестъ на гауптвахтѣ и дома) первый иногда еще (хотя и очень рѣдко) употреблялся, второй же представляетъ почти небывалое явленіе. Читатель увидитъ, что въ этомъ случаѣ законъ не былъ исполняемъ по причинамъ, достойнымъ серьезнаго вниманія.

Чтобы подвергнуть кого нибудь заключенію на гауптвахтѣ, мировому судьѣ надо предварительно снестись съ хозяиномъ здѣшнихъ гауптвахтъ—комендантомъ и ждать его увѣдомленія о томъ, есть-ли на которой либо изъ нихъ свободное мѣсто, и если есть, то на какой именно? Потомъ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, нужно поручить (письменно, согласно 183 и 190 ст. Уст. Уголовн Судопр.) мѣстной полиціи взять приговореннаго, отправить и сдать его, на основаніи 950 и 967 ст. Уст. Угол. Судопр., по указанію. При этомъ часто бывали странные случаи: сегодня судья, напримѣръ, узнавалъ, что посадить можно на сѣнной гауптвахтѣ, а когда полиція приводила туда чрезъ 2—4 дня присужденнаго, то предназначавшееся ему мѣсто оказывалось уже занятымъ другимъ человѣкомъ, по распоряженію военнаго начальства. Тогда полиція поступала двояко. Иногда она спрашивала судью, куда ей дѣвать провинившагося,—и судьѣ приходилось затѣвать новую переписку, или постановлять рѣшеніе о замѣнѣ гауптвахты тюрьмою. Иногда же, не найдя приговоренному пріюта и не желая долго съ нимъ возиться, полиція сдавала его, въ противность приговору, въ тюрьму и онъ потомъ жаловался на превышеніе полиціею присвоенной

ей власти и на то, что его содержали не въ надлежащемъ по закону мѣстѣ (8 и 11 ст. Уст. Угол. Суд.). Когда же отзывъ коменданта бывалъ отрицательный, то судьѣ точно также приводилось измѣнять степень наказанія и, во всѣхъ возникавшихъ и при постановленіи первоначальнаго приговора, конечно, непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, усложнять свое дѣлопроизводство, принимаясь за одно и то же дѣло нѣсколько разъ, что, само собою разумѣется, непріятно. Нѣкоторые судьи впрочемъ, придерживаясь тѣхъ же 950 и 967 ст., во избѣжаніе всего вышеизложеннаго, передавали исполнительные листы о заключеніи на гауптвахтѣ прямо мѣстной полиціи, предоставляя ей самой вѣдаться съ комендантскимъ управленіемъ о мѣстѣ содержанія. Въ этихъ случаяхъ полиція, тоже для избѣжанія переписки, сажала приговореннаго прямо въ часть и тѣмъ кончала возню съ нимъ.

Приговоривъ чиновника къ домашнему аресту, судья сообщалъ о томъ (183 и 190 ст. Уст. Уголовн. Судопр.) мѣстной полиціи, на которой, по 950 и 967 ст. того же Уст., лежитъ обязанность привести приговоръ въ исполненіе. Чтобы это сдѣлать въ точности, полиція неминуемо должна была предъявить прежде чиновника извѣстному числу городовыхъ участка, потомъ изъ нихъ же назначать поочередно въ его квартиру часовыхъ, караулить, чтобы онъ не отлучался изъ дома до истеченія опредѣленнаго въ приговорѣ срока. Этотъ порядокъ, кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ закону. Но бѣда въ томъ, что законъ нашъ иногда не ясенъ и изобилуетъ общими фразами, вслѣдствіе чего идетъ въ разрѣзъ съ

жизнью, что мы видимъ и въ настоящемъ случаѣ. О томъ, какихъ именно пріемовъ слѣдуетъ держаться при наблюденіи за правильнымъ домашнимъ арестомъ—ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ Угол. Судопр. не сказано. Отдѣльнаго объ этомъ руководства, сколько извѣстно, тоже нѣтъ. Слѣдовательно, однообразнаго дѣйствія ни требовать, ни ждать нельзя, и потому нисколько не удивительно, что и полицейскіе чины различно понимаютъ способъ содержанія подъ домашнимъ арестомъ. Одинъ приставъ находитъ, напримѣръ, что часоваго надлежитъ держать въ самой квартирѣ осужденнаго, что, конечно, ставитъ послѣдняго въ тягостное положеніе, стѣсняя не только его самаго, но и его семью, и всѣхъ его знакомыхъ. Осужденный могъ бы, подъ видомъ болѣзни или отсутствія за городъ, келейнымъ маneромъ пробыть назначенное время въ тюрьмѣ и никто не зналъ бы о постигшей его непріятности, а тутъ всѣ неизбѣжно натыкаются на городоваго. Чтобы не компрометировать себя передъ свѣтомъ, осужденный старается задобрить городоваго, прося его уходить домой и навѣдываться къ нему временами. Если осужденному это удастся, онъ счастливъ; если же городовой неподкупенъ, то бывали случаи, что человѣкъ горячій выгонялъ его изъ своего помѣщенія и тѣмъ наживалъ себѣ новую, еще худшую бѣду: городовой заявлялъ объ этомъ старшему себя, или самому приставу, и тотъ или другой начальникъ водворялъ его опять въ квартирѣ осужденнаго, да и самъ еще являлся въ нее по нѣскольку разъ въ день удостовѣряться въ наличности городоваго. Деликатные пристава, уважая семейное спокойствіе

осужденнаго, считали достаточнымъ ставить часоваго только у воротъ, на углу дома, гдѣ онъ живетъ. Либеральные пристава ограничивались тѣмъ, что брали съ него скрѣпленное честнымъ словомъ обѣщаніе никуда изъ дома не отлучаться на время ареста. Пристава консерваторы, сознавая, что караулъ арестованнаго— дѣло черезчуръ хитрое и не считая себя обязанными исполнять предложеніе судьи, а также полагая, что разъ человѣкъ подлежитъ аресту, то ему все равно, гдѣ бы этотъ актъ надъ нимъ ни исполнили,—брали его въ полицію и сажали тамъ въ отдѣльную комнату, въ такъ называемый пріемный покой, гдѣ помѣщается разный сбродъ. Мы знаемъ, наконецъ, и такой случай: получивъ исполнительный листъ съ предложеніемъ судьи подвергнуть дворянина домашнему аресту, приставъ возвратилъ листъ судьѣ назадъ, съ лаконическимъ объясненіемъ, что онъ не можетъ выполнить приговоръ, о чемъ донесъ непосредственному своему начальнику, оберъ-полиціймейстеру, который вошелъ, по этому предмету въ сношеніе съ министромъ юстиціи. Такъ какъ приставъ такимъ дѣйствіемъ нарушилъ 950 ст. Уст. Уголовн. Судопр., то судья сообщилъ о случившемся на дальнѣйшее распоряженіе прокурора окружнаго суда. Но прокуроръ отозвался, что всякія затрудненія, по силѣ 955 ст. Угол. Судопр., разрѣшаются тѣмъ самымъ судебнымъ мѣстомъ, которымъ постановлено рѣшеніе, и потому возникшее въ данномъ случаѣ до него не касается. Въ свою очередь и оберъ-полиціймейстеръ, получая свѣдѣнія о различныхъ спорахъ и пререканіяхъ, рождающихся по поводу домашняго ареста, неодно-

кратно просилъ распоряженія предсѣдателя съѣзда о томъ, чтобы судьи болѣе не приговаривали къ этому наказанію, такъ какъ, во-первыхъ, этотъ актъ мудрено выполнить, а во-вторыхъ, въ полиціи нѣтъ свободной, для караула подобныхъ личностей, стражи. Съ своей стороны и судьи, имѣя въ виду вышеприведенныя неурядицы, ходатайство оберъ-полиціймейстера и раздѣляя мнѣніе о непрактичности цѣлаго ряда хлопотъ, сопряженныхъ съ приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ объ арестахъ на гауптвахтѣ и дома, перестали приговаривать къ этимъ наказаніямъ, находя суррогатъ въ тюрьмѣ.

Такое явленіе, вѣроятно, встрѣчается вездѣ, гдѣ существуетъ новый судъ; не минуютъ его и прочія провинціи при распространеніи на нихъ дѣйствія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. А потому предметъ этотъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Изъ всего сказаннаго нами, какъ кажется, достаточно видно, что, съ одной стороны, нужно какъ можно скорѣе избавить народъ отъ содержанія при полиціи, а съ другой—издать подробную инструкцію о томъ, какимъ способомъ производятся наблюденія за выполненіемъ домашняго ареста.

Признавая за домашнимъ арестомъ, какъ за раціональною мѣрою исправленія нравовъ и искорененія маловажныхъ проступковъ, чрезвычайно важное значеніе, мы въ то же время смѣемъ думать, что существованіе его легко обезпечивается самою простою формою. Этому наказанію подвергаются, согласно закону, люди преимущественно развитые, образованные, а для большинства такихъ людей одно уже признаніе ихъ виновности, да объявленіе во все-

услышаніе приговора о домашнемъ арестѣ служитъ гораздо сильнѣйшимъ нравственнымъ наказаніемъ, нежели самый арестъ. Поэтому со стороны законодательной власти было-бы, полагаемъ, совершенно послѣдовательно и согласно съ общимъ духомъ Судебныхъ Уставовъ освободить подобныя лица во время ихъ ареста отъ всякаго полицейскаго надзора, установивъ вмѣсто того правило: отбирать отъ нихъ подписки въ томъ, что они добровольно заключатъ себя на означенное въ приговорѣ время дома, а тѣхъ изъ нихъ, которые нарушатъ помянутую подписку—если это откроется—подвергать строжайшей отвѣтственности. Въ подкрѣпленіе же того, что наше мнѣніе о возможности сохраненія домашняго ареста безъ принудительныхъ мѣръ исполнимо, сошлемся на примѣръ, какъ нельзя болѣе подходящій къ настоящему случаю. Когда фронтовой офицеръ въ чемъ нибудь провинится, то полковой командиръ объявляетъ ему въ приказѣ по полку, либо отдѣльною бумагою, что онъ наказывается (положимъ) недѣльнымъ домашнимъ арестомъ. Офицеръ, кромѣ приказа или бумаги, не знаетъ ровно никакой стражи. Если офицеру такимъ образомъ вѣрится на слово, то нѣтъ, разумѣется, никакого повода не вѣрить въ томъ же на слово, а тѣмъ болѣе на подпискѣ, всякому образованному человѣку, къ какому-бы сословію онъ ни принадлежалъ.

II.

Совершеннолѣтніе и несовершеннолѣтніе разнощики произведеній печати.

Передъ однимъ изъ столичныхъ мировыхъ судей стояли однажды 20 лѣтній рослый мужчина, въ плохенькомъ,

холодномъ пальто, и щедушный маленькій мальчикъ, лѣтъ 12, въ дырявыхъ сапогахъ и рваномъ кафтанѣ. Обоихъ ихъ одинъ изъ инспекторовъ типографій обвинялъ въ продажѣ, безъ дозволенія полиціи, на улицѣ, таблицъ 9-го тиража 2-го внутренняго съ выигрышами займа, составлявшихъ приложеніе къ одной изъ издающихся здѣсь газетъ. На вопросъ судьи: признаютъ ли они себя виновными во взводимомъ на нихъ обвиненіи, взрослый отвѣтилъ, что билетъ изъ городской думы на производство мелкаго промысла они имѣютъ, но чтобы кромѣ этого билета необходимо было еще полицейское свидѣтельство— они не знали; мальчикъ поддерживалъ отзывъ своего товарища по занятію. Судья, признавъ обоихъ, на основаніи 119 ст. Уст. Угол. Судопр., виновными въ приписываемомъ имъ проступкѣ, согласно требованію обвинителя подвергнулъ ихъ, по 29 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, взысканію по 3 р. каждаго, а въ случаѣ несостоятельности—аресту при полиціи на сутки, по 7 ст. того же Устава. Мальчикъ заплакалъ, и тѣмъ самымъ привлекъ къ себѣ наше вниманіе. Онъ разсказалъ намъ, что онъ сирота, живетъ въ Петербургѣ нѣсколько недѣль у земляка, который далъ ему «думскую» жестянку, да рубль денегъ и послалъ его торговать газетами. Дней семь сряду онъ приносилъ домой по 20—30 к. въ день барыша, и землякъ оставался имъ доволенъ; теперь же онъ не знаетъ, что предпринять: самому, безъ вѣдома хозяина, заплатить штрафъ рѣшительно нечѣмъ; хозяинъ человѣкъ скупой и 3-хъ р. ни за что не дастъ, а если, узнавъ объ оштрафованіи его, будетъ, какъ часто съ нимъ случается, въ дур-

номъ расположеніи духа, то еще изобьетъ его или даже совсѣмъ прогонитъ. Отправиться же прямо подъ арестъ мальчику тоже было страшно: въ полиціи, сказывали ему опытные, колотятъ ребятъ, да и какъ потомъ скрыть отъ хозяина, что сидѣлъ подъ арестомъ?.... Словомъ, ему со всѣхъ сторонъ грозила бѣда.

Безвыходное положеніе мальчика съ одной стороны произвело на насъ естественное въ этомъ случаѣ грустное впечатлѣніе, а съ другой—навело на мысль провѣрить слышанное отъ него ознакомленіемъ съ бытомъ ему подобныхъ разнощиковъ. Собранныя нами свѣдѣнія представляютъ положеніе этого люда въ слѣдующемъ видѣ.

Человѣкъ, рѣшившійся торговать въ разносъ, напр., ягодами, фруктами, нитками, селедками и тому подобною мелочью, долженъ предварительно пріобрѣсть въ городской думѣ билетъ, стоющій до трехъ рублей. Потомъ, если ему, какъ говорится, не повезетъ на этомъ поприщѣ и онъ вздумаетъ замѣнить ягоды газетами, то онъ обязанъ, сверхъ имѣющагося у него права, испросить на то полицейское дозволеніе; для этого нужно подать оберъ-полицеймейстеру прошеніе на гербовомъ листѣ 70 к. достоинства, съ приложеніемъ чистаго листа въ рубль. Прошеніе это посылается въ полицейскій участокъ, по мѣстожительству просителя, для того, чтобы участокъ удостовѣрилъ, что онъ, проситель, грамотенъ, хорошаго, благонадежнаго поведенія и не былъ подъ судомъ. Если участокъ дастъ по всѣмъ пунктамъ удовлетворительный отзывъ то просителю выдается на помянутомъ рублевомъ листѣ свидѣтельство, которое онъ долженъ представить старшему инспектору типографій и затѣмъ уже получаетъ за 1 р.

50 коп. бляху, которая и даетъ ему право приступить къ торговлѣ газетами. Такимъ образомъ, разносной продажѣ газетъ предшествуетъ расходъ въ 6 руб. 20 коп., да за написаніе по формѣ вышеозначеннаго прошенія хоть 30 коп., итого 6 руб. 50 коп., независимо отъ бѣготни по 3—4-мъ инстанціямъ, которую нужно оцѣнить, по меньшей мѣрѣ, въ рубль. Наконецъ, самое, разрѣшеніе полиціи дается исключительно совершеннолѣтнимъ.

На практикѣ произошло то, что весь этотъ промыселъ очутился въ Петербургѣ въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, которыя выправляютъ на свое имя бляхи (одинъ человѣкъ можетъ получить до 16 бляхъ) и посылаютъ по нимъ на заработки содержимыхъ ими, за прокормъ и за 3—6 руб. въ мѣсяцъ жалованья, разнощиковъ, преимущественно мальчиковъ, а при недостаткѣ ихъ, перепродаютъ бляхи тѣмъ, кто желаетъ торговать газетами, но не можетъ почему нибудь выхлопотать себѣ дозволенія на то: при такой операціи бляха продается за 12 и болѣе руб. въ годъ. Прибавимъ, что самостоятельно торгующихъ по одной бляхѣ крайне мало: изъ двухсотъ разнощиковъ (до этой цифры доходитъ ежегодно нумерація бляхъ) наберется, какъ насъ увѣряли, никакъ не больше 50 человѣкъ.

Конторы редакцій газетъ продаютъ разнощикамъ газеты, за рѣдкимъ исключеніемъ, всегда за наличныя деньги (по 3 и 4 коп. за экземпляръ нумера); оставшихся нераспроданными экземпляровъ, конторы не принимаютъ обратно отъ разнощиковъ и эти экземпляры сокращаютъ такимъ образомъ количество ихъ барыша, составляющаго

по 1 коп. на экземпляръ. Чтобы избѣгнуть такихъ непредвидѣнныхъ убытковъ, иные хозяева разнощиковъ вычитаютъ стоимость непроданныхъ экземпляровъ изъ скуднаго жалованья ихъ мальчиковъ, другіе возмѣщаютъ ихъ на худшемъ содержаніи, третьи распекаютъ, не то и бьютъ ихъ за нерадѣніе къ хозяйскимъ интересамъ. Всѣ эти способы поневолѣ возбуждаютъ въ мальчикахъ усиленное стараніе къ сбыту своего товара во что-бы то ни стало. Отсюда понятна и навязчивость разнощиковъ на улицахъ. Барышъ отъ этого промысла простирается: у хорошо приловчившихся къ нему до 15, у посредственно знающихъ свое дѣло до 10, а у новичковъ до 6—7 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ, вкратцѣ, положеніе розничной продажи газетъ.

Возвращаясь къ вышеприведенному приговору судьи, замѣтимъ, что правдоподобность, безхитростность рѣчи обвинявшихся, ихъ нищенскій видъ заставляли предполагать, что они дѣйствительно по невѣдѣнію не запаслись полицейскимъ разрѣшеніемъ на торговлю газетами. Кажется, было-бы совершенно достаточно примѣнить къ нимъ 9 ст. уст. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, т. е., сдѣлать имъ выговоръ, замѣчаніе или внушеніе, но не подвергать ихъ, особливо мальчика, тяжкой для нихъ карѣ—взысканію 3 руб., когда у него нѣтъ за душой 3 коп. Мы думаемъ, что мальчика слѣдовало вовсе оставить безъ наказанія, въ виду 1 и 4 пп. 10 ст. уст. о наказаніяхъ: не зная, что торговля таблицами и газетами безъ дозволенія полиціи не возможна, мальчикъ, торгуя открыто, дѣйствовалъ по приказанію хозяина, на котораго и должна-бы пасть отвѣтствен-

ность. Независимо отъ всего этого, по первой части 11 ст. уст. о наказан., несовершеннолѣтнимъ отъ 10 до 17 лѣтъ наказанія назначаются вполовину меньше противъ совершеннолѣтнихъ; слѣдовательно, судья нарушилъ смыслъ закона, обложивъ одинаковымъ штрафомъ обоихъ обвиняемыхъ.

Переходимъ, затѣмъ, къ самому порядку раздачи полиціею права торговать, въ разносъ, предметами тисненія.

Длинная, затруднительная процедура пріобрѣтенія дозволенія полиціи на производство газетнаго промысла дѣлаетъ на практикѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, то, что добытыя бляхи перепродаются кому попало, за такую баснословную цѣну, что истинные труженики, не располагающіе почему либо возможностью выправить на свое имя бляху, принуждены, собственно по милости этой процедуры, мѣсяцъ-два въ году работать на эксплуататоровъ ихъ труда. Точно также раздача бляхъ однимъ только взрослымъ ведетъ горемычныхъ мальчиковъ въ кабалу къ кулакамъ.

Знатоки этого дѣла объясняли намъ, что мальчикамъ воспрещено самостоятельно торговать на улицахъ газетами собственно по той причинѣ, что они не предполагаются способными отличать дозволенное отъ недозволеннаго и потому могутъ продавать изданія, не подлежащія распространенію. Но аргументъ этотъ вполнѣ несостоятеленъ. За покупкою газетъ, въ конторы редакцій ходятъ не сами хозяева, а ихъ мальчики: одинъ въ одну контору, другой въ другую, и т. д.; получивъ тамъ газеты, мальчики отправляются не домой, а прямо на условленное заранѣе мѣсто, преимущественно на Невскій прос-

пектъ, и тамъ дѣлятся между собою купленными каждымъ изъ нихъ газетами. Такимъ образомъ, хозяева даже и не знаютъ, чѣмъ именно торговали ихъ разнощики въ теченіе дня. Хозяева обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что вечеромъ отбираютъ отъ мальчиковъ, выданныя имъ на покупку газетъ, деньги и барышъ.

Нынѣшній порядокъ разрѣшенія торговать газетами и др. предметами тисненія слѣдуетъ упростить. Всякое лицо (взрослый или мальчикъ — все равно), желая заняться этимъ промысломъ, должно заявить объ этомъ словесно или письменно,—въ послѣднемъ случаѣ на простой бумагѣ,—тому инспектору типографій, въ раіонѣ вѣдомства котораго онъ живетъ, съ представленіемъ выданной ему изъ думы жестянки на право мелочной торговли и своего паспорта, на тотъ предметъ, чтобы удостовѣрить самоличность. Затѣмъ остается немедленно получить отъ него 1 руб. 50 коп. за бляху и дѣло съ концомъ. Нововведеніе это было бы вполнѣ раціонально. Если отъ сидѣльцевъ кабаковъ и портерныхъ, гдѣ всякія безобразія являются какъ-бы неизбѣжнымъ зломъ, не требуется никакихъ одобрительныхъ аттестацій о поведеніи и свидѣтельствъ о грамотности, то зачѣмъ нужно болѣе гарантій для торговли газетами на улицахъ, у всѣхъ на глазахъ? Къ чему опутывать газетнаго торговца различными стѣсненіями, тогда какъ, сравнительно съ нимъ, кабатчикъ пользуется широкими льготами? Касательно-же опасеній, что съ введеніемъ предлагаемой нами мѣры гербовый сборъ (гербовые листы употребляемые на прошенія и свидѣтельства) сократится на какіе нибудь 200—300 р., въ годъ (въ Петербургѣ до 200, да въ Москвѣ, положимъ,

150 разнощиковъ; въ остальныхъ же городахъ этотъ промыселъ едва-ли чрезъ 10 лѣтъ привьется), то нужно замѣтить, что эта цифра въ громадномъ, милліонномъ бюджетѣ—капля въ морѣ, капля, о которой никто никогда не пожалѣетъ.

III.

Слѣдуетъ-ли считать дворы петербургскихъ домовъ „публичнымъ мѣстомъ", по отношенію къ наказанію лицъ, совершающихъ на нихъ безчинства?

Былъ 2-й часъ ночи. Жильцы одного дома всѣ спали. Вдругъ на дворѣ дома раздаются пронзительный крикъ и плачъ. Событіе это разбудило, конечно, жильцовъ, которые, выглянувъ изъ своихъ оконъ, выходящихъ во дворъ, узнали, что мѣщанинъ (отъявленный негодяй, давшій нѣсколько подписокъ не посѣщать живущую отдѣльно отъ него въ этомъ домѣ жену) явился къ ней пьяный, избилъ ее, да еще выгналъ съ груднымъ ребенкомъ на дворъ и тамъ продолжалъ безобразничать, грозя убить жену, поджечь домъ и т. д. Многіе изъ жильцовъ стали урезонивать буяна, чтобы онъ пересталъ шумѣть, но онъ не только не послушался, но напротивъ началъ и ихъ осыпать бранью. Позвали было городоваго, но напрасно: тотъ отозвался, что если-бы буйство происходило на улицѣ, то онъ свелъ-бы обвиняемаго въ участокъ, со двора же этого сдѣлать не смѣетъ: начальство, дескать, воспрещаетъ имъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла. Буянъ, услыша мнѣніе уходившаго городоваго, усилилъ свои неистовства и продолжалъ ихъ до утра.

Между тѣмъ, женщина не захотѣла жаловаться на мужа. Тогда домоуправляющій подалъ судьѣ жалобу, прося наказать мѣщанина по 38 и 140 ст. Устав. о наказан. Удача и тутъ, однако, оказалась опять на сторонѣ буяна: судья отказался не только разбирать дѣло, но даже принять прошеніе. Дворъ, объяснилъ онъ, мѣсто не публичное, а частное, а на угрозы, по 140 ст., можетъ жаловаться только тотъ, кому угрожали; безпокойство же жильцовъ въ законѣ не предусмотрѣно.

Въ Петербургѣ всѣхъ домовъ 8,656; въ большинствѣ изъ нихъ постоянно живутъ, среднимъ числомъ, отъ 10 до 40 и болѣе различныхъ семействъ. Жильцамъ приходится ходить по двору и чрезъ дворъ постоянно, и днемъ, и ночью. Разныя безобразія и неистовства могутъ оскорблять чувство приличія жильцовъ, тревожить и пугать ихъ. Мы полагаемъ, что дворы петербургскихъ домовъ нельзя не признавать мѣстомъ публичнымъ и что обвиняемый въ буйствѣ на дворѣ, долженъ подлежать наказанію по 38 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. судьями, за буйство въ публичномъ мѣстѣ, за нарушеніе общественной тишины. Вся разница между дворомъ и площадью въ томъ отношеніи, о которомъ мы говоримъ, заключается только въ томъ, что дворъ дома занимаетъ обыкновенно значительно меньшее пространство, нежели площадь; чрезъ площадь въ ночь пройдетъ, положимъ, 200, а чрезъ дворъ—20 человѣкъ. Если на улицѣ, среди ночи, случится буйство, то оно привлечетъ изъ проходящихъ вниманіе 15, а то же событіе на дворѣ остановитъ 5 человѣкъ; услышавъ ночью крикъ на улицѣ, люди вскочатъ и подбѣгутъ къ окнамъ, выходящимъ туда изъ 2—4

домовъ, расположенныхъ одинъ противъ другаго, а при той же оказіи на дворѣ — поднимутся жильцы всѣхъ 4—5 этажей дома. Правильность этого взгляда подтвержаетъ намъ и уголовное кассаціонное рѣшеніе 1869 г. № 347, которое говоритъ: «Хотя въ законѣ и не исчислено съ точностью, какія именно мѣста слѣдуетъ считать публичными, но подъ ними слѣдуетъ понимать всякое, которое открыто для всякихъ особыхъ приглашеній». А такъ какъ на дворъ дома вправѣ входить не только 100—200 человѣкъ, которые въ немъ живутъ, но и посторонніе люди, то дворъ, безъ сомнѣнія, есть мѣсто именно публичное.

Относительно же того, что на мѣщанина жаловался домоуправляющій, а не скопомъ всѣ жильцы, слѣдуетъ замѣтить, что и это обстоятельство отнюдь еще не могло служить поводомъ къ непринятію судьею его жалобы: когда кто нибудь совершаетъ этотъ проступокъ на улицѣ, то его привлекаетъ къ отвѣту полиція, а въ трактирѣ—какъ бывали многіе случаи — содержатели его. Въ домѣ же, согласно 6 п. приложенія къ 345 ст. Уст., о предупрежденіи и пресѣч., преступ., т. XIV Св. Зак., обязанность заявлять о всѣхъ случающихся въ немъ происшествіяхъ, въ томъ числѣ и о буйствѣ, дракѣ, нарушеніи тишины и спокойствія, лежитъ на хозяинѣ дома или заступающемъ его мѣсто — управляющемъ, какъ на блюстителяхъ порядка. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ судья обязанъ, по 1 и 3 пп. 42 ст. Уст. Угол. Суд., приступать къ разбирательству дѣла, какъ это разъяснено уголовными кассаціонными рѣшеніями 1869 г. №№ 843 и 964, согласно которымъ хозяинъ вправѣ жаловаться на произведенное въ его домѣ буйство, «на нарушеніе личныхъ его правъ,

къ числу коихъ относятся неприкосновенность и спокойствіе домашняго очага; каждая, угрожающая кому либо опасность, въ предупрежденіе бѣдственныхъ ея послѣдствій (если-бы мѣщанинъ дѣйствительно поджегъ домъ), даетъ домохозяину право жаловаться подлежащей власти».

IV.

Преслѣдованіе пьянства и народная нравственность.

Статья 47 Мироваго устава гласитъ: «За появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства, или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ—виновные подвергаются аресту до 7 дней, или денежному взысканію не свыше 25 рублей». По статьѣ 127 того же Устава за неохраненіе пьянаго, который не могъ, безъ очевидной опасности, быть предоставленъ самому себѣ—продавцы въ питейныхъ заведеніяхъ подвергаются денежному взысканію до 5 рублей; когда же отъ нарушенія предыдущихъ статей произошелъ вредъ здоровью, то аресту до мѣсяца, или штрафу до 100 руб. (ст. 128).

Тѣмъ не менѣе, на окраинахъ Петербурга, гдѣ близь фабрикъ, заводовъ и т. под. заведеній живутъ рабочіе, въ праздничные дни бродятъ цѣлыя толпы безобразно пьяныхъ, разбитыхъ людей; возлѣ кабаковъ валяются, на панеляхъ и среди улицъ, обезпамятѣвшіе отъ выпитаго вина, окровавленные рабочіе,—и полицейскіе не подбираютъ ихъ и не привлекаютъ потомъ къ суду. Даже въ центрѣ города сплошь да рядомъ встрѣчаются еле-движущіеся пьяные, но городовые или переправляютъ ихъ до раіона сосѣдняго участка, или стараются

пе замѣтить ихъ, отходя, съ этою цѣлью, даже на противоположную панель. Если, наконецъ, иной пьяный и попадетъ въ часть, то онъ тамъ почуетъ «до его отрезвленія», а на утро переправляется, подъ командою городовыхъ, для водворенія въ мѣсто жительства. Къ мировымъ судьямъ доставляются изъ протрезвившихся не болѣе одного изъ пятидесяти, да и то не столько за пьянство, сколько за то, что въ пьяномъ видѣ буянили, грубили, или выбранили городовыхъ; самое же пьянство, сколько мы знаемъ по практикѣ здѣшняго мироваго института, вовсе не преслѣдуется. Указанныя нами статьи остаются такимъ образомъ безъ примѣненія. А послѣдствіемъ этого является, между прочимъ, то, что сидѣльцы кабаковъ не только никогда не воздерживаютъ простолюдиновъ отъ излишняго употребленія вина, но наоборотъ, даже подстрекаютъ ихъ пить до полнаго опустошенія кармана, а за тѣмъ безцеремонно выталкиваютъ или вытаскиваютъ своихъ посѣтителей на улицу, причемъ упрямящихся бьютъ, бросаютъ съ размаху на плиты троттуаровъ; тамъ они разбиваются и валяются на холоду, въ мокротѣ, схватываютъ горячку, простуживаются и нерѣдко умираютъ вслѣдствіе гостепріимства кабатчиковъ.

Да не подумаетъ читатель, что упрекъ нашъ мы посылаемъ одной полиціи. Нѣтъ, онъ въ значительной степени относится и къ мировымъ судьямъ, которые тоже ходятъ по улицамъ и хотя видятъ пьяныхъ, однако не пользуются предоставленнымъ имъ, по 3 п. 42 ст. Уст. угол. судопр., правомъ вчинать дѣла по непосредственно усмотрѣннымъ ими дѣйствіямъ, подлежащимъ преслѣдо-

ванію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ, не смотря на то, что право это подтверждено и уголов. кассац. рѣшен. 1868 г. № 808. А вѣдь проступки, предусмотрѣнные 42 и 127 ст. Уст. о наказ., принадлежатъ, безспорно, къ числу такихъ, которые начинаются помимо воли частныхъ лицъ.

Нельзя не пожалѣть, что статьи Устава о пьянствѣ остаются мертвой буквой. Иной порядокъ вещей могъ бы значительно повліять на улучшеніе народной нравственности.

Мировой судъ служитъ хорошимъ воспитателемъ общества. Дѣйствительно, съ открытіемъ въ Петербургѣ мироваго суда, нѣсколько мѣсяцевъ сряду большинство всѣхъ разбиравшихся дѣлъ были дѣла о дракахъ: дрались барыня съ горничною, баринъ съ лакеемъ, купецъ съ прикащикомъ, ремесленникъ съ подмастерьемъ, рабочіе между собою, словомъ, всѣ преусердно тузили другъ друга, судились и наказывались. И что же? Наказанія, постигавшія дравшихся, оказывались настолько вразумительными, что случаи дракъ постепенно уменьшились и теперь дѣла о дракахъ въ судебной практикѣ составляютъ самый ничтожный, сравнительно съ 1866 г., процентъ. Точно также и мужья постоянно били женъ не только въ своихъ жилищахъ, но даже и на лѣстницахъ судебныхъ камеръ, вплоть до появленія въ свѣтъ благодѣтельнаго, для женъ, уголовнаго кассаціоннаго рѣшенія, которымъ супружескіе побои отнесены къ насилію, самоуправству. Засимъ, когда судьи стали направлять мужей подъ арестъ за избіеніе женъ, то эти ку-

лачныя вразумленія мало по малу перестали быть силою супружеской власти.

V.

Сифилисъ и отсутствіе жалобъ со стороны заразившихся имъ.

Какъ къ кабатчикамъ не примѣнялась доселѣ спеціально для нихъ установленная 132 ст. Уст. о наказ., точно также бездѣйствуетъ и другая, тоже спеціальная 103 ст. того же Устава, которая гласитъ: «За сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни виновный подвергается аресту до 2 мѣсяцевъ, или штрафу до 200 р.» Въ теченіе 4-хъ лѣтняго существованія суда намъ никогда не случалось слышать, чтобы кто нибудь возбудилъ обвиненіе по этому проступку. Если судить по мировой практикѣ, то иной можетъ вывести отсюда самыя пріятныя заключенія о санитарномъ положеніи Петербурга въ этомъ отношеніи. Но не то покажетъ намъ оборотная сторона медали. Стоитъ присмотрѣться въ кабинетахъ гг. Заблоцкаго, Тарновскаго, Виноградова, Розенблюма и прочихъ, менѣе компетентныхъ, эскулаповъ, а равно въ Максимиліановской лечебницѣ, въ Калинкинской больницѣ—и вы всегда увидите тамъ пропасть народа изъ всѣхъ слоевъ столичнаго общества, являющихся за помощью. Кромѣ того, сколько состоятельныхъ лицъ вообще и проституток въ бархатѣ и шелку пользуются на дому — это ужъ недоступно постороннему взору... Какъ бы то ни

было, но вслѣдствіе разныхъ причинъ, дѣлъ по обвиненію въ нарушеніи 103 ст. Мир. устава, въ мировой практикѣ не бываетъ, и мы заносимъ этотъ фактъ въ наши замѣтки на память потомству.

VI.

Прислуга въ качествѣ свидѣтелей.

По дѣлу о побояхъ, нанесенныхъ господиномъ своему слугѣ, надлежало спросить, въ качествѣ свидѣтелей, нѣсколько человѣкъ прислуги обвиняемаго, указанныхъ тяжущимися. Судья, во вниманіе къ заявленію обвиняемаго, что ему нельзя оставить домъ сразу безъ всей прислуги, допросилъ свидѣтелей въ 3-хъ засѣданіяхъ. Если смотрѣть на дѣло поверхностно, то просьба обвиняемаго была точно уважительная, но за то вслѣдствіе удовлетворенія ея подорвалось правосудіе: прислуга, въ промежутокъ засѣданій сговорилась и показанія ея вышли столь тождественными, что судья принужденъ былъ оправдать обвиняемаго, при всей очевидности его вины.

Здѣсь, намъ кажется, нарушена 92 ст. Уст. угол. суд., которая предписываетъ судьѣ выслушивать сначала свидѣтелей обвинителя, потомъ самого обвиняемаго и наконецъ уже его свидѣтелей; все это въ интересахъ истины надлежитъ дѣлать въ одномъ засѣданіи, что вполнѣ возможно, потому что, если въ дѣлѣ участвуетъ даже 10 человѣкъ, то и тогда ихъ легко переспросить въ теченіи 4-хъ—5-ти присутственныхъ часовъ. При томъ, коль скоро свидѣтели въ самомъ засѣданіи спраши-

ваются отдѣльно одинъ отъ другаго, чтобы они не успѣли стакнуться, то тѣмъ болѣе нельзя допустить спросъ ихъ чрезъ нѣсколько дней одного послѣ другаго, когда всѣ они, и спрошенные, и не спрошенные, живутъ вмѣстѣ и въ угоду хозяину не преминутъ, какъ это было въ данномъ случаѣ, передать одинъ другому: что первый показалъ, что второму надо показать во избѣжаніе разноголосицы.

Стачки прислуги-свидѣтелей, не смотря на то, что они составляютъ преступленіе, предусмотрѣнное 942 и 943 ст. *Улож.* о наказаніяхъ,—въ здѣшней мировой юстиціи, сколько мы знаемъ по опыту, вещь самая обыденная, вытекающая изъ практической житейской мудрости. Всякій человѣкъ, по естественному закону природы, желаетъ добра прежде всего себѣ, а уже потомъ другимъ. Чувство это, правда, эгоистично, но оно не искоренимо до тѣхъ поръ, покуда общество не достигнетъ апогея своего умственнаго и нравственнаго развитія И вотъ, если прислугѣ хорошо живется, то она неминуемо должна на судѣ или поддерживать того, кому она служитъ, или, по крайней мѣрѣ, не говорить ничего противъ него; иначе она рискуетъ немедленно же лишиться мѣста и средствъ къ существованію, не рѣдко изъ за видѣнной ею, простой драки, или слышанной ею брани. Подобныя исторіи повторяются у насъ весьма часто. Чтобы устранить столь тяжелое положеніе прислуги-свидѣтелей предъ закономъ и совѣстью съ одной стороны, и личнымъ матеріальнымъ интересомъ—съ другой, а главное, чтобы правда не помрачалась—было бы, полагаемъ, очень полезно предоставить при-

слугѣ-свидѣтелямъ пользоваться на судѣ правомъ, выраженнымъ въ 3 п. 96 ст. Уст. угол. суд.: устранять себя, буде пожелаютъ, отъ свидѣтельства противъ тѣхъ, у которыхъ они служатъ, въ томъ уваженіи, что они находятся въ особыхъ къ обвиняемымъ отношеніяхъ—по управленію первыми дѣлами послѣднихъ: прислуживать тоже своего рода занятіе чужимъ дѣломъ. Хотя настоящее мнѣніе наше и идетъ въ разрѣзъ съ взглядомъ сената на прислугу-свидѣтелей, — взглядомъ, выраженнымъ въ уголовномъ кассаціонномъ рѣшеніи 1868 г. № 804, но мы убѣждены, что сенатъ отступился бы отъ своего взгляда, если-бы на практикѣ увидѣлъ, что происходитъ съ подобными свидѣтелями: съ одной стороны—подкупъ, всевозможное задабриваніе, а въ результатѣ — ложное показаніе, а съ другой,—справедливость, и въ перспективѣ, потеря дневнаго пропитанія. Эти два противуположные фактора ведутъ между собою безпрерывную, ожесточенную борьбу, въ которой ложь почти всегда торжествуетъ надъ истиною.

VII.

Прекращеніе полиціею дѣлъ о кражахъ.

Женщина, совершившая безнаказанно нѣсколько кражъ, попалась, наконецъ, съ похищенною вещью въ рукахъ, т. е. съ вещественными доказательствами преступленія. Объ этомъ хозяева квартиры, въ которой жила воровка, сообщили въ полицію утромъ, по обнаруженіи преступленія, а вечеромъ за женщиною явился городовой и

свелъ ее въ полицію, гдѣ она переночевала «до вытрезвленія,» хотя и пьяною не была. На слѣдующее утро городовой привелъ ее во-свояси, съ написанною въ участкѣ запискою, что женщина обязана тотчасъ же очистить занимаемое ею помѣщеніе, чѣмъ, какъ рѣшила полиція, и прекратить дѣло. Тогда квартирный хозяинъ написалъ участковому приставу, по просьбѣ другой женщины, у которой первая похитила вещь, заявленіе, что кража составляетъ такого рода преступленіе, котораго полиція не вправѣ прощать, а потому просилъ составить формальное, по 49 и 251 ст. Уст. угол. судопр., дознаніе, которое и представить на разрѣшеніе мѣстнаго участковаго мироваго судьи. Вслѣдствіе этого на мѣсто преступленія явился, еще чрезъ день, полицейскій чиновникъ, потребовалъ претерпѣвшую отъ преступленія и объявилъ ей, что ее затаскаютъ къ мировому, а если она не докажетъ факта кражи, то ее самое посадятъ въ тюрьму за клевету; поэтому, чтобы не попасть въ просакъ, онъ приказалъ ей простить воровку. Обвинительница, робкая, несвѣдущая женщина, покорилась желанію «начальства,» и чиновникъ, довольный тѣмъ, что избавился отъ труда писать протоколъ въ 10—15 строкъ, ушелъ домой, и такимъ образомъ воровка опять таки увернулась отъ кары закона. На вопросъ же, предложенный потомъ чиновнику: по какому праву онъ столь безцеремонно распорядился, онъ наивно отвѣтилъ, что полиція привлекаетъ къ суду виновныхъ въ кражахъ по требованію одних ъ лишь обвинителей, а не кого либо постороннихъ, которымъ нельзя вмѣшиваться ни во что, не относящееся лично до нихъ.

Какъ нравятся вамъ подобные самозванные миротворцы? Къ сожалѣнію, ихъ, какъ намъ извѣстно, не мало. Оттого мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть этотъ образъ дѣйствій представителей полиціи на основаніи положительнаго закона.

Начнемъ съ указанія на то, что въ уставѣ предупрежд. и пресѣч. преступл., т. XIV Св. Зак., есть статьи, которыя, между прочимъ, гласятъ: ст. 500—«во искорененіе воровъ—полиція обязана употреблять всевозможные способы,» ст. 501—«кто узнаетъ о воровствѣ—обязанъ доносить о томъ полиціи.» Далѣе. 15 и 126 ст. Уложенія о наказаніяхъ, изд. 1866 г., прямо грозятъ наказаніемъ всякому, кто, зная о содѣянномъ преступленіи, не донесъ о томъ кому слѣдуетъ. Переходя, потомъ, къ Уст. уголовн. судопр., мы видимъ, что отреченіемъ отъ вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, не прекращается производство дѣла объ уголовной отвѣтственности обвиняемаго (ст. 19); ст. 49 вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность полиціи сообщать мѣстнымъ участковымъ мировымъ судьямъ объ обнаруженныхъ ею проступкахъ, подлежащихъ преслѣдованію и безъ жалобъ частныхъ лицъ; то же самое говоритъ и 251 ст. Примиреніе между обвинителемъ и обвиняемымъ даетъ право суду, а не полиціи, прекращать возбужденныя преслѣдованія по 3 п. 16, 20 ст. угол. судопр. и 20 же ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, только въ такихъ случаяхъ, когда это дозволяется закономъ; напр., личныя обиды, клеветы, въ уголовныхъ дѣлахъ родителей съ дѣтьми, мужей съ женами и наоборотъ. Обыкновенные же похи-

тители чужой собственности наказываются **всегда** по существующимъ специальнымъ 169—172 ст. Уст. о наказан., налагаем. мир. судьями, безъ малѣйшаго отступленія.

Такимъ образомъ очевидно, что всякое лицо, которому извѣстно о содѣянной другимъ кражѣ, должно, если не изъ желанія способствовать искорененію преступленій, то по крайней мѣрѣ хоть изъ самосохраненія, извѣщать о томъ полицію. Послѣдняя же обязана произвести дознаніе и передать его подлежащему суду, даже и противъ воли того, у кого произведена кража. Наконецъ, чины полиціи, самопроизвольно прекращающіе подобныя дѣла, совершаютъ преступленіе, именуемое превышеніемъ власти, укрывательствомъ (338 и 124 ст. Уложенія о наказаніяхъ), за что они подлежатъ, по смыслу 1077, 1 п. 1078, 1100 ст. Уст. угол. судопр., преданію уголовному суду и затѣмъ, «за неизвѣщеніе, по нерадѣнію, кого слѣдовало о содѣянномъ преступленіи, за незадержаніе привлечаемаго въ ономъ, когда были къ тому основательныя причины», они должны быть подвергаемы наказанію, согласно 2 части 447 ст. Уложенія о наказаніяхъ—по меньшей мѣрѣ исключенію изъ службы.

А между тѣмъ эти «чины полиціи,» подлежащіе наказанію, еще тяготятся предостереженіями мировыхъ судей, стремятся стать рядомъ съ ними и даже покушаются сдѣлаться полноправными хозяевами надъ обществомъ, которое ихъ содержитъ!.. Грустно, видѣть такую неурядицу.

ЗАМѢТКИ

ПО

ГРАЖДАНСКОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.

ЗАМѢТКИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.

I.

Законъ о рѣшеніи дѣлъ по обычаю на практикѣ не примѣняется вслѣдствіе равнодушія судебнаго персонала къ интересамъ тяжущихся.

На основаніи 119 ст. Уст. угол., и 129 ст. гражд. Судопр., судья рѣшаетъ вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію; въ примѣненіи къ дѣлу законовъ онъ руководствуется 12 и 13 ст., а 130 ст. Уст. гр. судопр., даетъ ему право руководствоваться, при постановленіи рѣшенія, общеизвѣстными обычаями.

Чиновникъ нанялъ меблированную комнату съ уговоромъ, какъ это водится, словеснымъ (письменнаго на одну комнату никто въ Петербургѣ никогда не заключаетъ), что содержатель квартиры ручается за цѣлость его имущества (это также неизмѣнный обычай). Когда чиновникъ уходилъ на службу, его комната запиралась и ключъ отъ нея отдавался или хозяину, или его кухаркѣ. Заперевъ однажды комнату, онъ вручилъ ключъ кухаркѣ и ушелъ; вернувшись, онъ получилъ отъ нея ключъ, вошелъ въ комнату и изумился: всѣ его пожитки были разбросаны, разтащены, а изъ комода украдены деньги. Бѣднякъ распра-

шиваетъ всѣхъ и каждаго, какимъ образомъ могло это случиться, но никто ничего не знаетъ. Онъ бросается за помощью къ полиціи; та является на мѣсто преступленія, составляетъ протоколъ, спрашиваетъ чиновника: не имѣетъ-ли онъ на кого подозрѣнія; онъ отвѣчаетъ отрицательно. Полиція уходитъ и имущество, и деньги его такъ и пропадаютъ. Чиновникъ предъявляетъ къ содержателю квартиры, обязавшемуся стеречь его добро, гражданскій искъ въ 260 рублей. Призванные въ судъ содержатель квартиры и его кухарка отозвались: первый—что ключа отъ комнаты чиновникъ ему въ руки не отдавалъ, а потому онъ и не отвѣчаетъ за пропажу, а послѣдняя—что, получивъ отъ чиновника ключъ, положила его на то мѣсто, куда его постоянно клали; затѣмъ она занялась уборкою прочихъ 5—6 комнатъ, а когда чиновникъ вернулся и спросилъ ключъ, то она взяла его тамъ, гдѣ положила, подала ему и больше ничего не знаетъ, да и знать не можетъ, ибо нанята не для того, чтобы караулить чиновничью комнату, а прислуживать всѣмъ жильцамъ. Судья отказалъ чиновнику въ искѣ.

Бѣдный людъ столицы нанимаетъ комнаты всегда отъ самихъ квартирныхъ хозяевъ, съ прислугою и съ непремѣннымъ условіемъ, какъ и въ данномъ случаѣ, сберегать имущество жильца и, въ случаѣ пропажи, отвѣчать за него; нанимая комнату, жилецъ разсчитываетъ исключительно на добросовѣстность и матеріальное благосостояніе квартирнаго хозяина; условія дѣлаются словесныя, а не письменныя; таковъ обычай, существующій съ незапамятныхъ временъ, и замѣнять его формальнымъ дого-

воромъ положительно никто изъ содержащихъ квартиры не станетъ по многимъ причинамъ, отчасти основательнымъ; прислуга же служитъ только помощницей хозяину въ доставленіи жильцу удобствъ, за которыя онъ платитъ деньги. Изъ сказаннаго становится ясно, что обычай, допускаемый закономъ при рѣшеніяхъ судьями дѣлъ, говоритъ прямо въ пользу того, что убытокъ чиновника, происшедшій отъ пропажи его имущества, неминуемо долженъ быть покрытъ хозяиномъ квартиры цѣликомъ, или, въ крайнемъ случаѣ, въ половинномъ размѣрѣ; что же касается его, то онъ можетъ взыскивать съ кухарки, или съ кого знаетъ, такъ какъ если она украла,—виноватъ все-таки хозяинъ, держащій вороватую кухарку.

Живутъ въ Петербургѣ три неграмотныя женщины, вышедшія изъ крѣпостнаго состоянія. Изъ нихъ одна портниха; другая, имѣя десятилѣтнюю дочь, отдала ее первой, въ присутствіи третьей, съ словеснымъ уговоромъ, что портниха обязывается выучить дѣвочку, въ теченіе трехъ лѣтъ, хорошо шить и кроить всякія вещи и принадлежности дамскаго туалета, за что мать платитъ портнихѣ по 25 руб. въ годъ. Условіе было заключено еще до введенія въ дѣйствіе судебной реформы. Мать дѣвочки и ея знакомая нерѣдко справлялись потомъ объ успѣхахъ дѣвочки въ ученіи. И портниха, и ея мужъ постоянно и во всѣхъ отношеніяхъ одобряли ее. Вѣря имъ, мать была совершенно спокойна. Но вдругъ портниха прогоняетъ дѣвочку, за пустую дѣтскую шалость, сообщая матери, что она болѣе не намѣрена держать ея дочь у себя. Дальше оказывается, что дѣвочка рѣшительно ничему не выучена и всѣ два года

была употребляема портнихою на посылки, да на прислуживанье въ кухнѣ. Мать проситъ портниху возвратить ей хоть 50 руб., полученные ею за протекшіе два года ученья, но та отказывается. Тогда мать обращается къ суду, излагаетъ весь ходъ дѣла, и представляетъ росписки портнихи въ полученіи ею 50 руб., ссылаясь, въ подкрѣпленіе существовавшаго между ними словеснаго условія, на бывшую посредницу, а въ подтвержденіе же того, что портниха дѣйствительно не учила дѣвочку, она указываетъ на двухъ мастерицъ портнихи, все это до мелочей знающихъ. Портниха, не отвергая ни условія, ни полученія денегъ, оправдывается тѣмъ, что дѣвочка шалунья, лѣнивая, сама отказывалась учиться и сама же довела себя до того, что она, портниха, прогнала ее. Кромѣ того, какъ-бы въ острастку противницѣ, портниха тоже предъявила къ ней искъ за прокормленіе ея дочери втеченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, по 5 рублей въ мѣсяцъ. Мать возражаетъ, что если-бы дочь ея дѣйствительно не подавала никакой надежды къ ученью, то это обнаружилось-бы чрезъ два, три мѣсяца по поступленіи ея къ портнихѣ, которая обязывалась по совѣсти тотчасъ же сообщить ей о томъ и возвратить ей дочь, а не продержать ее цѣлыхъ два года сряду прислугою, получая за то, что дочь на нее же работала, ей же приносила пользу, 50 руб., и потомъ прогнать ее; что она имѣетъ, наконецъ, свидѣтелей, не разъ слышавшихъ одобрительные отзывы портнихи о дочери. Судья, оставивъ безъ уваженія всѣ домогательства матери, отказалъ ей въ искѣ съ портнихи, на основаніи 409 ст. гражд. суд., по которой свидѣтельскія показанія могутъ

служить доказательствомъ лишь такого событія, которое не требуетъ письменнаго удостовѣренія.

Рѣшеніе это, подобно предъидущему, на нашъ взглядъ, идетъ прямо въ разрѣзъ какъ съ общимъ смысломъ закона, такъ особенно съ 130 ст. гр. суд., допускающей рѣшенія по существующимъ обычаямъ. Мнѣніе наше въ этомъ отношеніи вполнѣ поддерживаютъ комментаріи къ 130 ст., во 2 изд. госуд. канцеляріи. Въ нихъ излагается, что вѣдомству судей подлежатъ иски, возникающіе изъ договоровъ и сдѣлокъ, часто не утвержденныхъ не только контрактами, но и домашними условіями, но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ силу въ жизни на основаніи обычаевъ, признающихъ обязательность подобныхъ договоровъ. Въ этихъ случаяхъ, развиваетъ законодатель свою мысль, обычай замѣняетъ, или восполняетъ собою законъ, частью вслѣдствіе неграмотности договаривающихся сторонъ, частью вслѣдствіе иныхъ, подобныхъ же причинъ, подробно перечисленныхъ въ комментаріяхъ. Сила и значеніе обычаевъ въ жизни требуютъ, чтобы на нихъ было обращаемо вниманіе и при разборѣ дѣлъ у мироваго судьи, ибо въ противномъ случаѣ стѣснялась-бы, безъ всякой надобности, сама жизнь и рѣшеніе судьи было-бы явно несправедливымъ. Это сознано и нашимъ законодательствомъ, которое дозволило мировымъ посредникамъ при разборѣ дѣлъ о наймѣ людей въ работы, услуженіе, хозяйственныя должности и проч. руководствоваться мѣстными обычаями. Не только допустивъ, но и узаконивъ силу обычаевъ въ судахъ мѣстныхъ (у посредниковъ), объясняютъ далѣе комментаріи, было-бы въ высшей степени

непослѣдовательно не допустить ихъ при разборѣ дѣлъ мировыми судьями, которые будутъ находиться въ столь же близкихъ, какъ посредники, отношеніяхъ къ народу, въ пользу котораго правительство, по мѣрѣ того, какъ ближе съ нимъ знакомилось, постоянно дѣлало изъятія въ законахъ, въ случаяхъ, гдѣ народъ не могъ ими руководствоваться.

Изъ выписанныхъ нами и весьма многихъ подобныхъ истинъ проистекла 130 ст. въ настоящемъ ея видѣ. Тѣмъ не менѣе она, къ сожалѣнію, какъ видѣлъ читатель, не оказала ровно никакого вліянія на рѣшеніе судьею дѣла, во всѣхъ отношеніяхъ подходящаго подъ ея силу: простолюдины, къ числу которыхъ принадлежали и мать дѣвочки, и портниха, до освобожденія крестьянъ и введенія судебной реформы, какъ извѣстно, вообще не имѣли никакой возможности заключать формальные договоры, какъ люди, сами по себѣ безправные, люди неграмотные; они именно по обычаю вѣрили другъ другу на слово, совершая всякія сдѣлки при одномъ свидѣтелѣ—образѣ. Слѣдовательно, не примѣнять въ подобныхъ дѣлахъ силу обычаевъ не представляется ни малѣйшаго повода, тѣмъ болѣе, что, въ виду 129 ст., судья, въ описанномъ дѣлѣ, не могъ не придти къ нравственному убѣжденію въ безсмысленности оправданій портнихи и содержателя квартиры.

II.

Представленіе суду денежныхъ документовъ до судоговоренія — правило неудобное и потому не исполняется.

Въ Уставѣ гражд. судопр. есть статьи, которыя, по

своему неудобству, остаются въ практикѣ безъ примѣненія, или порождаютъ какъ въ судебномъ персоналѣ, такъ и въ судящейся публикѣ различныя недоумѣнія и неріятности.

Такъ, 57 ст. установлено, чтобы истецъ, основывающій свои требованія на письменныхъ доказательствахъ, передавалъ таковыя подъ росписку мировому судьѣ или при подачѣ исковой просьбы, или же не позже двухъ часовъ пополудни наканунѣ разбирательства. Документы, по которымъ начинаются иски, бываютъ двоякаго рода: 1) контракты, условія и т. п. акты; 2) заемныя письма, долговыя росписки, заборныя книжки и проч. Первые документы судьи принимаютъ вмѣстѣ съ прошеніями, чтобы до засѣданія ознакомиться съ ихъ содержаніемъ, но росписокъ въ полученіи ихъ никому не даютъ, тѣмъ болѣе, что ихъ никто и не проситъ: всѣ и безъ того увѣрены, что бумаги эти будутъ цѣлы. Чтоже касается остальныхъ документовъ (наприм. росписокъ), то почти никто изъ судей вовсе не беретъ ихъ отъ истцовъ, предоставляя предъявить ихъ предъ самымъ судоговореніемъ. Это отступленіе отъ закона вполнѣ оправдывается тѣмъ, что подобные документы (большею частію полулисты, клочки бумаги) не легко сберечь и гораздо практичнѣе оставлять росписки въ рукахъ истцовъ до явки ихъ къ судоговоренію.

III.

Законъ о рѣшеніи дѣлъ на основаніи принятой однимъ изъ тяжущихся присяги бездѣйствуетъ по недовѣрію тяжущихся другъ къ другу.

Тяжущимся дозволяется 115 и 116 ст. просить судью

о разрѣшеніи ихъ дѣла на основаніи принимаемой однимъ изъ нихъ, по взаимному соглашенію, присяги; причемъ самъ судья не вправѣ ни предлагать имъ кончить дѣло присягою, ни тѣмъ болѣе принуждать къ тому кого-нибудь изъ нихъ. Изъ опыта мы знаемъ, что люди изъ образованнаго класса никогда не обнаруживаютъ желанія кончить дѣло присягою. Но лица изъ торговаго и простаго народа при малѣйшемъ сомнѣніи изъявляютъ готовность присягнуть въ подтвержденіе своей правоты, чего имъ однако почти никогда не удается. Какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, оба просятъ позволить имъ очиститься присягою, отчего бываютъ курьезныя сцены, въ родѣ, напр. слѣдующей.

Лавочникъ взыскиваетъ съ рабочаго 3 р. за забранный будто бы товаръ. Отвѣтчикъ отрицаетъ существованіе долга. Судья спрашиваетъ истца, чѣмъ подтверждается его искъ?

— Онъ забралъ-съ, это вѣрно-съ, г. судья.

— А нѣтъ ли у васъ его росписки, заборной книжки?

— То-то, что нѣтъ-съ: на бѣду, мы на честное слово вѣрили; ей Богу долженъ.

— Онъ, ей Богу, г. судья, вретъ: я ему заплатилъ ужъ давнымъ давно. Какъ ему только не стыдно божиться.

— Ты вѣдь долженъ; ну, сдѣлай милость, сознайся: вѣдь долженъ? Грѣхъ обманывать; Богу отвѣтишь.

— Нѣтъ, ты сознайся, что облыжно требуешь съ меня 3 р., коли я тебѣ и полушки не долженъ, да еще Бога всуе поминаешь. Да что съ тобой долго калякать по пу-

стому—присяги, что правду говоришь, отдамъ остатніе 3 цалковыхъ.

— Нѣтъ, ты присяги, что заплатилъ, и Богъ съ тобой; отступаюсь отъ кровныхъ своихъ 3 рублей.

— Изволь, присягну, потому я какъ предъ Богомъ чистъ.

— Нѣтъ, г. судья, онъ фальшиво станетъ присягать; не хочу я его въ грѣхъ вводить; лучше я самъ присягну.

— Знаю, братъ, знаю, что ты, сквалыга, и за грошъ присягнешь: вы, купечество, вѣдь тѣмъ только и берете, что божитесь, да божбою-то и надуваете православныхъ у васъ первое слово: не обманешь—не продашь. Я самъ присягну.

Судья прерываетъ безтолковый споръ тяжущихся, объяснивъ имъ, что обоимъ вмѣстѣ присягать нельзя, а такъ какъ они другъ друга не допускаютъ къ присягѣ, то онъ, судья, отказываетъ лавочнику въ его искѣ по бездоказательности.

IV.

Объ обезпеченіи иска.

Чиновникъ, состоя должнымъ другому, по роспискѣ, 35 р., уклонился заплатить ихъ. Заимодавецъ предъявилъ къ нему у мироваго судьи искъ на помянутую сумму. Отвѣтчикъ къ судоговоренію не явился, а истецъ просилъ судью обезпечить его искъ жалованьемъ противника. Судья, уваживъ просьбу истца, выдалъ ему, согласно 125 и 597 ст. Уст. гр. суд., исполнительный

листъ. Судебный приставъ, препровождая этотъ листъ въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ, просилъ поступить по немъ на основаніи 633 ст. гр. суд., но въ департаментѣ возникъ между исполнителями споръ о томъ, какъ понимать 633 ст.?

Статья эта гласитъ: «присутственное мѣсто, въ распоряженіи коего находятся денежныя суммы отвѣтчика, обязано, получивъ исполнительный листъ объ арестѣ, остановить, впредь до новаго извѣщенія, всякія выдачи отвѣтчику, кромѣ случаевъ, положительно указанныхъ въ законѣ». Споръ заключался въ томъ, что одни, опираясь на 633 ст., требовали ареста чиновничьяго жалованья сразу, а другіе, на основаніи той же статьи находили возможнымъ вычитать изъ жалованья, помѣсячно, лишь третью часть. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, они приводили слѣдующія доказательства: 1) Слова: «у коего находятся въ распоряженіи, или на храненіи денежныя суммы отвѣтчика» относятся скорѣе къ подрядчикамъ, коммисіонерамъ и т. под. лицамъ, нежели къ чиновнику, получающему изъ департамента одно только жалованье, о которомъ въ названной статьѣ не помянуто. 2) Такъ какъ исполнительнымъ листомъ требуется обезпечить искъ именно жалованьемъ (кромѣ него отвѣтчику ничего не выдается), а отказать въ этомъ требованіи нельзя, за силою выставленнаго въ листѣ выраженія: «всѣ мѣста и лица обязаны въ точности исполнить», то надлежитъ вычитать изъ жалованья ежемѣсячно третью часть, руководствуясь 1084, 1085 и 2 п. 1086 ст. гр. суд., въ которыхъ прямо названо жалованье; слѣдовательно статьи эти обязатель-

ны. 3) Если допустить арестъ жалованья сразу, то чиновнику остается на прожитіе съ семействомъ только 15 р., въ мѣсяцъ, что, конечно, крайне недостаточно. Лишать же такимъ образомъ семью средствъ къ существованію невозможно: коль скоро на уплату присужденнаго рѣшеніемъ долга 1086 ст. разрѣшается вычитать только третью, либо четвертую часть, — то на обезпеченіе иска, быть можетъ еще неправильнаго, тѣмъ болѣе нѣтъ резона арестовывать сразу все жалованье, ибо и въ самой 633 ст. есть выраженіе: «остановить выдачи отвѣтчику, кромѣ случаевъ, положительно указанныхъ въ законѣ», а случаи эти предусмотрѣны въ 1086 ст.

Послѣ долгихъ споровъ, послѣдовало распоряженіе вычитать изъ жалованья чиновника, ежемѣсячно, третью часть, доколѣ не образуется вся сумма иска 35 руб. Съ такимъ разрѣшеніемъ этого вопроса согласиться, по нашему мнѣнію, нельзя.

Прежде всего, слова 633 ст. «въ распоряженіи коего находятся денежныя суммы отвѣтчика» распространяются, безъ малѣйшаго сомнѣнія, на всѣ суммы, безъ различія наименованія. Если-бы законодатель желалъ изъять изъ ареста въ обезпеченіе иска двѣ трети чиновничьяго жалованья, то прямо оговорилъ-бы это въ 633 ст.; если же этого не сдѣлано, то, значитъ, нѣтъ исключенія. Отрицательный отвѣтъ этотъ мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. На основаніи 9 ст. гр. судопр., законъ долженъ толковаться «по точному оного разуму». Понятно, стало быть, что частнымъ разъясненіямъ, натяжкамъ, здѣсь нѣтъ мѣста. Присутственное мѣсто

обязано, говорится въ формѣ листа, приложенной къ 927 ст., гр. судопр., исполнять «въ точности» рѣшеніе или опредѣленіе суда, выраженное въ исполнительномъ листѣ. А если вмѣсто предписываемаго исполнительнымъ листомъ ареста жалованья производить изъ него только вычетъ третьей части, то требованіе листа и 633 ст. осязательно измѣняется, и пріобрѣтаетъ совершенно не тотъ характеръ, какой былъ приданъ ему судомъ. Далѣе, коль скоро въ 633 ст., сказано: «остановить всякія выдачи отвѣтчику», то слѣдовательно ему вовсе уже нельзя получать жалованья, если оно не превышаетъ цифры иска, несмотря на то, что собственно о жалованьи здѣсь и не помянуто: выраженіе «всякія выдачи» замѣняетъ собою пунктуальность всевозможныхъ названій. Потомъ, тѣ суммы, которыя законодатель рѣшился сохранить цѣликомъ въ исключительной собственности отвѣтчика, онъ не-стѣснился изъять 1087 ст. изъ числа подлежащихъ вычету за долги и взысканія. Эти суммы (пенсія за раны, вспомоществованія: на погребеніе жены, родителей, дѣтей, на поправку послѣ пожара, наводненія и т. п. несчастныхъ событій, и путевыя пособія) и мы охотно признаемъ не подлежащими аресту въ обезпеченіе иска, подразумѣвая подъ ними именно источники, выдѣленные 633 ст. словами «кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ,» отъ остановки въ обезпеченіе иска. Эти-то суммы и состоятъ въ исключительномъ положеніи, а отнюдь не жалованье. Впрочемъ, отбросивъ нравственную сторону и оставаясь на одной суровой юридической почвѣ, нужно замѣтить, что и это

толкованіе едва-ли выдерживаетъ строгую критику, потому что 1087 ст. помѣщена въ отдѣлѣ взысканія, а обезпеченіе иска и взысканіе по рѣшеніямъ, вошедшимъ въ законную силу, совершенно различны одно отъ другаго: первое, согласно 633 ст., вслѣдствіе «новаго извѣщенія» можетъ быть отмѣнено, тогда какъ послѣднее, на основаніи 156, 159, 893 и 895, для всѣхъ безусловно обязательно. Вообще, крайняя противоположность между значеніями обезпеченія иска и взысканія по окончательному рѣшенію доказывается, кромѣ изложенныхъ причинъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что первое заключается въ первыхъ 3-хъ главахъ 3-го отдѣленія (590 — 640 ст.), а послѣднее, относительно обращенія взысканія на жалованье, изображено въ 9-мъ отдѣленіи 4-й главы (1084—1900 ст.), чрезъ 400 слишкомъ статей, на громадно далекомъ разстояніи, тогда какъ дѣйствія, имѣющія между собою связь, поставлены въ Уст. гр. суд. вездѣ рядомъ. И потому смѣшивать эти два различныя понятія во-едино, разумѣется, нелѣпо.

Явка отвѣтчика въ судъ по гражданскимъ дѣламъ не обязательна (145 и 1 п. 718 ст.). Оттого, для огражденія интересовъ истца введены, между прочимъ, въ Уст. гр. суд. 125—128, 590—652 ст., дающія ему возможность обезпечить искъ. Самое обезпеченіе иска есть разумный способъ понудить отвѣтчика не уклоняться отъ своевременной явки въ судъ. Слова наши какъ нельзя лучше подтверждаются комментаріями къ 590 ст. Уст. гр. суд., (2 изд. Уст. государственной канцеляріи). Сущность комментаріевъ та, что «у насъ, въ Россіи, необходимѣе чѣмъ гдѣ либо предварительное обезпеченіе исковъ, ибо

вслѣдствіе пространной территоріи и недостаточнаго экономическаго развитія—дѣла у насъ не могутъ производиться столь скоро, какъ въ другихъ странахъ. Для недобросовѣстнаго отвѣтчика у насъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ либо скрыть, или распродать свое имущество, развиваетъ комментаторъ дальше свою мысль; при нашихъ пространствахъ удобно ему переѣзжать въ такія мѣста, гдѣ трудно и отыскать его. Поэтому, заключаетъ комментарій, необходимо: истцу—предоставить практическую возможность заранѣе обезпечить наличныя средства къ удовлетворенію, а отвѣтчика поставить въ такое положеніе, чтобы ему не было выгодно медлить окончаніемъ дѣла и дѣйствовать во вредъ интересамъ истца». Вотъ истинное значеніе обезпеченія исковъ. Наконецъ, независимо отъ комментарія, мы и во 2 ч. X т., дѣйствовавшей до обнародованія судебныхъ уставовъ, видимъ 58—60 ст., которыя при предъявленіи ко взысканію денежныхъ обязательствъ, не обезпеченныхъ залогомъ или закладомъ, предписываютъ налагать запрещенія на недвижимыя имѣнія отвѣтчиковъ, арестовывать движимое его имущество,—проще говоря, обезпечиваютъ иски, ради того же принципа огражденія интересовъ истца.

Переходя, наконецъ, отъ теоріи закона къ примѣненію его въ практикѣ, мы и тутъ усматриваемъ въ обезпеченіи исковъ весьма раціональную мѣру, вполнѣ оправдывающую благое желаніе законодателя — дать истцу возможность гарантировать свой искъ, а отвѣтчика поставить въ такое положеніе, чтобы ему было невыгодно тянуть дѣло. Такъ, намъ извѣстны сотни примѣровъ, что отвѣтчики скрывались по цѣлымъ мѣсяцамъ отъ истцовъ

и отъ суда; но лишь только истцы налагали арестъ на ихъ достояніе въ обезпеченіе исковъ, — они тотчасъ же добровольно приходили къ судьямъ и умоляли ихъ разобрать ихъ дѣла по существу въ томъ же засѣданіи, или по крайней мѣрѣ хоть въ слѣдующемъ за нимъ, и тутъ же, при судоговореніи, разсчитывались со своими кредиторами. Если отвѣтчикъ нуждается въ причитающемся ему жалованьи, то чрезъ два—три дня послѣ наложенія на него ареста, онъ покончитъ вчиненное противъ него дѣло и затѣмъ получитъ или все жалованье, вслѣдствіе «новаго извѣщенія» судьи о снятіи ареста по неправильности иска, или же, согласно другому исполнительному листу, о поступленіи по 1086 ст., остальныя части жалованья. Отвѣтчикъ же, который располагаетъ средствами помимо жалованья, а дѣла почему либо кончать не хочетъ, все равно не станетъ ни хлопотать о дѣлѣ, ни тяготиться тѣмъ, что на обезпеченіе иска сразу удержатъ все его мѣсячное жалованье; не станетъ онъ также радоваться и тому, что у него вычтутъ цифру иска по частямъ. Намъ могутъ замѣтить, что напрасная остановка жалованья несостоятельнаго чиновника даже на три дня (если искъ не докажется) для него тоже очень чувствительна. Но дѣло въ томъ, что на основаніи 125 ст. Уст. гр. судопр., мировые судьи обезпечиваютъ иски по однимъ только безспорнымъ доказательствамъ, каковыми считаются письменные документы; стало быть, напрасныя остановки жалованья положительно немыслимы.

На основаніи всего сказаннаго, кажется, несомнѣнно, что обезпечивая искъ жалованьемъ служащаго чиновника,

слѣдуетъ непремѣнно сразу арестовывать всю сумму иска, если она не превышаетъ мѣсячнаго оклада.

Въ заключеніе коснемся неудовлетворительности редакціи 633 ст. Выраженія этой статьи: «кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ» много разъ, какъ намъ извѣстно изъ практики здѣшняго мироваго суда, порождали недоразумѣнія. Поэтому, было-бы, полагаемъ, очень полезно или сократить, или дополнить 633 ст. Такъ можно было-бы, выкинувъ напримѣръ изъ нея выраженіе «кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ», оставить ее относительно служащихъ въ томъ же ясномъ видѣ, какъ формулирована 636 ст. о третьихъ лицахъ, производящихъ отвѣтчику повременные платежи. Лица эти названною статьею обязаны вносить всѣ причитающіеся съ нихъ отвѣтчику дальнѣйшіе платежи помимо его, отвѣтчика, въ то судебное мѣсто, которымъ наложенъ арестъ на эти платежи. Повременные платежи частному отвѣтчику то же самое, что чиновничье жалованье; слѣдовательно, поступивъ въ предлагаемомъ нами смыслѣ, законъ только сравняетъ отвѣтчиковъ-чиновниковъ съ отвѣтчиками-гражданами. А такъ какъ однимъ изъ главныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ служитъ равенство всѣхъ сословій предъ закономъ, то пріуроченіемъ чиновниковъ къ гражданамъ, касательно ихъ долговъ, будетъ достигнута справедливость и установится безусловная равноотвѣтственность, приличная всякому хорошему законодательству. А если законодатель, изъ гуманныхъ побужденій, разумѣетъ, какъ надо полагать, подъ словами «кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ

указанныхъ» 1087 ст., то означенныя слова гораздо лучше замѣнить выраженіемъ: «кромѣ случаевъ, перечисленныхъ въ 1087 ст.».

V.

Новыя правила о гербовомъ сборѣ и ихъ обременительность для недостаточныхъ тяжущихся.

Правила эти, Высочайше утвержденныя 18 іюня 1868 г., о взысканіи штрафовъ за представленіе ко взысканію денежныхъ документовъ, писанныхъ не на надлежащаго разбора гербовой бумагѣ, тяжелы и неудобопримѣнимы на практикѣ не только въ провинціяхъ, какъ о томъ уже многіе заявляли, но и здѣсь, въ столицѣ. Положимъ, что человѣкъ проситъ у другаго, примѣрно на Выборгской сторонѣ, взаймы 10 р. и готовый ссудить его этою суммою желаетъ, въ свою очередь, заручиться, на всякій случай, роспискою. Гербовая бумага продается, какъ извѣстно, лишь въ двухъ мѣстахъ, въ центрѣ города: въ зданіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на Адмиралтейской площади, да въ губернскомъ казначействѣ, близь пожарнаго депо. Стало быть, надо отправляться за 5-копѣечнымъ листомъ за нѣсколько верстъ, ходить часа два, а если ѣхать, то придется заплатить извощику по меньшей мѣрѣ 60 к. Оттого во множествѣ случаевъ приходится брать и давать росписки на простой бумагѣ; но тутъ заимодавецъ рискуетъ, при неисправной уплатѣ должникомъ 10 р., и при взысканіи ихъ черезъ мировой судъ, заплатить, вмѣстѣ съ долж-

никомъ штрафъ за неоплату гербоваго сбора въ 25 разъ больше противъ установленнаго размѣра. Такъ какъ мелкіе долги дѣлаются преимущественно въ критическую минуту, когда некогда бѣгать за гербовою бумагою, то становится совершенно понятно, почему до сихъ поръ большинство росписокъ, предъявляемыхъ ко взысканію, бываютъ писаны на простой бумагѣ. Оттого же самаго и тяжущіеся, услышавъ отъ судьи о взысканіи съ нихъ огромнаго штрафа, выражаютъ крайнее неудовольствіе. Особенно ропщутъ истцы, которые за оказанныя ими услуги, иногда просто благодѣянія отвѣтчикамъ, терпятъ убытокъ отъ падающаго на нихъ половиннаго штрафа. Мало того: весьма часто по несостоятельности отвѣтчиковъ они даже вовсе не получаютъ долга, а между тѣмъ штрафъ съ нихъ взыскивается немедленно.

По поводу этихъ штрафовъ, въ камерахъ судей часто случаются и комичныя, и печальныя сцены.

Крестьянинъ просилъ однажды судью взыскать съ другаго крестьянина 10 р. по роспискѣ, писанной на простой бумагѣ. Судья замѣтилъ истцу, что ему придется заплатить за гербовую бумагу 3 р. 75 к.

— Это за 10 р. я получу, значитъ только 6 р. 25 к.? спросилъ истецъ.

— Да, только: это по закону.

— Ежели ужъ и точно есть такой законъ, то поберегайте его для кого нибудь другаго, заявилъ крестьянинъ, а мнѣ пожалуйте назадъ мою росписку: авось онъ (отвѣтчикъ) одумается и всѣ 10 руб. мнѣ отдастъ.—Получивъ росписку, онъ удалился.

Дряхлый старикъ въ рваномъ пальто взыскивалъ съ мѣ-

щанина тоже 10 руб.; судья и съ него постановилъ взыскать 3 руб. 75 к. штрафа.

— Г. Судья, помилосердствуйте: я самъ-пятъ, комната не топлена (это было зимою); дѣти голодныя, а и вся моя надежда была на эти 10 руб., и вдругъ вы отнимаете изъ нихъ 3 руб. 75 к.? Вѣдь я на этакія деньги двѣ недѣли кормлюсь....

— Это по закону.

— Не умирать же мнѣ съ голоду по милости такого страшнаго закона!

— Никакого снисхожденія не могу вамъ сдѣлать.

Да что же я то стану дѣлать? Ахъ Боже мой, Боже мой, до чего мы, бѣдняки, дожили..... послѣдній грошъ отнимаютъ по закону.... И онъ поплелся во свояси, вытирая глаза...

Всего, замѣчательнѣе однако, въ этомъ отношеніи то, что хотя почти во всѣхъ судебныхъ камерахъ висятъ на стѣнахъ правила и таблицы исчисленія штрафовъ, большинство судящейся публики, въ особенности простолюдины, впервые узнаютъ о существованіи этого новаго закона изъ судебныхъ рѣшеній, да и то отказываются вѣрить правильности дѣйствій судей, взыскивающихъ штрафы: до того законъ этотъ представляется имъ ужаснымъ.

Если ужъ нельзя отмѣнить этотъ суровѣйшій изъ законовъ, то штрафъ слѣдуетъ обратить, по крайней мѣрѣ, хоть на одного должника, ибо онъ былъ причиною взысканія чрезъ судъ, слѣдовательно пусть онъ и штрафъ платитъ.

ЗАМѢТКИ

ПО

ОХРАНИТЕЛЬНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.

ЗАМѢТКИ

ПО ОХРАНИТЕЛЬНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.

Несостоятельность законовъ объ охранительномъ судопроизводствѣ.

Законоположенія по охранительному судопроизводству заключаются, какъ извѣстно, всего лишь въ восьми статьяхъ (1401 - 1408 уст. гражд. суд.), которыя до того мало обнимаютъ означенный предметъ, что при примѣненіи ихъ на практикѣ безпрерывно возникаютъ не только напрасныя недоразумѣнія, нелѣпые споры, но и неправильныя нареканія на исполнителей обусловленныхъ закономъ дѣйствій, а также наносится матеріальный ущербъ частнымъ и казеннымъ интересамъ. Чтобы нагляднѣе доказать нашу мысль, обратимся къ самому закону и вытекающимъ изъ него выводамъ.

Главнѣйшее, въ данномъ случаѣ, значеніе представляютъ изъ восьми статей три—1401 — 1403 уст. гражд. судопр.; остальныя же пять объясняютъ порядокъ производства описи и обжалованія распоряженій мировыхъ судей, и содержатъ въ себѣ указанія, куда слѣдуетъ обращаться для опредѣленія наслѣдственныхъ правъ.

*

Поэтому мы не будемъ касаться ихъ въ настоящей статьѣ.

Мировой судья, въ участкѣ котораго находится наслѣдственное имущество, вызываетъ наслѣдниковъ, на основанiи 1401 ст. Уст. гражд. судопр., въ случаяхъ, указанныхъ въ 1239 ст. 1 части X тома Св. Зак. Случаи эти слѣдующiе: 1) когда всѣ наслѣдники или нѣкоторые изъ нихъ находятся въ отсутствiи; 2) когда умершiй оставилъ по себѣ капиталъ, внесенный въ государственное кредитное установленiе, и 3) когда покойный не выкупилъ до смерти своей заложенныхъ и просроченныхъ вещей въ ссудной казнѣ. Вызовъ наслѣдниковъ, гласитъ 1402 ст. гражд. судопр., судья дѣлаетъ по просьбѣ частныхъ лицъ, по заявленiю полицiи, по требованiю прокурорскаго надзора и начальства умершаго. Далѣе, одновременно съ вызовомъ, судья, согласно 1403 ст., поручаетъ судебному приставу произвести установленную 1 пунктомъ 1225 и 1226 ст. 1 ч. X т. опись оставшемуся послѣ умершаго имѣнiю, опечатать и охранить его до явки наслѣдниковъ. Имущество опечатывается (1226 ст. 1 ч. X т.) въ тѣхъ случаяхъ, когда: 1) при открытiи наслѣдства не будетъ на лицо наслѣдниковъ, и 2) когда имущество должно, по закону, поступить въ опекунское управленiе. Описывается же подобное имущество, на основанiи примѣчанiя къ 1403 ст. Уст. гражд. судопр., во всѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые изъ наслѣдниковъ отсутствуютъ или когда будетъ сомнѣнiе въ томъ, всѣ-ли они на лицо. Вотъ все, что выражаетъ нашъ законъ по этому столь важному предмету—охраненiю имущества умершихъ.

Вникая въ смыслъ приведенныхъ узаконеній, мы невольно теряемъ твердую юридическую почву и въ умѣ нашемъ сами собою слагаются весьма естественные, неизбѣжные въ этомъ случаѣ, слѣдующаго рода вопросы. Откуда мировой судья узнаетъ, что въ его участкѣ умеръ такой-то обыватель и оставилъ по себѣ имущество, когда никто, какъ явствуетъ изъ закона, не обязанъ сообщать ему о томъ? Вопросъ о наслѣдствѣ всего ближе касается, конечно, наслѣдниковъ; но имъ, какъ сказано выше, предоставляется только просить судью объ охраненіи оставшагося имущества; значитъ, въ случаѣ нежеланія они могутъ этого и не дѣлать? Разумѣется, могутъ, тѣмъ болѣе, что результаты просьбы для нихъ же убыточны: согласно Высочайше утвержденной 16 іюня 1866 г. таксѣ, судебнымъ приставамъ полагается извѣстный % вознагражденія за всякое ихъ дѣйствіе по охраненію капитала и имущества, сообразно ихъ цѣнности; процентъ этотъ пристава берутъ отъ наслѣдниковъ, либо изъ самыхъ предметовъ, охраненныхъ ими. А такъ какъ соразмѣрно стоимости наслѣдства увеличивается и цифра вознагражденія приставу, то наслѣдники вообще, и богатые преимущественно, прилагаютъ всевозможныя старанія, чтобы обойтись безъ охраненія; и это—какъ намъ извѣстно изъ практики столичнаго мироваго института и какъ читатель увидитъ ниже—имъ сплошь да рядомъ удается. Откуда судья узнаетъ, дѣйствительно-ли нѣкоторые наслѣдники отсутствуютъ, когда состоящіе налицо наслѣдники, стремясь скорѣе разжиться насчетъ состоянія покойнаго родственника, почти единогласно отвѣчаютъ судебнымъ приставамъ, являющимся охранять на-

слѣдство, что кромѣ нихъ рѣшительно никто не пользуется правомъ наслѣдованія по усопшемъ? Даже и этотъ отзывъ, данный наобумъ или съ корыстнымъ намѣреніемъ, становится извѣстнымъ судьѣ лишь впослѣдствіи, когда судебный приставъ представитъ ему таковой вмѣстѣ съ описью оказавшагося имущества. Первое распоряженіе судьи заключается, какъ извѣстно, въ порученіи приставу охранить имѣніе, а уже потомъ онъ вызываетъ наслѣдниковъ, буде усмотритъ въ томъ надобность изъ полученныхъ отъ пристава документовъ и изъ объясненій заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ *). Откуда мировой судья узнаетъ, что капиталъ умершаго точно хранится въ кредитномъ установленіи, если покойный на время болѣзни, какъ это нерѣдко бываетъ, отдалъ полученную имъ оттуда квитанцію въ пріемѣ отъ него денегъ на сбереженіе родственнику, знакомому, или самъ заложилъ ее подъ предпріятіе, за наличныя деньги, взятыя на экстренную надобность, не запасшись контръ-роспиской? Но если капиталъ, паче чаянія, положенъ на безъ-

*) Однажды случилось такъ, что судья, основываясь на полученномъ имъ отзывѣ одного господина, заявившаго, что онъ единственный наслѣдникъ по умершемъ лицѣ—оставилъ неохраненнымъ значительный капиталъ, съ которымъ тотъ уѣхалъ въ Москву. Спустя нѣкоторое время, къ судьѣ вдругъ являются еще наслѣдники. Тогда судья, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, отправился въ Москву, разыскалъ обманувшаго его и лишь при содѣйствіи тамошней администраціи ему удалось, келейнымъ образомъ, отобрать отъ перваго наслѣдника капиталъ, который онъ положилъ, по возвращеніи сюда, въ банкъ, впредь до вызова и явки всѣхъ наслѣдниковъ и утвержденія ихъ въ наслѣдственныхъ правахъ.

имянный билетъ, который потомъ какимъ нибудь способомъ попалъ въ посторонція, нечистыя руки, хотя бы и родственника, то узнавъ о смерти законнаго владѣльца билета, тотъ, у кого онъ находится временно, не задумается «зажилить» его, не постыдится присвоить себѣ и самый капиталъ, обставивъ операцію эту благовидными формами, что тоже, пожалуй, не новость. Такой же точно печальный исходъ ожидаетъ и заложенныя, но не выкупленныя цѣнныя вещи. Откуда мировому судьѣ станетъ извѣстно, что имѣніе подлежитъ опекѣ, когда, повторяемъ, первое его распоряженіе по оставшемуся имуществу состоитъ въ его охраненіи, причемъ онъ не можетъ разсматривать документовъ до тѣхъ поръ, пока судебный приставъ опять-таки не отыщетъ ихъ въ квартирѣ покойнаго и не представитъ ему вмѣстѣ съ описью оказавшагося имущества? Наконецъ, опись имуществу производится (какъ категорически изложено въ 122. ст. I ч. X т.) въ томъ случаѣ, когда, при открытіи наслѣдства, наслѣдниковъ не будетъ на лицо и когда оно имѣетъ поступить въ опекунское управленіе; примѣчаніе же къ 1403 ст. Уст. гр. суд. требуетъ, чтобы опись была составляема во всѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые наслѣдники отсутствуютъ, или когда будетъ сомнѣніе въ томъ, всѣ-ли они въ наличности. Другими словами, примѣчаніе исключаетъ собою силу статьи. Между тѣмъ и мировые судьи, и ихъ непосредственные въ дѣлѣ охраненія помощники, судебные пристава — вѣдь не пророки, а простые смертные, которымъ свойственны и слабости, и недостатки и проч. Поэтому, коль скоро самъ законъ, который долженъ точно выражать свое желаніе

и руководить исполнителями его, допускаетъ сомнѣнія, и во всѣхъ случаяхъ, кажущихся на человѣческій взглядъ сомнительными, предписываетъ производить опись, то выходитъ слѣдующее. Мировые судьи изъ предосторожности, чтобы не попасть въ просакъ и не подвергнуться впослѣдствіи за свою оплошность отвѣтственности, а пристава, независимо этихъ-же причинъ, еще и изъ личной выгоды (получить вознагражденіе по таксѣ за составленіе описи)—строго держатся ученія скептиковъ относительно наличности наслѣдниковъ. По крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ постоянно описываются и охраняются всякія наслѣдственныя имущества, объ открытіи которыхъ становится извѣстно судьямъ, ибо помянутое примѣчаніе даетъ судьямъ и приставамъ не только полную возможность не обращать никакого вниманія на указанную статью, но и безгранично широкій просторъ не вѣрить никакимъ, даже самовѣрнѣйшимъ заявленіямъ наслѣдниковъ о томъ, что они всѣ на лицо, и что слѣдовательно не представляется надобности ни составлять опись наслѣдственнаго имущества, ни взимать за это съ нихъ вознагражденіе по таксѣ *).

---

*) Однажды въ Москвѣ разбиралось слѣдующее дѣло: судья предложилъ приставу охранить имущество, но тотъ, явясь въ квартиру умершаго и узнавъ, что наслѣдники всѣ на лицо, составилъ, (придерживаясь 1226 ст. X т.), протоколъ о неохраненіи и препроводилъ его судьѣ, который, ссылаясь на примѣчаніе къ 1403 ст. Уст. гр. суд.. усомнился въ наличности наслѣдниковъ, счелъ дѣйствія пристава превышеніемъ власти и возбудилъ противъ него дисциплинарное производство, окончившееся тѣмъ, что приставу былъ сдѣланъ выговоръ. Вотъ странныя послѣдствія противорѣчія статьи съ примѣчаніемъ къ ней.

Уже одни изложенные нами вопросы достаточно, кажется, показываютъ несостоятельность закона по охранительному судопроизводству. Но вопросы эти, сознаемся, далеко еще не исчерпываютъ предмета нашего разсужденія; а потому пойдемъ дальше.

Касательно сообщеній мировымъ судьямъ о смерти лицъ, имущества которыхъ подлежатъ охраненію, здѣсь существуетъ слѣдующій порядокъ. Дворникъ дома, узнавъ отъ кухарки, жильцовъ и проч., о смерти одного изъ обывателей, идетъ, когда ему вздумается или выпадетъ досужее время, въ полицейскій участокъ и тамъ, словесно или посредствомъ листка, докладываетъ о происшедшемъ: чаще всего околодочному надзирателю, письмоводителю пристава, иногда — одному изъ помощниковъ послѣдняго и всего рѣже самому приставу. Приставъ, если ему заблагоразсудится, посылаетъ околодочнаго надзирателя удостовѣриться на мѣстѣ въ правдивости показанія дворника, а не вздумается, то прямо приказываетъ изготовить и отправляетъ отношеніе мѣстному участковому мировому судьѣ, а тотъ поручаетъ судебному приставу охранить имущество. Но есть-ли оно, или нѣтъ—объ этомъ никто не справляется, это покажутъ послѣдствія по совершеніи приставомъ его дѣйствій. Со времени смерти покойнаго до полученія судьею извѣщенія проходитъ, большею частью, 2—3, а до явки въ указанную квартиру судебнаго пристава 3—4 дня. Конечно, такая длинная процедура часто ведетъ за собою то, что послѣ смерти лицъ, по слухамъ и частнымъ свѣдѣніямъ состоятельныхъ, судебный приставъ находитъ капитала какихъ нибудь нѣсколько рублей, или даже копѣекъ, а иногда

и ничего не находитъ. Послѣднее было недавно по смерти г-жи Та—вой, владѣвшей нѣсколькими (до десяти) каменными домами въ Петербургѣ. Куда все успѣваетъ дѣваться—остается покрыто мракомъ неизвѣстности; и родственники, и прислуга покойнаго обыкновенно отвѣчаютъ: «у него никакихъ денегъ не было; онъ жилъ долгами», или: «его деньги всѣ въ оборотѣ по торговлѣ». Особенно живо исчезаетъ, яко дымъ, благосостояніе лицъ, жившихъ одинокими. Замѣчательно, что чѣмъ бѣднѣе скончавшійся, тѣмъ скорѣе сообщается о его смерти судьѣ: мизерный, ничтожный его скарбъ никому не нуженъ и квартирные хозяева и домовладѣльцы употребляютъ всѣ средства, чтобы поскорѣе отъ него избавиться: онъ стѣсняетъ ихъ въ отдачѣ комнаты или квартиры новому жильцу. И наоборотъ: чѣмъ богаче умершіи, тѣмъ медленнѣе дѣлаются сообщенія, которыхъ, случается, и вовсе не бываетъ. Иногда не даютъ знать объ охраненіи имущества даже очень долго. Такъ, недавно умеръ, будучи въ командировкѣ по дѣламъ службы, статскій совѣтникъ А (холостой). Судебный приставъ явился, вслѣдствіе сообщенія полиціи, въ квартиру усопшаго, но не найдя въ ней ровно ничего, спросилъ, куда дѣвалось имущество А., на что ему отвѣтили, что братъ покойнаго все уже распродалъ и уѣхалъ въ Ковно. Приставъ составилъ протоколъ, препроводилъ его судьѣ, а тотъ, говорятъ, возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ виновныхъ. Въ противоположность медленности, полиція иной разъ дѣйствуетъ и съ неимовѣрною быстротою. Разъ, какъ разсказывали намъ, въ одной изъ отдаленныхъ мѣстностей города умерла, въ 5 часовъ утра, оди-

покая старуха, купчиха К. Ровно черезъ часъ послѣ ея кончины, въ квартиру ея явился полицейскій чиновникъ, разсмотрѣлъ оставшееся имущество и, въ пылу рвенія, раздѣлъ до-нага 3-хъ пожилыхъ женщинъ, находившихся въ той же квартирѣ, предполагая, что онѣ спрятали около своего тѣла долженствовавшія, по его мнѣнію, остаться отъ К. деньги. Не обрѣтя желаемаго даже при помощи такой крутой мѣры, онъ наложилъ на имущество печати и ушелъ. Затѣмъ судебный приставъ, найдя имущество опечатаннымъ, заявилъ объ этомъ мировому судьѣ; послѣдній предложилъ ему охранить его вновь. Но, прибывъ вторично въ помянутую квартиру, судебный приставъ на нѣкоторыхъ вещахъ не нашелъ уже полицейскихъ печатей: ихъ снялъ тотъ же рьяный чиновникъ въ промежутокъ между первымъ и вторымъ посѣщеніемъ судебнаго пристава. Что именно побудило полицейскаго чиновника распорядиться столь энергически— достовѣрно неизвѣстно, но, если вѣрить словамъ женщинъ, которыхъ онъ раздѣвалъ, онъ поступилъ такимъ образомъ въ угоду какой-то особѣ, близко заинтересованной въ оставшемся отъ К. благосостояніи. Случается и такъ, что, извѣстясь о смерти кого-либо, полиція является въ его квартиру, обревизовываетъ имущество его, накладываетъ на него печати и уже потомъ заявляетъ о случившемся судьѣ. Иногда околодочный надзиратель получивъ въ квартирѣ умершаго отзывъ, изъ котораго видно, что покойный оставилъ духовное завѣщаніе—съ вѣдома-ли пристава, или самовольно, — не дѣлаетъ, по просьбѣ наслѣдниковъ, никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій объ увѣдомленіи судьи, который узнаетъ о смерти

лица случайно, т. е. если, напр. наслѣдники мирно не подѣлятъ имущество и обратятся къ нему за разсмотрѣніемъ ихъ правъ, или если кредиторъ покойнаго заявитъ къ нимъ претензію, либо попроситъ охраненія, дабы взыскать съ наслѣдства долгъ. А полицейскіе чиновники, на вопросы о причинѣ того или другаго неумѣстнаго съ ихъ стороны распоряженія, отговариваются сообразно обстоятельствамъ. Напримѣръ, относительно быстрыхъ дѣйствій они оправдываются намѣреніемъ сберечь отъ расхищенія оставшееся имущество, т. е. стремленіемъ «предупредить преступленіе», что дѣйствительно находится въ предѣлахъ ихъ власти. Медленность свою они оправдываютъ позднимъ полученіемъ извѣщенія отъ дворника о времени смерти обывателя, бытностью, по приказанію начальства, на экстренной службѣ, въ командировкѣ и т. п. Во всѣхъ случаяхъ они ссылаются на неясность закона, который буквально и н е о б я з ы в а е т ъ ихъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ съ наслѣдственнымъ имуществомъ лица, о существованіи котораго они даже и не знали. Что же касается дворниковъ, то тѣ тоже показываютъ различно: самъ, дескать поздно узналъ о кончинѣ жильца, забылъ, некогда было, хворалъ, хозяева не приказали, говоря: «у покойнаго есть сынъ, жена, и тебѣ нечего вмѣшиваться», просили молчать, чтобы не мѣшать похороннымъ обрядамъ (это бываетъ преимущественно со старообрядцами, раскольниками, которые обѣгаютъ всякую власть: примѣръ въ этомъ смыслѣ былъ, нѣкоторое время тому назадъ, съ купцомъ Д). Нѣкоторые говорятъ, напротивъ: во-время извѣстилъ въ участокъ, но почему

оттуда долго не заявляли судьѣ—не знаютъ. Иныя высокопоставленныя лица, будучи знакомы съ участковыми и почетными судьями, въ нужныхъ случаяхъ просятъ ихъ избавить наслѣдство отъ охраненія и судьи удовлетворяютъ ихъ просьбы. Недавно одинъ почетный судья поступилъ такимъ образомъ съ капиталами и состояніемъ именитаго коммерсанта С., несмотря на то, что участковый судья въ то же самое время предложилъ приставу охранить таковые. И вотъ, члены общества, помня случаи неохраненія наслѣдства по самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ, при явкѣ лично къ нимъ судебныхъ приставовъ охранять имущество, въ свою очередь, совершенно логично выражаютъ неудовольствіе, и ропщутъ, формулируя свое право на протестъ весьма различно. «Коль скоро у такого-то не охраняли, говорятъ одни, то и намъ этого не нужно: мы не хуже другихъ». Другіе говорятъ: «у того-то, богатаго, небось не охраняли, потому что онъ знакомъ съ судьею, а къ намъ, людямъ бѣднымъ, пришли охранять только потому, что мы незнакомы съ судьями — съ насъ взыщутъ, значитъ, деньги за охраненіе; гдѣ-жъ тутъ равноправность предъ закономъ всѣхъ людей безъ исключенія»? И никакіе резоны, представляемые протестующимъ судебными приставами въ подкрѣпленіе правильности ихъ дѣйствій, не могутъ ихъ разубѣдить; особенно упорны въ этомъ отношеніи женщины.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго становится, кажется, совершенно ясно, что настоящій охранительный уставъ несостоятеленъ, а потому крайне необходимо создать положительный, подробный по этому

предмету законъ, который категорически устранилъ бы всѣ вышеприведенныя неудобства и неурядицы, а также не давалъ бы мѣста никакимъ «сомнительнымъ случаямъ», помянутымъ въ примѣчаніи къ 1403 ст. Уст. гражд. судопр. Равнымъ образомъ, требуется законъ, который, кромѣ частныхъ интересовъ, и въ интересѣ казны (напр., при обращеніи имущества въ выморочное, на пополненіе долговъ разнымъ административнымъ вѣдомствамъ) непремѣнно обязывалъ бы кого нибудь сообщать прямо, непосредственно мировымъ судьямъ о смерти обывателей. Обязанность эту было бы чрезвычайно полезно возложить на домовладѣльцевъ и ихъ управляющихъ, съ условіемъ, чтобы за несвоевременное заявленіе и происшедшую чрезъ то пропажу имущества покойныхъ они подлежали гражданской отвѣтственности предъ наслѣдниками, кредиторами и проч., или же, по меньшей мѣрѣ, подвергались порядочному денежному штрафу, который въ данномъ случаѣ служилъ бы вѣрною гарантіею точнаго исполненія требованій закона названными лицами.

Обязанъ ли мировой судья изъ охраненнаго капитала умершаго тотчасъ же выдавать частицу на погребеніе трупа владѣльца капитала, а изъ денегъ, вырученныхъ посредствомъ продажи его имущества, покрывать тотъ же расходъ, не ожидая истеченія 6 мѣсячнаго срока, установленнаго для явки наслѣдниковъ 1241 ст. 1 ч. X т.? И вправѣ ли вообще хоронившіе покойнаго на свой счетъ получить потраченныя на это деньги изъ наличнаго и вещнаго достоянія умершаго?

Въ законахъ нѣтъ никакого указанія относительно

этого, а потому и практика поступаетъ различно: одни судьи безостановочно удовлетворяютъ просьбы обоихъ родовъ, другіе разрѣшаютъ подобныя просьбы только по истеченіи 6 мѣсяцевъ со дня вызова наслѣдниковъ, ссылаясь на 1241 ст. 1 ч. X т., а третьи вовсе отказываютъ.

Быть поставленнымъ въ необходимость выпрашивать, въ видѣ милости, свое собственное добро, разумѣется, непріятно; но бывали случаи гораздо болѣе поразительные по своимъ послѣдствіямъ.

Жили вмѣстѣ два холостыхъ чиновника. Вдругъ одинъ изъ нихъ заболѣваетъ, истрачиваетъ на леченіе всѣ свои незначительныя деньжонки, скопленныя долгимъ трудомъ, и наконецъ умираетъ. Оставшемуся въ живыхъ товарищу приходится отдать покойному послѣдній долгъ похоронить его. Имущество скончавшагося немедленно описывается обычнымъ порядкомъ. Денегъ, потребныхъ на расходы для погребенія, у распорядителя нѣтъ лишнихъ. Но онъ хорошо зналъ, что послѣ умершаго нѣтъ никакихъ наслѣдниковъ и что имущество его судебный приставъ не можетъ успѣть распродать въ 1—2 сутки. Сообразивъ кромѣ того, что изъ вырученныхъ за имущество денегъ ему должны-же возвратить затрату на похороны, онъ досталъ, за огромные проценты, 100 р. и на нихъ приличнымъ маневромъ похоронилъ покойнаго. Собравъ потомъ подписанные счеты: духовенства, гробовщика, и кладбищенской конторы, онъ выждалъ, покуда имущество продалось и за симъ обратился къ мировому судьѣ съ просьбою о возвратѣ ему означенной по счетамъ суммы, т. е. предъявилъ искъ, по 215 ст. Уст. гр. судопр., къ лицу умершаго собственника. Но

Уст. гр. судопр., къ лицу умершаго собственника. Но судья, ссылаясь на сдѣланный имъ на основаніи 1401 и 1402 ст. гр. судопр. вызовъ наслѣдниковъ, согласно 1239 ст. 1 ч. X т., призналъ искъ преждевременнымъ до истеченія 6 мѣсячнаго срока, положеннаго 1241 ст. 1 ч. X т. для явки наслѣдниковъ. Истецъ возразилъ, что покойный былъ, что называется, бобыль и наслѣдниковъ никакихъ никогда не явится, что могутъ подтвердить товарищи покойнаго по воспитанію и по службѣ. Мировой судья отказалъ присудить искомую сумму. Чиновникъ, чтобы не заплатить за занятые 100 р. однихъ процентовъ за 6 мѣсяцевъ 60 р., которые вернуть уже положительно не удастся, принужденъ былъ упросить одного своего знакомаго взять изъ мѣста его служенія, гдѣ существуетъ ссудный капиталъ, заимообразно, въ счетъ жалованья, за 5 процентовъ въ годъ, сумму, достаточную на покрытіе долга, и уплатилъ его. Самъ же онъ уплачивалъ потомъ знакомому тѣ части, которыя ежемѣсячно удерживали на пополненіе ссуды. Кромѣ непріятностей и траты времени, онъ понесъ втеченіе 6 мѣсяцевъ чистаго убытка около 40 р., между тѣмъ какъ деньги (рублей 300), оставшіяся послѣ умершаго, за удовлетвореніемъ его иска, обращены, на основаніи 1162 ст. 1 ч. X. т., въ выморочныя.

У мѣщанина, содержавшаго квартиру, нанимала комнату старуха дворянка, которая, умирая, оставила по себѣ охраненные приставомъ слишкомъ 300 р., кромѣ разныхъ вещей. Мѣщанинъ, освѣдомившись отъ пристава, что онъ взыщетъ изъ охраненнаго капитала издержки, похоронилъ старуху на свой счетъ, а вслѣдъ за тѣмъ явился къ судьѣ съ подписанными разными ли-

цами росписками въ полученіи отъ него за требы, гробъ, дроги, могилу и проч.—60 р. Судья спросилъ истца: почему именно онъ распорядился похоронами, когда никто ему этого не поручалъ, а также отчего онъ издержалъ 60, а не 25, не 15 р. на этотъ предметъ? Истецъ отвѣтилъ, что 1) кромѣ него, хозяина квартиры, некому было все это сдѣлать; 2) не выбросить же было ему трупъ на улицу, чего и полиція не позволила бы; 3) ни по закону Божью, ни по обычаю онъ не считалъ возможнымъ держать у себя въ квартирѣ трупъ болѣе 3-хъ сутокъ, покуда кто нибудь отъ полиціи убралъ бы его; 4) для платы духовенству, гробовщику, за могилу, чтальщикамъ — таксы не существуетъ, а потому онъ и употребилъ 60 р. Принимая во вниманіе, что мѣщанинъ самопроизвольно произвелъ расходъ, который можно было бы устранить при погребеніи трупа мѣрами полиціи—безплатно; что дѣйствія мѣщанина становятся такимъ образомъ добровольными, ничѣмъ не вызванными; что законъ вообще не даетъ суду права выдавать на похороны изъ охраненнаго капитала умершаго, который съ момента своей смерти теряетъ правоспособность располагать чѣмъ либо, мировой судья отказалъ мѣщанину въ его искѣ.

— Ежели такъ—Господь съ ней, заявилъ мѣщанинъ, по выслушаніи рѣшенія; на томъ свѣтѣ, знать, разочтемся, а на здѣшнемъ впередъ умнѣй будемъ. И пошелъ изъ камеры, понуря голову.

Приведенные факты приводятъ насъ къ заключенію, что въ интересахъ справедливости непремѣнно слѣдуетъ выдавать на похороны часть денегъ изъ капитала умер-

шаго какъ впослѣдствіи, по предъявленіи о томъ исковъ, такъ и немедленно послѣ охраненія, когда того требуютъ обстоятельства.

Петербургскій мировой судъ обыкновенно примѣняетъ охранительное судопроизводство къ открывающимся наслѣдствамъ слѣдующимъ порядкомъ. Коль скоро участковый мировой судья узнаетъ (нужно замѣтить, что законъ никого не обязываетъ сообщать ему) о смерти кого либо изъ обывателей, квартировавшихъ въ раіонѣ ввѣреннаго ему участка, то, руководствуясь 1403 ст. Уст. гр. суд., онъ предлагаетъ мѣстному судебному приставу описать, на основаніи 1225 и 1226 ст. 1 ч. X т. оставшееся послѣ покойнаго имущество, опечатать, отдать его на храненіе благонадежному лицу и, исполнивъ все сказанное, доставить ему, судьѣ, опись имущества вмѣстѣ съ капиталомъ, буде таковой окажется.

Гражданское кассаціонное рѣшеніе 1868 г. № 602, правда, требуетъ, чтобы судья до приступа къ охранительнымъ распоряженіямъ обсудилъ, представляется ли основаніе къ опасенію расхищенія, растраты имущества, и въ какой степени нужны мѣры охраненія. Но придерживаясь требованія сената, судья прежде всего долженъ самымъ тщательнымъ способомъ дознать: нужно ли охранять, или нѣтъ, т. е. производить цѣлое разбирательство. А это-то и невыполнимо: во первыхъ, оно часто отяготительно для хоронящихъ покойнаго; во вторыхъ, добытые такимъ путемъ результаты безполезны: многіе наличные наслѣдники, не обинуясь, подтвердятъ, изъ личныхъ выгодъ, что кромѣ нихъ послѣ умершаго нѣтъ другихъ наслѣдниковъ, а если ихъ слова и окажутся

впослѣдствіи невѣрными, то они всегда могутъ отозваться полнѣйшимъ незнаніемъ о существованіи явившагося сонаслѣдника, и за это ихъ нельзя будетъ судить какъ за ложное показаніе, данное въ судѣ. Въ третьихъ,—и это главное,—покуда судья удостовѣряется въ необходимости или ненадобности охраненія —пройдетъ, по малой мѣрѣ, 2—3 сутокъ, тогда какъ въ данномъ распоряженіи каждый запозданный часъ влечетъ за собою опасность ущерба для отсутствующихъ наслѣдниковъ, или, если у покойнаго наслѣдниковъ не осталось, то для казны, ибо имущество его, по 1162 ст. 1 ч. X т. обращается, въ видѣ выморочнаго, въ казну. Намъ могутъ, конечно, замѣтить, (и совершенно справедливо) что и при всякомъ порядкѣ охраненія легко расхитить имущество до явки судебнаго пристава въ квартиру умершаго. Но дѣло въ томъ, что теперь же расхищеніе наслѣдства можетъ совершаться родственниками, знакомыми; все это, въ совокупности взятое, составляетъ сильную опасность и отнимаетъ время. Кромѣ того, однимъ единственнымъ наслѣдникамъ нѣтъ надобности расхищать: все имъ же отдастся. а у другихъ, хоть и не наслѣдниковъ, напр., многихъ женщинъ, просто рука не поднимется утаить добро покойнаго, который самъ еще на столѣ лежитъ *). Мы говоримъ это вотъ почему:

---

*) Недавно умеръ старикъ генералъ, который жилъ скромно, уединенно, внѣ брака съ одною женщиною вмѣстѣ. На слѣдующее утро въ квартиру явился приставъ, обозрѣлъ всѣ ихъ три комнаты, спросилъ у женщины ключъ отъ письменнаго стола и въ одномъ изъ его ящиковъ нашелъ между разными бумагами на 75,000 рублей безымянныхъ банковыхъ билетовъ. Пожилая уже женщина, освѣдомившись, что изъ этихъ денегъ она ничего не получитъ, упала въ

большинство здѣшнихъ судей принимаетъ заявленія объ охраненіи, доставляемыя чаще всего полиціею и домоправителями, во всякое время дня и ночи. Тотчасъ же по полученіи такихъ заявленій, судьи посылаютъ приставамъ предложенія, а послѣдніе, какъ изъ опасенія сокрытія чего либо, сокрытія, сопряженнаго съ ихъ собственною отвѣтственностію за это, такъ равно и въ видахъ увеличенія цифры вознагражденія себѣ по таксѣ прибываютъ по указанію почти всегда еще при покойникѣ, ко второй, не то даже и первой панихидѣ по немъ.

Далѣе, примѣчаніе къ 1226 ст. 1 ч. X т. предписываетъ описывать оставшееся послѣ умершаго имущество *во всѣхъ случаяхъ, когда будетъ сомнѣніе относительно того, всѣ ли наслѣдники на лицо*. На свѣтѣ все вѣдь, какъ извѣстно, немудрено подвергать сомнѣнію. Отсюда ясно, что кассаціонное рѣшеніе, обязывающее судью до приступа къ охраненію обсудить, нужно ли или нѣтъ охранять открывшееся

обморокъ. Очнувшись она заявила приставу, что хорошо знала о существованіи денегъ, которыя покойный навѣрное отказалъ бы ей, такъ какъ они счастливо прожили 18 лѣтъ сряду; послѣ него прямыхъ наслѣдниковъ никого нѣтъ; не припрятала же она денегъ заранѣе, во 1-хъ потому, что полагала и безъ того получить ихъ, а во 2-хъ — и главное - отъ горя, хлопотъ, и по нерѣшимости осквернять свои руки кражею при покойникѣ. По минуй 2—3 сутокъ, эту, въ сущности, несчастную женщину (чѣмъ ей, спрашивается, жить на старости лѣтъ? — безъ всякаго сомнѣнія кто-нибудь вразумилъ-бы о ея безправности наслѣдовать старику и она утаила бы деньги, и право, кажется, поступила-бы безгрѣшно.

Послѣ чиновника, жившаго совершенно одиноко въ комнатѣ, недавно приставъ нашелъ денегъ 34,000 рублей.

наслѣдство, идетъ отчасти въ разрѣзъ съ примѣчаніемъ, которое заставляетъ охранять во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, которыхъ вездѣ и во всемъ—легіонъ. Между тѣмъ примѣчаніе – положительный законъ, а кассаціонное рѣшеніе—только комментарій къ закону; значитъ, первое должно перевѣшивать послѣднее, а слѣдовательно уже по одному этому можно всегда охранять, ибо въ правильности обнаруженнаго дознаніемъ, произведеннымъ согласно кассац. рѣш., легко, какъ мы выяснили выше, и усомниться.

Наконецъ, другою половиною вышеприведеннаго нами кассаціоннаго рѣшенія самъ сенатъ почти отступаетъ отъ своего взгляда, высказаннаго въ первой половинѣ рѣшенія. «Въ какой степени необходимы охранительныя мѣры для предупрежденія расхищенія» гласитъ рѣшеніе, «задача весьма трудная, и для рѣшенія оной невозможно установить общихъ правилъ, а потому это предоставляется усмотрѣнію судьи». Онъ же, судья, по буквальному выраженію той же второй половины рѣшенія, отвѣчаетъ за всѣ убытки, происшедшіе отъ непринятія охранительныхъ мѣръ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, т. е. сомнительныхъ.

Такимъ образомъ судья, очевидно, пребываетъ между двухъ огней. Приступивъ къ обсужденію вопроса, охранить или не охранять открывшееся наслѣдство, онъ принужденъ вызовомъ къ себѣ тревожить людей, удрученныхъ несчастіемъ, или если они посторонніе (домоправители, содержатели квартиръ), то напрасно отвлекать ихъ отъ занятія ради чужаго дѣла. Разрѣшивъ же вопросъ отрицательно, онъ будетъ безпокоиться, уси-

ленно раздумывая о томъ, не ложны ли слышанныя имъ показанія и какъ бы чрезъ то впослѣдствіи ему не пришлось поплатиться собственными средствами. Наконецъ, найдя отвѣты спрошенныхъ сомнительными и распорядившись, вслѣдствіе сего, охранить, судья, конечно, будетъ бояться, не расхищена ли уже часть имущества въ продолженіи производившагося трехсуточнаго дознанія и не придется ли ему и въ этомъ случаѣ также поплатиться за недостающее предъ отсутствующими наслѣдниками, которые послѣ явятся и предъявятъ къ нему претензію за несвоевременное охраненіе. Словомъ, какъ говорится, куда ни кинь—все клинъ. И вотъ, чтобы не попасть въ просакъ, судья вынужденъ, не обсуждая никакихъ вопросовъ, прямо распорядиться охранить, и дѣло съ концомъ. Эта крутая мѣра непріятна, правда, наличнымъ наслѣдникамъ, особенно если имъ дѣйствительно одним ъ принадлежитъ право наслѣдованія; но за то за нее, вообще говоря, скажутъ спасибо отсутствующіе наслѣдники и казна; кромѣ того, такая мѣра и лично его, судью, разъ навсегда успокоитъ относительно его кармана. Подкрѣпленіемъ такому образу дѣйствій служитъ, наконецъ, примѣчаніе къ 1226 ст, 1 ч. X т. и вторая половина кассац. рѣшенія № 602, категорически освобождающая судью отъ обсужденія вопроса, нужно ли охранять открывшееся наслѣдство.

Что же касается взводимаго обществомъ нареканія на судей за то, будто они притѣсняютъ наличныхъ наслѣдниковъ при охранительномъ процессѣ, то оно по вышеприведеннымъ соображеніямъ оказывается неосновательнымъ. Мы, наоборотъ, можемъ заявить, что судьи въ иныхъ слу-

чаяхъ даже черезчуръ снисходительны къ наслѣдникамъ. Такъ, вслѣдъ за смертію военныхъ и статскихъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ, министерства, въ вѣдѣніи которыхъ лица эти служили, назначаютъ оставшимся по нимъ семействамъ постоянныя пенсіи, или единовременныя пособія, въ размѣрѣ годовыхъ окладовъ жалованья, какіе получали покойные (36, 38, 100, 101, и 106 ст. Уст. о пенс. и пособ. т. III Св. Зак.). И тѣ и другія выдачи доходятъ отъ 100 руб. до 1—2-хъ тысячъ рублей. Не смотря однако на то, что части этихъ денегъ принадлежатъ малолѣтнимъ дѣтямъ, обыкновенно находящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, судьи никогда, какъ мы достовѣрно знаемъ, не простираютъ свою охранительную власть на эти суммы и вдовы получаютъ ихъ въ свое исключительное распоряженіе и затѣмъ уже единственно отъ ихъ совѣсти зависитъ отдѣлять что либо въ пользу дѣтей или истрачивать все на свои собственныя надобности.

Судебный приставъ, получивъ предложеніе судьи охранить открывшееся наслѣдство, обязанъ, въ силу 1403 ст. Уст. гр. суд. и 60 и 226 ст. Учр. Суд. Уст., безотлагательно описать все, что только найдетъ въ квартирѣ умершаго. Совершать этотъ актъ съ отступленіемъ отъ точнаго смысла предложенія, мирволить наличнымъ наслѣдникамъ, значитъ навлекать на себя въ перспективѣ невзгоды: за допущеніе сокрытія чего либо изъ имущества умершаго отъ описи, если это потомъ откроется, приставъ подвергается дисциплинарному или уголовному суду, смотря по важности совершеннаго имъ запрещеннаго дѣянія и, сверхъ того, платитъ потерпѣвшему отъ его

поступка убытки изъ своего залога, а когда таковаго не хватитъ на покрытіе исчисленной судомъ цифры убытковъ, то и изъ остальнаго, какое у него окажется, имущества (302 и 331 ст. Учр. суд. уст.). Мало того: отъ суммы, въ какую оцѣнено все, описанное приставомъ имущество, отъ количества охраненнаго имъ капитала зависитъ размѣръ установленнаго Высочайше утвержденною 16 іюля 1868 г. таксою вознагражденія приставовъ, т. е. чѣмъ цѣннѣе имущество, тѣмъ значительнѣе цифра вознагражденія. Стало быть, если приставъ, позволитъ себѣ, по просьбѣ наслѣдниковъ, не вписать въ опись какія либо вещи (разумѣется, дорогія, такъ какъ пустяковъ никто вѣдь и добиваться не станетъ), или деньги, то онъ тѣмъ самымъ умалитъ размѣръ своего вознагражденія. Другими словами, онъ добровольно причинитъ себѣ матеріальный ущербъ, особенно чувствительный при ихъ незначительномъ жалованьи (600 р. въ годъ). О томъ же, чтобы пристава, охраняя имущество, входили въ стачку съ наслѣдниками, дѣлились съ ними сокрытымъ добромъ, или вымогая съ нихъ келейную мзду, поддавались на старинныя каверзы —что-то покуда еще, благодаря Бога, не слышно даже и отъ самыхъ ярыхъ противниковъ охранительнаго судопроизводства.

Въ подкрѣпленіе того, что пристава при охраненіяхъ далеко не притязательны, приведемъ на выдержку изъ множества намъ извѣстныхъ только два факта, достовѣрность которыхъ несомнѣнна. Описываемыя приставами и подлежащія охраненію имущества, почти всегда оцѣниваются самими наслѣдниками, и, чтобы меньше платить приставу по таксѣ, они оцѣниваютъ вещи ниже дѣйстви-

тельной стоимости; вещь, стоющая, напр., 60 р. идетъ у нихъ за 10 р. Тѣмъ менѣе пристава никогда не возстаютъ противъ подобныхъ дешевыхъ оцѣнокъ, хотя по закону вправѣ распорядиться о переоцѣнкѣ свѣдущими людьми (1001 ст. Уст. гр. суд). Умеръ одинъ господинъ, имѣвшій солидный чинъ и состояніе. Приставъ является въ квартиру, и находитъ ее совершенно пустою. Узнавъ, что имущество умершаго перевезено къ нѣкоему тузу, приставъ отправляется къ нему, и ждетъ подобающее время въ пріемной, послѣ чего тузъ объявляетъ, что это онъ распорядился, выражаетъ неудовольствіе за причиняемое ему безпокойство и слышать не хочетъ о томъ, что даже онъ не вправѣ былъ такъ поступить. Словомъ, приставу жутко досталось, а въ концѣ концовъ онъ описалъ какой-то миніатюрный, далеко не сановитый гардеробъ, да охранить ему дали рублей 200 денегъ. Въ виду всего происшедшаго, приставъ вправѣ былъ составить протоколъ и передать его прокурорскому надзору, вслѣдъ зачѣмъ тузу, пожалуй, предстоялъ бы процессъ; но онъ оставилъ все безъ вниманія. А сколько оскорбительныхъ сценъ, возмутительныхъ выходокъ приходится приставамъ переносить—объ этомъ мы ужь не говоримъ.

Сильный ропотъ противъ приставовъ распространяютъ, большею частію изъ своекорыстія, люди богатые. Охраняя у нихъ крупные капиталы, пристава получаютъ за это значительныя суммы по таксѣ: вотъ это-то обстоятельство и приводитъ многихъ въ раздраженіе *). Но ропотъ

*) Умеръ, напр., богатый коммерсантъ и изъ охраненныхъ приставомъ до 10 милліоновъ капитала ему пришлось по таксѣ 14,000 руб.,

этотъ—если вникнуть въ его суть—лишенъ всякаго смысла: если съ богатыхъ пристава получаютъ много, за то съ бѣдныхъ мало или ничего, а то и своихъ затратъ не возвращаютъ: съ охраненнаго, напр., въ Чекушахъ отрепья рабочаго не поживишься. Между тѣмъ бѣдныхъ умираетъ въ тысячу кратъ больше, нежели богатыхъ, оттого и пресловутое вознагражденіе приставовъ по таксѣ, въ общей сложности, повидимому, вовсе не столь велико, какъ о немъ толкуютъ. Да и вознагражденіе это городская дума хочетъ замѣнить увеличеннымъ постояннымъ жалованьемъ приставамъ, о чемъ идутъ разсужденія уже около года.

Здѣсь кстати выразить желаніе, чтобы дума, при измѣненіи содержанія приставовъ, совсѣмъ избавила малоцѣнныя имущества до 100 р.—отъ платежа за охранительныя дѣйствія: бѣднымъ людямъ и безъ того очень тяжело жить при нынѣшней дороговизнѣ первыхъ потребностей существованія, при чрезмѣрно большихъ налогахъ, податяхъ и повинностяхъ. Изъятіемъ этимъ дума сдѣлала бы доброе, прекрасное дѣло, за которое тысячи несчастныхъ семействъ были бы ей въ высшей степени благодарны.

которые раздѣлятся между всѣми 30 приставами. Солидность этого куша ошеломила наслѣдниковъ и они возстали-было противъ выдачи приставу помянутой суммы, объясняя, что покойный располагалъ чужими деньгами, и съ нихъ, какъ съ банкирскихъ, не слѣдуетъ платить приставу, ибо банкиръ есть то же самое, что государственный банкъ. Однако куда они ни обращались по этому предмету, имъ вездѣ отвѣчали, что банкиръ—частное лицо, не изъятое отъ охранительнаго процесса.

ЗАМѢТКИ

О І-Й ЧАСТИ Х-ГО ТОМА.

ЗАМѢТКИ

о I-й части X-го тома.

I.

Требованія закона и житейскія нужды.

Въ Петербургѣ жилъ, въ числѣ прочихъ обывателей, отставной солдатъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Оба супруга служили въ одномъ домѣ; мужъ — швейцаромъ, а жена — прачкою. Въ нѣсколько лѣтъ прилежнаго труда они нажили, обоюдными усиліями, сверхъ кое-какого домашняго скарба, 400 р. денегъ. Вдругъ солдатъ заболѣваетъ и вскорѣ умираетъ. Мѣстная полиція сообщаетъ о случившемся участковому мировому судьѣ, а послѣдній, руководствуясь 1403 ст. Уст. гр. суд., поручаетъ судебному приставу охранить, на основаніи 1 п. 1225 и 1226 ст. 1 ч. X т. Св. Зак., оставшееся послѣ покойнаго имущество. Въ свою очередь, приставъ является въ квартиру солдата и, описавъ вещи, спрашиваетъ вдову его: нѣтъ-ли у нихъ кромѣ имущества какихъ либо денегъ или бумагъ кредитныхъ установленій? Ничего не

подозрѣвая для себя дурнаго въ будущемъ, вдова предъявляетъ ему выданную на имя умершаго мужа ея изъ с.-петербургской сберегательной кассы книжку, удостовѣряющую, что туда внесены разновременно, по мелочи, для храненія, вышеозначенные 400 р. Приставъ, объяснивъ ей, что онъ обязанъ охранить и книжку, впредь до имѣющаго воспослѣдовать постановленія судьи о правѣ ея на владѣніе какъ имуществомъ, такъ равно и капиталомъ, — первое въ опечатанномъ видѣ оставляетъ, согласно 1011 ст. Уст. гр. суд., на сбереженіи вдовы, а книжку беретъ съ собой и представляетъ мировому судьѣ. Далѣе, вдова отправляется къ судьѣ и проситъ его выдать ей, какъ единственной наслѣдницѣ мужа, у котораго нѣтъ, по ея словамъ, никакихъ родныхъ, названную книжку и снять, вмѣстѣ съ тѣмъ, арестъ съ ея имущества; словомъ, проситъ о вводѣ ея во владѣніе тѣмъ и другою. Самое имущество, кстати сказать, заключалось въ дешевенькой старой мебели и другихъ, также малоцѣнныхъ, простолюдинскихъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ. Судья, ссылаясь на 1401 ст. Уст. гр. суд. и 1239 ст. 1 ч. X т., отказавъ въ ея просьбѣ относительно денегъ, дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ наслѣдниковъ посредствомъ трехкратнаго объявленія въ петербургскихъ и московскихъ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, какъ то установлено 1239 ст. Проходитъ указанный 1241 ст. шестимѣсячный срокъ для явки наслѣдниковъ съ доказательствами ихъ правъ, однако никакихъ претендентовъ не является. Тогда судья, разсмотрѣвъ, на основ. 29 и 1408 ст. Уст. гр. суд. (о подсудности), обстоятельства дѣла и убѣдясь, что

оставшійся послѣ умершаго солдата капиталъ есть его благопріобрѣтенное имущество и что духовнаго завѣщанія онъ ни въ чью пользу не оставилъ (2 п. 1110 ст. 1 ч. X т.), поручаетъ приставу вынуть изъ сохранной казны 100 р., т. е. четвертую часть хранящагося тамъ капитала, которую и присуждаетъ выдать вдовѣ, согласно 1148 ст. той же 1 ч. X т., оставивъ остальные 300 р. въ кассѣ на 10 лѣтъ, какъ обусловлено 1164 ст., на случай, если въ теченіе этого времени отыщутся прямые наслѣдники. Если же, добавляетъ судья въ своемъ рѣшеніи, наслѣдниковъ не окажется, то поступить съ 300 руб. по смыслу 1162 и 1163 ст. 1 ч. X т., т. е. обратить ихъ въ казну, какъ имѣніе выморочное. Выслушавъ это рѣшеніе, вдова залилась слезами и никакіе доводы судьи не могли ее убѣдить въ правильности и законности его постановленія. Напротивъ, она громко вопила, жалуясь что ее ограбили, что у нея отняли кровныя ея, нажитыя деньги, при добычѣ которыхъ она постоянно ходила съ мозолями на рукахъ, не спала ночи напролетъ, стоя нагнувшись надъ корытомъ, обжигаясь утюгомъ и т. п... Рѣшеніе судьи и протестъ вдовы произвели на присутствующую въ камерѣ публику грустное впечатлѣніе.

Съ своей стороны и мы, невольно становимся на сторону вдовы, вполнѣ сочувствуя ея печали: мы видимъ полнѣйшую, въ данномъ случаѣ, несостоятельность закона, его логическую несправедливость, идущую въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла. Разсмотримъ этотъ столь важный юридическій вопросъ о наслѣдственномъ правѣ, который закономъ втиснутъ въ

слишкомъ узкую рамку, отчего страдаетъ матеріальный интересъ частныхъ людей вообще и людей недостаточныхъ, бѣдныхъ, въ особенности.

Прежде всего надо замѣтить, что хотя по 62 ст. 1 т. Св. Основн. Зак., «невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться», однако его нерѣдко не знаютъ и лица образованныя, а о простолюдинахъ и толковать нечего: они о немъ не имѣютъ рѣшительно никакого понятія (особенно о наслѣдственныхъ правахъ). И это весьма естественно: законы наши слишкомъ пространны, въ нихъ довольно несообразностей и нерѣдко одна статья противорѣчитъ другой безъ всякаго, казалось-бы, основанія. Отсюда вытекаетъ то, что въ жизни не всѣмъ удается дѣйствовать согласно съ требованіями закона, съ его часто непослѣдовательными, стѣснительными формами и условіями. Именно такимъ неудачнымъ явленіемъ представляется намъ и, примѣненный къ дѣлу вдовы солдата, законъ.

Такъ, если-бы вдова и ея покойный мужъ напередъ знали, что послѣдній умретъ раньше первой и что казна, пользуясь ихъ оплошностью, завладѣетъ ихъ деньгами,-- они навѣрное вносили бы деньги въ сохранную кассу на имя жены, а не мужа, какъ дѣлается только въ силу распространеннаго въ народѣ крѣпкаго понятія, будто-бы всему женинному имуществу и ея заработку полный хозяинъ и распорядитель мужъ, какъ глава семьи;—или же покойный завѣщалъ-бы ей эти 300 р. установленнымъ порядкомъ. Онъ сдѣлалъ-бы то или другое во-первыхъ потому, что жена во всякомъ случаѣ была ближе къ нему, нежели казна (притомъ онъ могъ и любить

ее); а во-вторыхъ, по той причинѣ, что она одинаково съ нимъ трудилась, копила про черный день ихъ общій капиталъ, котораго по крайней мѣрѣ половина безспорно принадлежитъ ей и помимо ея близкихъ отношеній къ покойному. Здѣсь-же она теряетъ даже и эту половину безвозвратно. Мы говоримъ «безвозвратно», основываясь на слѣдующемъ: Русскіе простолюдины, какъ извѣстно, вообще ничего не читаютъ, а петербургскія и московскія Сенатскія вѣдомости, въ которыхъ печаются, по 1239 ст. 1 ч. X т., вызовы наслѣдниковъ, и подавно. Слѣдовательно, коль скоро наслѣдники, буде они и существуютъ гдѣ либо, не явились за наслѣдствомъ въ теченіе 6-ти мѣсячнаго срока, то можно смѣло сказать, что они не явятся за нимъ и потомъ, впродолженіе 10 лѣтъ, когда и чрезъ названныя изданія вызываться уже болѣе не будутъ. Увѣренность въ этомъ поддерживаютъ въ насъ еще и слѣдующія соображенія. Простолюдины, взятые въ солдаты въ 1840—1850 годахъ, были всегда, за весьма рѣдкими исключеніями, люди неграмотные; съ момента ухода на службу, они сразу прерывали съ родными всякія сношенія: ихъ всецѣло поглощали суровыя ученья, походы, безпрерывныя, далекія передвиженія. Съ другой стороны и родные совершенно теряли ихъ изъ виду; вслѣдствіе крѣпостной ихъ зависимости, они сами находились въ печальномъ положеніи и имъ было едва только до себя. Затѣмъ, уволившись, 15 — 20 лѣтъ спустя, въ безсрочный отпускъ или отставку, солдаты тѣхъ временъ, отвыкнувъ совершенно отъ занятія хлѣбопашествомъ, и не только потерявъ всякое родственное чувство, но пріобрѣвъ вмѣсто него даже нѣкоторое

презрѣніе къ простолюдинамъ вообще, домой уже не возвращались, а поселялись жить гдѣ приведется, преимущественно же въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ квартировали ихъ полки. Почти всѣ, напр., гвардейскіе солдаты остаются, по выходѣ въ отставку, здѣсь, въ столицѣ и ея окрестностяхъ—швейцарами, домоуправляющими, торговцами, курьерами, сторожами въ присутственныхъ мѣстахъ и у частныхъ лицъ. Кромѣ того, въ указахъ объ отставкѣ, выдаваемыхъ солдатамъ при увольненіи ихъ со службы, какъ увѣряютъ люди свѣдущіе, нерѣдко вовсе не прописывается въ точности, откуда именно они уроженцы, а глухо означается: «изъ крестьянъ такой-то губерніи». Между тѣмъ, изъ указа извлекаются свѣдѣнія, печатающіяся въ объявленіяхъ о вызовѣ наслѣдниковъ. Такимъ образомъ, публикуйте хоть 3 года сряду, чрезъ день, въ 10 газетахъ сразу о вызовѣ наслѣдниковъ къ имуществу, оставшемуся послѣ умершаго, напр., «отставнаго унтеръ-офицера Ивана Иванова, уроженца Курской губерніи»—проку будетъ мало. Такихъ именъ и фамилій тьма и потому, будьте увѣрены, наслѣдники никогда не явятся. Оттого и публикаціи подобнаго рода не только теряютъ тотъ смыслъ, какой придавалъ имъ законодатель, создавая 1239 ст. 1 ч. X т., но видимо служатъ исключительно на пользу казнѣ, т. е. даютъ ей полнѣйшую возможность формальнымъ образомъ оттягать себѣ частную собственность.

Но такъ какъ законодатель не желалъ, очевидно, лишать подобнымъ способомъ частныя лица ихъ трудовой собственности, то 1239 и 1148 ст. 1 ч. X т., по крайнему нашему разумѣнію, должны быть измѣнены, долж-

ны получить тотъ истинный смыслъ, какой приличествуетъ идеѣ справедливости и общественной пользы. Особенно легко достигнуть этого относительно 1148 ст., потому что въ той же 1 ч. X т. есть 2 пунктъ 1157 ст., который гласитъ: «Когда супруги при вступленіи въ бракъ (въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ) не имѣли ни тотъ, ни другой никакого имущества, а впослѣдствіи общими трудами пріобрѣли оное и при жизни своей не распорядились симъ имуществомъ, въ семъ случаѣ мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа получаютъ при дѣтяхъ третью часть всего оставшагося имущества; когда же дѣтей въ бракѣ прижито не было, то наслѣдуютъ во всемъ томъ имуществѣ». Если уроженцы Черниговской и Полтавской губерній въ случаѣ, совершенно однородномъ съ разсматриваемымъ нами, пользуются правомъ наслѣдовать всѣмъ имуществомъ, оставшимся послѣ одного изъ супруговъ, то мы не видимъ никакого затрудненія къ распространенію этого 2 пункта и на уроженцевъ всѣхъ остальныхъ губерній русскаго царства, народонаселеніе котораго пребываетъ подъ сѣнью и охраною того же самаго закона, того же самаго правительства. Жены, напр. помѣщиковъ, лицъ, принадлежащихъ по рожденію, благосостоянію къ высшему обществу, не участвуютъ въ пріобрѣтеніяхъ мужей; противъ этого никто, разумѣется, спорить не станетъ. Ихъ, пожалуй, можно еще,—хотя тоже съ большою натяжкою, — подводить подъ дѣйствіе 1148, 1162—1164 ст.; но этого отнюдь нельзя допустить относительно женъ простолюдиновъ, женъ солдатъ и иныхъ слоевъ бѣднаго русскаго общества. Женщины послѣднихъ категорій всегда и вез-

*

дѣ на Руси работаютъ, помогая мужьямъ въ добычѣ средствъ къ существованію. Что же касается женъ крестьянъ, солдатъ, то тѣ иногда даже превосходятъ своихъ мужей по количеству исполняемаго ими труда. Жены крестьянъ Ярославской губерніи почти однѣ ведутъ все свое хозяйство, сѣютъ, жнутъ и проч., между тѣмъ какъ мужья ихъ торгуютъ въ Москвѣ, Петербургѣ и иныхъ большихъ городахъ въ мелочныхъ лавкахъ, трактирахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ; жены солдатъ также работаютъ безустанно, денно и нощно, тогда какъ ихъ мужья посвящаютъ на этотъ предметъ только свободное отъ службы время, котораго у нихъ часъ, много два въ день. За что же, спрашивается, отнимать у этихъ труженицъ кровавымъ потомъ добытыя ими деньги? Всѣ читатели, мы увѣрены, раздѣлятъ наше мнѣніе, что 2 п. 1157 ст. 1 ч. X т. непремѣнно надо распространить, по крайней мѣрѣ, хоть на простолюдиновъ всѣхъ безъ изъятія губерній Россіи, если ужъ нельзя распространить этотъ пунктъ на всѣ безъ различія сословія, какъ было бы желательно.

II.

Въ кабалѣ у домовладѣльцевъ.

Квартиры въ Петербургѣ нанимаются троякимъ способомъ: людьми богатыми—по контрактамъ; людьми съ небольшими средствами (ихъ большинство обывателей) по разсчетнымъ книжкамъ, издающимся канцеляріею оберъ-полиціймейстера. Люди же совершенно бѣдные

нанимаютъ квартиры по словеснымъ уговорамъ. Богатые люди роптать, конечно, не вправѣ: контрактъ гарантируетъ имъ извѣстныя удобства. Остальные же жильцы пребываютъ, просто, въ крѣпостной зависимости отъ домовладѣльцевъ. Постараемся подтвердить наши слова фактами.

Начнемъ съ квартирныхъ книжекъ, которыя порождаютъ безконечное множество процессовъ у мировыхъ судей столицы. Происходитъ это оттого собственно, что книжка составлена чрезвычайно односторонне. Такъ, на оберткѣ книжки, между прочимъ, напечатано «плата въ годъ . . . рублей»; а условія, помѣщенныя внутри ея и подведенныя подъ дѣйствіе 1072 ст. 1 ч. X т., Св. Закон. Гр., изд. 1857 г., гласятъ: «А. отдалъ Б. квартиру съ платою по столько-то рублей въ мѣсяцъ, съ такого-то числа на такой-то срокъ; наниматель обязуется платить за мѣсяцъ впередъ, а въ случаѣ неисполненія сего въ срокъ — обязанъ, въ теченіи семи дней, очистить безотговорочно квартиру, заплативъ при выѣздѣ изъ нея за излишне прожитое время, или оставивъ что либо въ обезпеченіе вѣрной уплаты остающагося за нимъ долга. Онъ же, наниматель, содержитъ квартиру во всѣхъ отношеніяхъ (подробно исчислены пункты его обязанностей) опрятно, бережно, на живущихъ у него людей выправляетъ паспорты, адресные билеты; о прибывающихъ, убывающихъ, и обо всемъ случившемся немедленно даетъ знать (кому и куда—не сказано) и за всякое упущеніе обязуется самъ отвѣчать и платить штрафы, не доводя домовладѣльца ни до какихъ хлопотъ и от-

вѣтственности. За все это домовладѣлецъ не вправѣ отказывать нанимателю въ квартирѣ до истеченія оплоченнаго имъ времени; если же онъ, домовладѣлецъ, не пожелаетъ отдать нанимателю квартиру на дальнѣйшее время, на прежнихъ условіяхъ,—то предупреждаетъ его о семъ за недѣлю до срока». Вотъ, въ главныхъ чертахъ, все условіе. О томъ же, что наниматель, если квартира, напримѣръ, впослѣдствіи окажется нестерпимо холодною, сырою, вонючею, вправѣ оставить ее раньше оплаченнаго срока, получивъ притомъ за недожитое время обратно часть уплаченныхъ по разсчету денегъ—ничего не сказано. Словомъ, въ книжкѣ всѣ гарантіи предоставляются одному лишь домовладѣльцу.

Понятно что книжка пришлась весьма по вкусу домовладѣльцамъ, которые за самыми рѣдкими исключеніями, иначе не отдаютъ въ наймы квартиры, какъ по книжкамъ. *). Въ настоящее время, квартира въ 2—3 комнаты безъ контракта и безъ книжки (по словесному уговору) составляетъ величайшую рѣдкость. А такъ какъ книжку нанимателю суютъ вездѣ, а жить гдѣ нибудь непремѣнно надо, то и рѣшительно нельзя не подчиниться въ этомъ отношеніи домовладѣльцамъ и ихъ управляющимъ, которые ведутъ себя деспотически съ наем-

*) Экземпляръ книжки стоитъ 10 к. Въ Петербургѣ, по добытымъ нами достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, 8,656 домовъ, а квартиръ въ каждомъ отъ 10 до 60. Считая на домъ, круглымъ числомъ, хоть по 10 экземпляровъ, выходитъ 86, 560 книжекъ, что составитъ 865,600 к. или 8,656 р. —цифра весьма почтенная и чрезвычайно благодарная за 0 страничекъ въ 16 долю листа, изъ которыхъ цѣлыхъ семь даже не печатныя а только разграфлены.

щикомъ. Указывая ему на оберточную надпись книжки «плата въ годъ»—домовладѣльцы, а чаще ихъ управляющіе, объясняютъ, что книжка, установленная властью предержащею, вполнѣ формальна и не дозволяетъ ни противорѣчія, ни отступленія отъ ея содержанія; тѣмъ самымъ они убѣждаютъ неопытныхъ нанимателей вписать и внутри книжки, сообразно оберткѣ «нанялъ на годъ». Буде же наниматель человѣкъ свѣдущій и несговорчивый, ему отдаютъ квартиру даже и на два, на одинъ мѣсяцъ, зная твердо, что онъ все равно въ рукахъ домовладѣльца. Едва онъ устроится, обживется въ теченіе одного, двухъ мѣсяцевъ, его предваряютъ, что для пріобрѣтенія правъ оставаться на будущій мѣсяцъ въ занимаемой имъ квартирѣ, онъ долженъ платить вмѣсто прежнихъ пятнадцати —18 р. въ мѣсяцъ. Сюрпризъ этотъ, по смыслу книжки, вполнѣ законенъ и нанимателю приходится выбирать изъ двухъ золъ меньшее, т. е. или повиноваться, или же переѣзжать на другую квартиру. Наниматель считаетъ выгоднымъ для себя согласиться на прибавку наемной платы и успокоиться до слѣдующей надбавки, которая не заставитъ себя долго ждать: цѣны на квартиры, прогрессивно возвышаясь, доходятъ въ теченіе года, вслѣдствіе разныхъ, зависящихъ и независящихъ отъ хозяевъ причинъ, отъ 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ *).

---

*) Намъ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда люди, не желавшіе платить слишкомъ часто надбавляемой домохозяевами цѣны въ годъ, мѣняли по 6—8 квартиръ, покуда нападали наконецъ на такихъ домоправителей, которые въ годъ только разъ возвышаютъ цѣну на 2—4 рубля въ мѣсяцъ и то оправдываясь тѣмъ, что имъ самимъ

И вотъ, не зная какъ себя обезпечить отъ слишкомъ частыхъ надбавокъ, наниматель въ отчаянiи спѣшитъ написать въ книжкѣ «нанялъ на годъ», ошибочно полагая, что въ этомъ его спасенiе. За домовладѣльцемъ и тутъ остается его неотъемлемое право надбавлять «по нежеланiю отдать квартиру на дальнѣйшее, послѣ оплаченнаго срока, время, на прежнихъ условiяхъ».

Бываютъ дѣла такого рода. Наниматель — офицеръ, чиновникъ, прикащикъ, мастеровой. Вдругъ первый переведенъ служить въ провинцiю; второй ѣдетъ въ командировку на полгода или остается за штатомъ; третьему внезапно отказали отъ мѣста; четвертый умеръ, и средства членовъ его семейства уменьшаются, заставляя ихъ сократить свои расходы. Всѣ такiя лица заявляютъ объ измѣнившихся у нихъ обстоятельствахъ домовладѣльцу или его управляющему, но тѣ имъ отвѣчаютъ, что они не препятствуютъ очистить квартиру, если они предъ тѣмъ заплатятъ имъ за весь годъ, въ противномъ случаѣ пусть доживаютъ годичный срокъ, ибо они не намѣрены, видите-ли, ни «измѣнять прежнихъ условiй», ни тѣмъ болѣе отказывать имъ въ квартирѣ раньше истеченiя годичнаго срока. Затѣвается споръ, который приводитъ стороны въ камеру судьи.

будто-бы очень много приходится платить разныхъ поземельныхъ и городскихъ повинностей, безпрерывно увеличивающихся; по ихъ словамъ, въ особенности велики расходы на содержанiе полицiи, которая нынѣ стоитъ городу больше миллiона рублей въ годъ, тогда какъ 6 лѣтъ тому назадъ она обходилась меньше полумиллiона рублей.

Здѣшній мировой судъ, по большей части, рѣшаетъ подобныя дѣла въ ущербъ нанимателямъ, мотивируя рѣшенія такъ: всякій договоръ, согласно 1536 ст. 1 ч. X т. долженъ исполняться по точному опаго разуму; двусмысленныя выраженія договора должны истолковываться, на основаніи пункта а, ст. 1539 ч. 1 т. X, въ смыслѣ главнаго предмета, въ договорѣ означеннаго. Главный предметъ въ данномъ случаѣ «нанялъ на годъ». Хотя въ договорѣ и сказано, что наниматель, въ случаѣ неплатежа въ срокъ, обязанъ очистить квартиру въ теченіе 7 дней, но обязанность эта не даетъ нанимателю права оставить квартиру, когда ему вздумается, не уплативъ за весь годъ, что противорѣчило-бы главной мысли: «на годъ». Поэтому судьи и съѣздъ постановляютъ взыскать съ самовольно оставившихъ квартиры раньше года—платежную сумму за весь годъ.

Статья 1702 1 ч. X т., на которой зиждется фундаментъ книжки по отношенію къ разбираемому нами предмету, говоритъ: «совершеніе письменныхъ договоровъ на наемъ городскихъ строеній зависитъ отъ взаимнаго довѣрія заключающихъ таковые; договоры эти являются гдѣ слѣдуетъ; если же сего не исполнено, то при взысканіи по таковому договору — удовлетвореніе производится изъ того токмо имущества, какое у лица, взысканію подвергшагося, останется за удовлетвореніемъ прочихъ исковъ, по коимъ соблюдены всѣ правила, на явку постановленныя».

Посмотримъ на сколько содержаніе книжки согласуется съ приведенною нами статьею закона. Прежде всего, квартира— не строеніе, а лишь помѣщеніе

въ строеніи. О довѣріи между домовладѣльцемъ и нанимателемъ квартиры и поминать нечего, ибо въ случаѣ неуплаты послѣднимъ первому денегъ въ срокъ, онъ обязанъ немедленно выѣхать изъ квартиры, да еще выѣзжая, оставить домовладѣльцу «что либо изъ своего имущества въ обезпеченіе вѣрной уплаты остающагося за нимъ долга».

При взысканіи по незасвидѣтельствованному гдѣ слѣдуетъ договору (книжки никѣмъ никогда не являются нотаріусамъ), 1072 статьею предписывается «удовлетворять подобнаго кредитора изъ того токмо имущества, какое у должника останется за удовлетвореніемъ прочихъ исковъ, по коимъ соблюдены явочныя правила» Между тѣмъ, книжка, обязывая нанимателя при самомъ выѣздѣ изъ квартиры дать домовладѣльцу залогъ, нарушаетъ эту статью.

Далѣе. Исполненію подлежатъ, на основаніи 569 ст. 1 ч. X т. только правильно составленные договоры, а договоръ—книжка, составленъ, какъ мы сейчасъ разъяснили, неправильно. Опредѣленіе силы домашнихъ актовъ зависитъ, по 105 и 459 ст. Уст. гр. суд., отъ усмотрѣнія суда, а въ данномъ случаѣ судъ не можетъ, опираясь на 129 ст. гр. суд., не убѣдиться, что книжка, содержаніемъ своимъ нарушающая 1072 ст. 1 ч. X т., на которой она основана, лишена юридической силы. Главный предметъ книжки составляетъ, по нашему крайнему разумѣнію, не «наемъ на годъ», а исправный платежъ помѣсячно; домовладѣлецъ не вправѣ отказать нанимателю въ квартирѣ до истеченія лишь оплаченнаго имъ времени,

а не годичнаго срока найма. Оплачивается же квартира только за мѣсяцъ впередъ; за неуплату въ срокъ наниматель обязанъ, буде домовладѣлецъ потребуетъ, въ 7 дней очистить квартиру, опять-таки не смотря на то, что квартира нанята на годъ. Наконецъ, желая почему либо избавиться отъ квартиры раньше года, наниматель долженъ только прибѣгнуть къ неблаговидной уловкѣ--не платить въ срокъ за мѣсяцъ, два, и тогда домовладѣлецъ самъ его выживаетъ изъ квартиры, причемъ наниматель не понесетъ ровно никакихъ убытковъ, соединенныхъ съ честною расплатою, при выѣздѣ раньше года изъ квартиры. Оттого и при разрѣшеніи вопроса о главномъ предметѣ договора, суду надлежитъ, очевидно, руководствоваться не пунктомъ а. 1539 статьи, а пунктомъ г. этой статьи, который гласитъ: «когда выраженія, въ договорѣ помѣщенныя, не опредѣляютъ предмета во всѣхъ его частяхъ съ точностію, тогда принадлежности онаго изъясняются обычаемъ, если онѣ, впрочемъ, не опредѣлены закономъ». Форма условія по разсчетнымъ книжкамъ за наемъ квартиръ закономъ не установлена; наниматели заключаютъ условіе по книжкѣ вслѣдствіе необходимости, а также и по заведенному домовладѣльцами обычаю, — поэтому и сила этого условія должна истолковываться, по пункту д. ст. 1539 ч. 1, т. X., «въ пользу того, кто обязался что либо исполнить (наниматель), по тому уваженію, что отъ противной ему стороны (домовладѣльца) зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ большею точностію». На основаніи всѣхъ этихъ выводовъ нѣтъ ни малѣйшаго резона заставлять нанимателей платить домо-

владѣльцамъ за весь годъ, когда они, по измѣнившимся ихъ обстоятельствамъ, оставляютъ квартиры раньше годичнаго срока: они должны разсчитаться только по день очистки квартиры.

Перейдемъ къ найму квартиръ по словеснымъ договорамъ. Законность такихъ договоровъ судьи вообще отрицаютъ, а оттого и при очищеніи жильцами квартиръ, нанятыхъ такимъ образомъ по желанію домовладѣльцевъ, судьи отказываютъ первымъ во взысканіи съ послѣднихъ убытковъ, сопряженныхъ съ переѣздомъ.

Бѣдный чиновникъ нанималъ, по словесному договору, маленькую квартиру съ дровами за 15 р. въ мѣсяцъ. Настало лѣто и хозяинъ объявилъ ему, что прекращаетъ снабженіе всѣхъ квартиръ своими дровами, за что сбавляетъ съ прежней цѣны квартиры по 3 р. въ мѣсяцъ. На вопросъ чиновника, останется ли эта новая цѣна на зиму?—домохозяинъ отвѣтилъ ему утвердительно въ присутствіи свидѣтелей. Примирившись съ этимъ доводомъ, чиновникъ остался жить дальше. Но вотъ подошелъ октябрь мѣсяцъ, когда отысканіе квартиръ весьма затруднительно—и что же? Тотъ же домохозяинъ, къ изумленію жильца, говоритъ ему, что отнынѣ онъ, если желаетъ остаться въ занимаемой имъ квартирѣ, обязывается платить за нее по 15 р. въ мѣсяцъ безъ дровъ, въ противномъ случаѣ пусть очиститъ квартиру. Жилецъ жалуется судьѣ за нарушеніе домохозяиномъ словеснаго договора, дѣйствительность существованія котораго вызывается подтвердить свидѣтелями. Но судья отказываетъ ему, ссылаясь на 409 ст. Уст. гражд. суд., по которой свидѣтельскія показанія могутъ быть призна-

ваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія.

Приведемъ другой случай.

Чиновникъ нанялъ по словесному договору въ іюлѣ квартиру за 30 р. въ мѣсяцъ. Домохозяинъ увѣрилъ его, что зимой цѣна на квартиру не будетъ набавлена. Вслѣдствіе такого увѣренія, жилецъ сдѣлалъ въ квартирѣ, съ согласія домохозяина, на свой счетъ различныя приспособленія, поправки, на что истратилъ до 30 р. Но вскорѣ послѣ его переѣзда домохозяинъ, посѣтивъ жильца и замѣтивъ значительное улучшеніе въ квартирѣ, заявилъ ему, что съ третьяго мѣсяца онъ долженъ заключить на занимаемую имъ квартиру контрактъ на два года, съ платою: за первый годъ—по 35, а за второй по 40 р. въ мѣсяцъ, предлагая ему въ противномъ случаѣ съѣзжать. Жилецъ отказался какъ заключить контрактъ, такъ равно и выѣхать. Тогда домохозяинъ просилъ судью понудить жильца очистить квартиру, на которую явился болѣе выгодный претендентъ. Отвѣтчикъ возражалъ, что онъ въѣхалъ въ квартиру съ цѣлью прожить въ ней за платимую цѣну, согласно словесному его уговору съ домохозяиномъ, по меньшей мѣрѣ зиму, но отнюдь не 2 мѣсяца, причемъ правдивость своего заявленія подкрѣплялъ между прочимъ, произведенною имъ поправкою квартиры. Деньги платилъ онъ за квартиру исправно, безпокойствъ никому никакихъ не дѣлалъ, велъ себя скромно, а потому и не видитъ причины къ выѣзду изъ квартиры, тѣмъ болѣе, что онъ обремененъ большою семьею, и ему, съ утра до вечера занятому, чрезвычай-

но тяжело отыскать осенью другую квартиру; а этимъ-то обстоятельствомъ домохозяинъ и пользуется, чтобы вынудить его платить больше и заключить контрактъ. Онъ, наконецъ, не прочь, пожалуй, и очистить квартиру, но съ условіемъ, чтобы домохозяинъ возвратилъ ему затраченныя имъ на улучшеніе квартиры и на переѣздъ изъ прежней квартиры деньги (самое количество своихъ расходовъ онъ можетъ подтвердить имѣющимися у него росписками перевозчика и столяра). Судья обязалъ жильца очистить квартиру, а въ искѣ его съ домохозяина убытковъ отказалъ, основываясь на томъ, что, согласно 409 ст. Уст. гр. суд., онъ, отвѣтчикъ, долженъ былъ запастись письменнымъ обо всемъ договоромъ; починять же квартиру была добрая его воля, стало быть, домохозяинъ за это не подлежитъ отвѣту.

Для уразумѣнія точнаго значенія и силы словесныхъ договоровъ, намъ приходится обратиться прежде всего къ 5 главѣ I ч. X т. о правѣ по обязательствамъ. Здѣсь мы находимъ 568 ст., которая, трактуя о томъ, что именно законъ подразумѣваетъ подъ обязательствомъ вообще, поясняетъ, что оно содержится «въ договорахъ письменныхъ, или словесныхъ» Словесные договоры, по буквальнымъ выраженіямъ слѣдующей 569 ст., какъ и «всякій договоръ и всякое обязательство, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить» (см. гражд. кассац. рѣш. 1867 г. № 401). Далѣе, порядокъ заключенія словесныхъ договоровъ предоставленъ 571 ст. «полной волѣ договаривающихся, лишь бы оные утверждались на непринужденномъ произволѣ и не содержали бы въ себѣ ничего противозаконнаго». Затѣмъ, со-

вершеніе словесныхъ договоровъ на наемъ городскихъ строеній оставляется по 1072 ст. на волю хозяевъ и нанимателей, какъ предметъ, зависящій отъ взаимнаго ихъ довѣрія другъ къ другу. И вотъ, Правительствующій Сенатъ, разъясняя эту статью (гражд. кассац. рѣш. 1869 г. №№ 88 и 109), призналъ: «дѣйствительность договора найма квартиры не обусловливается соблюденіемъ письменныхъ формальностей и юридическое отношеніе, возникающее изъ словеснаго условія найма квартиры, считается для сторонъ существующимъ какъ по закону, такъ и по общепринятому обычаю, если наемъ этотъ подтверждается свидѣтельскими показаніями». Наконецъ, споры по словеснымъ договорамъ и обязательствамъ, отнесенные 573 ст. къ вѣдомству полиціи и словесныхъ судовъ, согласно примѣчанію къ 572 ст., подсудны, со времени введенія въ Петербургѣ судебной реформы, новымъ судебнымъ учрежденіямъ; по цифрѣ иска, въ данныхъ двухъ случаяхъ,—мировымъ судьямъ (1 п. 29 ст. гр. судопр.).

Такимъ образомъ, наемъ квартиры, по словесному договору, безусловно законенъ и подлежитъ, при подкрѣпленіи существованія его свидѣтельскими показаніями, непремѣнному исполненію. А отсюда слѣдуетъ, что въ приведенныхъ нами примѣрахъ первый домохозяинъ не имѣлъ никакого права безнаказанно нарушить сдѣланный имъ съ жильцомъ договоръ надбавкою, въ критическое для квартирантовъ время 3 р. въ мѣсяцъ за квартиру. Точно также послѣдній домохозяинъ не вправѣ былъ выгонять жильца изъ квартиры безъ всякой другой причины, кромѣ той, что жилецъ не хотѣлъ платить

надбавленную на него чрезъ мѣсяцъ цѣну и заключить на квартиру тягостный для него контрактъ.

Переходя затѣмъ къ 6 главѣ I ч. X т., о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки, неминуемо останавливаешься на 574 и 684 ст., по которымъ «всякій» имущественный ущербъ или убытокъ, причиненные кѣмъ либо другому незапрещенными, подъ страхомъ уголовной кары, дѣяніями — предоставляетъ потерпѣвшему чрезъ эти дѣянія ущербъ или убытокъ, право требовать съ своего противника вознагражденія. Опредѣленіе же размѣра вознагражденія зависитъ, по 675 и 689 ст. сообразно происшедшей имущественной потерѣ, отъ подлежащаго суда. Ни перевозить находившееся въ 3-хъ— 4-хъ комнатахъ жильца имущество съ одной квартиры на другую, ни поправлять квартиру даромъ—никто, разумѣется, не станетъ. Оттого и матеріальный убытокъ жильца, выразившійся въ платѣ за перевозку его имущества и за починки въ новой квартирѣ — очевиденъ. Причинъ, которыя могли служить основаніемъ къ изгнанію жильца до срока изъ квартиры, не обнаружилось. Слѣдовательно, судьѣ предстояло признать домохозяина обязаннымъ вознаградить жильца. Кромѣ того, самъ домохозяинъ не отрицалъ, что жилецъ сдѣлалъ въ квартирѣ поправки подъ условіемъ не набавлять, втеченіе зимы, цѣны на квартиру. Это обстоятельство, по 112 ст. Уст. гражд. суд., устранило сомнѣніе въ дѣйствительности факта затраты жильцомъ своихъ денегъ на улучшеніе квартиры. Размѣръ убытка подтверждался росписками перевозчика и столяра, росписками, имѣющими, по 105 ст. Уст. гражд. суд., право на принятіе

ихъ судьею въ соображеніе при постановленіи рѣшенія. Наконецъ, если бы домохозяинъ предъявилъ противъ цифры убытковъ споръ, то судья долженъ былъ, руководствуясь 119, 120 и 122 ст. Уст. гражд. суд., произвести осмотръ квартиры, оцѣнить стоимость перевозки имущества и произведенныхъ поправокъ и тогда, смотря по результатамъ этихъ дѣйствій, все таки присудить съ домохозяина, въ пользу жильца, вознагражденіе.

III.

Несостоятельность законовъ о прислугѣ, рабочихъ и обучающихся ремесламъ.

Незавидно положеніе судьи, которому, на основаніи первой главы четвертаго раздѣла 1 ч. X т., приходится рѣшать вопросъ о личномъ наймѣ людей въ услуженіе и на различнаго рода работы, а равно о пріемѣ въ обученіе ремесламъ и мастерствамъ. Тяжущіеся вообще и простолюдины въ особенности, не понимая, что судья въ своихъ рѣшеніяхъ не вправѣ выходить за предѣлы дѣйствующихъ законовъ, всѣ дурныя послѣдствія, проистекающія для нихъ изъ рѣшеній, приписываютъ исключительно небрежному отношенію судьи къ ихъ дѣламъ. Они убѣждены, что судья не хочетъ толкомъ разобрать дѣло и заступиться за обиженныхъ.

Носится, правда, упорный слухъ, что законы эти будутъ измѣнены, но пока это осуществится — пройдетъ, вѣроятно, не мало времени. Поэтому считаемъ не безполезнымъ поговорить о дѣйствіяхъ судей по вышеозначенному вопросу. Прежде всего замѣтимъ, что нѣкото-

рымъ судьямъ удается въ такихъ дѣлахъ приводить тяжущихся къ безобидному окончанію споровъ. Напротивъ того, другіе судьи, равнодушно смотрящіе на матеріальные интересы рабочаго люда, дѣйствительно заслуживаютъ упрека, который дѣлаютъ имъ бѣдняки.

Вотъ примѣръ. Женщина взыскивала 3 рубля жалованья съ купца, у котораго она прослужила горничною одинъ мѣсяцъ, послѣ чего отказалась отъ мѣста въ виду того, что купецъ былъ вѣчно пьянъ и постоянно буянилъ. Отвѣтчикъ, сознавая, что истица дѣйствительно служила у него, отрицалъ однако справедливость иска, утверждая, что 3 р. отдалъ ей гораздо раньше, чѣмъ она отказалась отъ мѣста. Судья, не допустивъ выставленную истицей свидѣтельницу къ показанію, по 409 ст. Уст. гр. судопр., за силою 81 и 129 ст. Уст. гр. судопр., отказалъ въ искѣ по бездоказательности.

Выходя изъ камеры, мы встрѣтили тутъ-же, на лѣстницѣ, и истицу, и отвѣтчика.

— Что взяла? нахально говорилъ купецъ своей бывшей горничной. Покорилась бы мнѣ, попросила бы хорошенько, я бы тебѣ отдалъ твои 3 р., потому это для насъ плевое дѣло. А то, вишь-ты, что выдумала: къ мировому потяну, онъ заставитъ отдать! Ничего вотъ и не взяла...

Мы предложили было женщинѣ вернуться и заявить судьѣ о происшедшемъ, вызывались даже быть свидѣтелемъ; но женщина отвергла нашъ совѣтъ, говоря, что и безъ того ужь наказана довольно: 50 к. заплатила за написаніе просьбы, да 3 раза отрывалась на нѣсколько

часовъ отъ работы, почему и не хочетъ на авось возобновлять дѣло и терпѣть новые убытки.

Всѣмъ столичнымъ жителямъ коротко извѣстно, что прислуга нанимается въ должности по словеснымъ условіямъ и, по обычаю, господствующему здѣсь съ незапамятныхъ временъ, получаетъ жалованье по истеченіи мѣсяца. Исключенія въ этомъ отношеніи дѣлаются только въ экстренныхъ случаяхъ, какъ, напр., когда прислугѣ нужно выправить паспортъ или нужны деньги на свадьбу, погребеніе близкихъ людей и т. под. Въ вышеприведенномъ дѣлѣ ни на что подобное и намека не было со стороны отвѣтчика, утверждавшаго только, что жалованье имъ уплочено. Истица не имѣла письменнаго условія исключительно потому (какъ она говорила), что «это не въ обычаѣ, да еслибъ и попросить написать условіе, то наниматель осмѣетъ, либо просто прогонитъ». 130 ст. Уст. гр. судопр. и гражданское кассаціонное рѣшеніе 1867 г. № 117, предоставляютъ судьямъ, «при постановленіи рѣшенія руководствоваться общепринятыми обычаями». Обычай же найма прислуги на словахъ и платежа ей жалованья по истеченіи мѣсяца не могъ не быть извѣстенъ судьѣ. Кромѣ того, словесные договоры узаконены 568, 571 и 573 ст. 1 ч. X т., что также долженъ былъ знать судья; наконецъ дѣло это, аналогичное съ другимъ, о которомъ поминаетъ гражданское кассаціонное рѣшеніе 1868 г. № 137 (объ обязанности заплатить за работу безъ формальнаго письменнаго доказательства), получаетъ соотвѣтствующее тому направленіе къ гражд. кассац. рѣш. 1868 г. № 645 и 652 (разъясненіе 409 ст. Уст. гр. судопр. и 2226 ст.

1 ч. X т.). По точному смыслу этихъ рѣшеній, для поступленія въ услуженіе не требуется письменнаго условія; возникающіе же отсюда споры подлежатъ разрѣшенію при помощи свидѣтельскихъ показаній.

Такимъ образомъ оказывается, что если бы судья сосредоточилъ свое вниманіе на разбираемомъ имъ дѣлѣ, то во 1-хъ бѣдная женщина получила бы заработанные ею 3 руб., а во 2-хъ купецъ не дерзнулъ бы такъ нагло издѣваться надъ нею и надъ нравственнымъ убѣжденіемъ судьи (дѣло рѣшено по 129 ст. Уст. гр. судопр.).

Вотъ случай, обрисовывающій другую сторону отношеній личнаго найма. Болѣзненный крестьянинъ, лѣтъ 22-хъ, просилъ судью понудить другаго крестьянина, его земляка, у котораго онъ живетъ въ работникахъ, разсчитать его и выдать ему паспортъ. Отвѣтчикъ, разжирѣвшій пожилой лабазникъ, представилъ судьѣ написанное въ деревнѣ, въ волостномъ правленіи, условіе о томъ, что истецъ поступаетъ къ нему, отвѣтчику, въ работники на годъ, въ видахъ уплаты ему долга въ 30 руб. Опираясь на это условіе и въ виду того, что истецъ прослужилъ ему лишь полгода, лабазникъ не согласился отпустить своего батрака раньше срока. Истецъ возражалъ, что деньги занялъ не онъ, а его отецъ, впослѣдствіи умершій; однако мірской сходъ, въ угоду отвѣтчику, заставилъ его, бобыля, отработывать долгъ, что и вынудило его поступить въ кабалу. При этомъ онъ объяснилъ, что таскать кули съ мукою онъ, по слабосилію, не въ состояніи и потому просилъ судъ, чтобы договоръ былъ признанъ нарушеннымъ. Судья, на основаніи 2228 и 2238 ст. 1 ч. X т., отказалъ истцу,

объявивъ ему, что онъ обязанъ непремѣнно дослужить лабазнику весь годъ.

Рѣшеніе это произвело грустное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ камерѣ, что впрочемъ совершенно понятно. Всякій знаетъ, какія злоупотребленія совершаютъ въ деревняхъ такъ-называемые міроѣды надъ беззащитными своими собратами вообще и надъ бѣднѣйшими изъ нихъ въ особенности. Какъ можно допустить, чтобы взрослый человѣкъ добровольно отдался въ кабалу на годъ за 30 р., когда мальчишки, бродящіе по улицамъ со спичками или газетами, получаютъ отъ 40 до 50 р.? Правда, 2239 ст. 1 ч. X т. предоставляетъ «работнику, взявшему впередъ деньги съ хозяина и заболѣвшему, отработать таковыя по выздоровленіи, если онъ не можетъ тотчасъ возвратить ихъ». Но крестьянинъ, который притомъ лично ничего не бралъ отъ лабазника, былъ лишенъ возможности воспользоваться предоставляемою этою статьею льготой: онъ уже лежалъ въ больницѣ, откуда доктора выписали его, признавъ въ немъ не временно больнаго, а только слабосильнаго. Неизвѣстно, оправится ли онъ когда нибудь на столько, чтобы быть пригоднымъ для работы батрака.

Между тѣмъ, будучи связанъ условіемъ и рѣшеніемъ судьи, обязывающимъ его отработать лабазнику годъ, таская кули съ мукою, крестьянинъ не вправѣ перемѣнить этотъ трудъ на другой, болѣе соотвѣтствующій его силамъ. И можетъ быть, надорвавшись, онъ сойдетъ раньше времени въ могилу, благодаря тому, что чужею

волею отданъ въ кабалу, отъ которой не хочетъ избавить его даже судъ.

Если человѣкъ болѣнъ, то прежде нежели лечить его, надо опредѣлить его недугъ. Примѣняя это правило къ данному случаю, замѣтимъ, что для того, чтобы крестьянинъ безропотно подчинился условію работы, необходимо выяснить, въ силахъ ли онъ таскать 5 пудовыя тяжести. Исходя изъ этого положенія, судья долженъ бы во имя человѣколюбія и согласно 70 и 129 ст. Уст. гр. судопр. постараться склонить стороны къ миролюбивому соглашенію, о чемъ однако и помину не было.

Ему слѣдовало-бы убѣдить нанимателя въ необходимости отсрочки рабочему выполненія условія, причемъ лабазникъ могъ-бы получить съ своего батрака долговую росписку на остальную половину долга и т. п. Если же лабазникъ не согласился бы ни на какой подобный компромиссъ, то судья могъ потребовать освидѣтельствованія крестьянина мѣстнымъ полицейскимъ врачемъ, примѣняясь къ 122 ст. Уст. гр. суд. (заключеніе свѣдущихъ людей) или же выдать ему, согласно 77 ст. того же Устава, удостовѣреніе на полученіе изъ больницы, въ которой онъ пользовался, свидѣтельства о безнадежности его къ выздоровленію. Заручившись такимъ свидѣтельствомъ, судья имѣлъ бы право прямо отказать лабазнику въ понужденіи крестьянина работать *). Чтобы доказать

* Гражд. кассац. рѣш. 1867 № 189, о томъ, что отъ суда, руководствующагося своимъ убѣжденіемъ по 129 ст. Уст. гр. судопр.,

логичность подобнаго образа дѣйствія, мы, независимо изложеннаго, перейдемъ къ 1 ч. X Т., въ которой и находимъ оправданіе нашего мнѣнія по этому предмету.

Обязанность буквально исполнять извѣстный договоръ или обязательство, лежитъ на договаривающихся въ томъ только случаѣ, когда условіе составлено правильно (569 ст.). Въ данномъ случаѣ обязательство отработать отцовскій долгъ въ 30 р., подписано крестьяниномъ по принужденію деревенской власти; лабазникъ ни однимъ словомъ не доказалъ противнаго.

Далѣе, хотя предметомъ договора, по 1528 ст., и могутъ быть личныя дѣйствія, въ томъ числѣ, разумѣется, и физическій трудъ, но цѣль какого бы то нибыло договора не можетъ идти въ разрѣзъ съ закономъ, благочиніемъ и общественнымъ порядкомъ. Въ разсматриваемомъ же нами дѣлѣ вышло именно на оборотъ: человѣка разслабленнаго заставили отдаться въ кабалу на цѣлый годъ за 30 р. чужаго долга...

На основаніи 1529 ст. «договоръ не дѣйствителенъ и обязательство ничтожно, если, между прочимъ, причина къ заключенію оныхъ была достиженіе цѣли, закономъ запрещенной, если договоръ клонился къ присвоенію частному лицу такого права, котораго оно по состоянію своему имѣть не можетъ.» Изнурять слабосильнаго человѣка какою бы то ни было работою, и тѣмъ самымъ сокращать его жизнь, ради того только, чтобы онъ въ точности исполнилъ принятое имъ на себя обязательство,

---

вполнѣ зависитъ принять заключеніе свѣдущихъ людей въ основаніе своего рѣшенія.

—не значитъ ли это совершать то самое дѣяніе, о которомъ говоритъ приведенная выше статья? А между тѣмъ судья своимъ рѣшеніемъ придалъ этому дѣянію характеръ законнаго поступка. Условіе, читанное судьею по настоящему дѣлу, заключалось въ томъ, что крестьянинъ обязывается отработать лабазнику годъ за 30 р., но какую именно работу, т. е. тяжелую или легкую долженъ онъ исполнять, объ этомъ въ условіи ничего не было сказано. Точно также въ немъ не было оговорено, обязанъ ли онъ исполнять это обязательство даже и тогда, если бы былъ физически разслабленъ.

Между тѣмъ изъ содержанія 1539 ст. мы узнаемъ, что при обнаруженіи важныхъ сомнѣній въ смыслѣ какого бы то ни было правильно составленнаго договора, договоръ этотъ подлежитъ изъясненію по намѣренію и доброй совѣсти. Когда же выраженія, употребленныя въ договорѣ, не опредѣляютъ съ точностію предмета со всѣхъ сторонъ, то сомнѣнія устраняются обычаемъ и во всякомъ случаѣ въ пользу того, кто обязался что либо исполнить, «ибо отъ противной стороны, какъ гласитъ 1539 ст., зависѣло опредѣлить предметъ съ большею точностію». Отсюда очевидно, что возникшее между рабочимъ и лабазникомъ сомнѣніе относительно того, обязанъ ли больной таскать кули съ мукою, должно быть разрѣшено отрицательно, т. е. въ пользу рабочаго. Уже одно прибытіе его въ Петербургъ къ лабазнику доказываетъ, что онъ намѣренъ былъ отработать долгъ по доброй совѣсти. Но по совѣсти же слѣдуетъ сказать и то, что захворавъ, онъ уже тѣмъ

самымъ освобождается отъ принятаго имъ на себя тяжелаго обязательства таскать кули съ мукою.

Не выговоривъ себѣ въ условіи никакой гарантіи на случай слабосилія работника, лабазникъ самъ себя наказалъ, и подпадаетъ подъ дѣйствіе послѣдняго пункта 1539 ст., т. е. обязанъ освободить больнаго отъ уплаты работою остальной части долга.

Можно прибавить, что всѣ вышеизложенные нами доводы вполнѣ отвѣчаютъ также и смыслу гражд. кассац. рѣшеній 1867 г., № 146 и 1868 г., № 506.

На слѣдующее утро, послѣ рѣшенія дѣла лабазника, въ другой судебной камерѣ намъ привелось присутствовать при другомъ дѣлѣ нанимателя съ нанимаемымъ.

Тутъ роли перемѣнились: активнымъ лицомъ явился рабочій, а пассивнымъ - наниматель.

Кузнечный мастеръ просилъ объ уничтоженіи условія, заключеннаго имъ съ работникомъ на годъ. Работникъ, съ своей стороны, настаивалъ на сохраненіи условія до срока.

Желаніе свое избавиться преждевременно отъ работника хозяинъ мотивировалъ тѣмъ, что работникъ неисправимый лѣнтяй, пьяница и портитъ всѣхъ товарищей по ремеслу.

— Дрыхнетъ до поздняго утра, жаловался хозяинъ, хоть стрѣляй въ него—не добудишься. А не то—балясничаетъ по цѣлымъ часамъ и другихъ отвлекаетъ отъ дѣла. То ему пища не хороша, а то и кабакъ въ квартирѣ разведетъ. И другихъ-то всѣхъ отъ дѣла отбилъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, оправдывался рабочій, человѣкъ уже пожилой: которыя онъ вещи про меня разсказываетъ,

что даже это, можно сказать, очень для меня удивительно.

— Ну, пускай ты будешь хорошій человѣкъ, возражалъ хозяинъ: уходи ты только отъ меня, окажи божескую милость...

— Зачѣмъ я буду отходить до сроку? Я до сроку не желаю отходить.

— Да отойди ты, Христа ради.

— Иванъ Ивановъ, ты вотъ что обсуди: для чего мнѣ отъ тебя отходить, когда мнѣ и у тебя хорошо? Я никакъ не хочу отходить, потому я до сроку....

Толковали, толковали, но къ соглашенію не пришли. Судья отказалъ хозяину въ искѣ, на основаніи 2238 ст. 1 ч. X Т. *)

Можно представить себѣ неудовольствіе хозяина и насмѣшки рабочаго.

Но вникнемъ въ дѣло.

2230 ст. 1 ч. X Т. гласитъ: «нанявшійся въ работу долженъ быть вѣрнымъ, послушнымъ, почтительнымъ къ хозяину и его семейству, стараться добрыми поступками и такимъ же поведеніемъ сохранить домашнюю тишину и согласіе». Статья 2231 предписываетъ ему: «стараться отвращать всѣ могущіе случиться хозяину чрезъ него убытки». Слѣдовательно, какъ скоро работникъ преступаетъ эти правила, а въ условіи не постановлено матеріальнаго вознагражденія штрафомъ за нарушеніе ихъ,

*) Ни работникъ не смѣетъ отойти отъ хозяина ранѣе обусловленнаго срока, ни хозяинъ не вправѣ ему отказать отъ работы.

то хозяинъ, кажется намъ, имѣетъ право, доказавъ дурной образъ дѣйствій работника, требовать своего освобожденія отъ послѣдняго. Такой выводъ окончательно подтверждается статьею 1847, которая гласитъ: «если сторона, имѣющая по договору право требовать исполненія (въ данномъ случаѣ хозяинъ), отступится добровольно отъ своего права въ цѣломъ договорѣ, то дѣйствіе договора прекращается». А такъ какъ условіе личнаго найма—тоже обыкновенный договоръ, съ чѣмъ согласно и гражд. кассац. рѣш. 1867 г. № 70, то за отступленіемъ хозяина отъ принадлежавшаго ему права требовать физическаго труда работника въ теченіе года, рѣшеніе судьи оказывается неправильнымъ. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти основанія парализуются 2238 ст.; она безусловно возбраняетъ работнику отходить отъ хозяина, а послѣднему отказать первому прежде истеченія срока, означеннаго въ условіи. При этомъ она допускаетъ единственное изъятіе—освобождаетъ работника и до срока вслѣдствіе смерти хозяина, если договоръ заключенъ на имя одного хозяина, безъ распространенія на его наслѣдниковъ.

Все вышеизложенное доказываетъ существенную необходимость измѣненія, сообразно требованіямъ времени, статьи I главы, 4 раздѣла 1 ч. X Т., и дополненія 2238 ст. перечисленіемъ въ ней тѣхъ случаевъ, когда договаривающіеся могутъ расторгать условіе. Сюда должны быть отнесены случаи, въ родѣ, напр., слабосилія при тяжелой работѣ, нерадѣнія работника, несчастія, постигшаго котораго либо изъ договаривавшихся и препятствующаго ему исполнить условіе и проч.

Словомъ необходимо, установить взаимныя ихъ отно-

шенія на правильныхъ, разумныхъ началахъ, которыя вывели бы обѣ стороны изъ теперешняго неопредѣленнаго ихъ положенія относительно другъ друга. Въ доказательство же неудобства существующихъ отношеній личнаго найма, укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Мать дѣвочки, отданной въ обученіе къ модисткѣ, жаловалась на то, что та изнуряетъ ея дочь работою, заставляя ее трудиться не только днемъ, но и ночью, да еще бьетъ ее. Все это предусмотрѣно 2237 ст. 1 ч. X Т. Модистка возражала, что она съ дѣвочкою поступаетъ въ предѣлахъ именно помянутой статьи, которая возбраняетъ хозяевамъ только «безъ причины наказывать учениковъ», а такъ какъ она била дѣвочку за шалости и лѣность, то дѣйствія ея не могутъ быть названы безпричинными. Кромѣ того, модистка заявила, что хотя та же самая статья воспрещаетъ обременять учениковъ и ученицъ «излишнею и необыкновенною по ремеслу работою», но ея работа всегда самая обыкновенная: всѣ, живущія у нея мастерицы и ученицы сидятъ за шитьемъ столько времени, сколько потребно на изготовленіе вещей къ предположенному сроку.

Наконецъ, она утверждала, что невозможно разграничить понятія о нормальной и излишней работѣ. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, въ совокупности взятымъ, модистка не считала себя погрѣшившею противъ приведенной статьи. И судья оправдалъ ее.

Другой примѣръ. Отецъ ученика заявляетъ судьѣ, что хозяинъ-мастеръ продержалъ его сына на побѣгушкахъ и въ кечествѣ прислуги 3 года, не выучивъ его рѣ-

шительно ничему въ теченіе этого времени. Поэтому онъ проситъ взыскать съ мастера по 50 р. въ годъ, всего 150 р., на основаніи 2240 1 ч. X Т. Къ этому отецъ ученика присовокупляетъ, что еслибы его сынъ былъ «больной, неспособный къ наукѣ», какъ говорится въ помянутой статьѣ, то мастеръ обязанъ былъ по прошествіи 6 мѣсяцевъ со дня заключенія контракта извѣстить его объ этомъ. Мастеръ, съ своей стороны, возражаетъ, что училъ ученика, какъ того требуетъ 2237 ст., «порядочно» и къ домашнему своему служенію, согласно той же статьѣ, его «не принуждалъ», слѣдовательно, еслибы мальчикъ самъ не предпочиталъ обязанности прислуги шитью, то былъ бы исключительно занятъ шитьемъ. Если же выходило на оборотъ, то вина падаетъ на самого мальчика и его отца, который плохо слѣдилъ за успѣхами своего сына, хотя часто посѣщалъ его въ мастерской. Наконецъ онъ, мастеръ, по своему разумѣнію, всегда считалъ мальчика способнымъ къ портняжеству, а теперь признаетъ его достаточно научившимся, хотя и не въ совершенствѣ, которое впрочемъ дается весьма немногимъ. Оттого предъявленный къ нему искъ оказывается, по его мнѣнію, неправильнымъ. Судья, не озаботившись даже узнать при помощи экспертовъ, что именно умѣетъ мальчикъ шить (122 ст. Уст. гр. судопр.), отказалъ отцу въ искѣ по бездоказательности, за силою 81 ст. гр. суд.

Юноша, окончившій срокъ обученія обойному ремеслу, объяснялъ, что безукоризненно проживъ 6 лѣтъ сряду у хозяина, онъ хорошо выучился своему дѣлу. Затѣмъ онъ не согласился долѣе оставаться у него за предло-

женное малое жалованье, такъ какъ другой мастеръ даетъ ему гораздо большее вознагражденіе. Разсердившись на него за это, хозяинъ отказывается снабдить его, согласно 2244 ст. 1 ч. X Т., одобрительнымъ свидѣтельствомъ, безъ котораго новый хозяинъ не рѣшается принять его, опасаясь въ противномъ случаѣ быть привлеченнымъ къ суду и подвергнуться отвѣтственности по 1362 ст. Улож. о наказ. и 61 ст. Уст. о наказан., налагаем. мир. судьями (до 10 р. штрафу). Кромѣ того, и самъ онъ, подмастерье, желалъ бы избѣгнуть штрафа въ 5 р., согласно 1376 ст. Улож. о наказ. Вслѣдствіе всего этого, онъ просилъ понудить перваго хозяина выдать ему необходимое свидѣтельство, безъ котораго его никто не приметъ въ мастерскую. Хозяинъ - мастеръ возражалъ, что хотя 2244 ст. дѣйствительно предписываетъ мастерамъ снабжать отходящихъ отъ нихъ подмастерьевъ и учениковъ свидѣтельствами, «какія они заслужили по вѣрности, послушанію, почтительности, прилежанію, искусству и поведенію своему»,—но претендующій на такое свидѣтельство былъ грубіянъ, лѣнтяй и кутила, а потому онъ не можетъ дать ему одобрительное свидѣтельство, а отъ неодобрительнаго истецъ самъ отказался. Послѣ непродолжительнаго пререканія между сторонами касательно подтвержденія ихъ словъ, судья отказалъ юношѣ въ свидѣтельствѣ, предоставляя ему вѣдаться съ хозяиномъ въ ремесленной управѣ, такъ какъ 2245 ст. Улож. гласитъ: «цѣховой мастеръ, не давшій подмастерью, или ученику свидѣтельства, на полученіе коего онъ имѣлъ право,—безъ справедливаго на сіе основанія,—и въ томъ

изобличенный, подвергается по рѣшенію Ремесленной Управы, взысканіямъ, опредѣленнымъ въ 1382 ст. Улож. (5 р. въ пользу ремесленной казны, выдачѣ свидѣтельства и вознагражденію понесенныхъ обиженнымъ чрезъ то убытковъ).

Казалось бы, чего еще раціональнѣе? Обратившись въ Управу, доказать тамъ свою правоту посредствомъ свидѣтелей, бывшихъ сожителей, и получить полное удовлетвореніе съ виновнаго. Кажется, не трудно? Но вѣдь Управа не новый судъ и добиться отъ нея толку мудрено.

Выслушавъ рѣшеніе, юноша заплакалъ, заявляя во всеуслышаніе, что теперь онъ никогда не добьется свидѣтельства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не быть ему пристроеннымъ: въ Ремесленной Управѣ, какъ ему извѣстно по опыту, всегда хозяева правы, стало быть туда не стоитъ напрасно и обращаться.... И дѣйствительно, сколько ни приводилось намъ слышать подобныхъ разбирательствъ,—а слышали мы ихъ множество,—всѣ подмастерья и ученики единогласно утверждали, что въ Ремесленной Управѣ нѣтъ ни расправы на хозяевъ, ни справедливости вообще.

Мы думаемъ, что приведенныя нами обстоятельства громко кричатъ о несостоятельности суровой I главы 4 раздѣла 1 ч. X Т., указывая на необходимость радикальнаго исправленія этого устарѣвшаго и непригоднаго къ употребленію закона.

ЗАМѢТКИ

О СУДЕБНЫХЪ ПРИСТАВАХЪ.

ЗАМѢТКИ

О СУДЕБНЫХЪ ПРИСТАВАХЪ.

О дѣятельности судебныхъ приставовъ С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда.

Людямъ, знакомымъ съ судебными уставами 20-го ноября 1864 года, хорошо, конечно, извѣстно, что порядокъ дѣйствій судебныхъ приставовъ по исполненію ими судебныхъ рѣшеній удобопонятно и послѣдовательно изложенъ въ 933—1255 ст. Уст. гражд. судопр. Читая эти статья закона, невольно думаешь, что быть судебнымъ приставомъ весьма легко, просто, и человѣку, пріобрѣвшему названную должность, остается только благословлять судьбу за ея покровительство ему. О томъ же, что именно происходитъ въ тѣхъ частныхъ квартирахъ, въ которыхъ совершаютъ свои дѣствія судебные пристава, знаютъ весьма немногіе даже и изъ юристовъ, тогда какъ примѣненіе закона къ живой дѣйствительности чрезвычайно поучительно и достойно самаго серьезнаго вниманія во многихъ отношеніяхъ. И вотъ, чтобы показать: во 1-хъ, насколько законъ нашъ далекъ еще отъ совершенства и нуждается въ дополненіяхъ, разъясненіяхъ и проч.; во 2-хъ, какую стра-

дательную роль часто играютъ судебные пристава, выполняя возложенную на нихъ закономъ обязанность,— мы представляемъ ниже вниманію читателя нѣкоторыя черты изъ дѣятельности судебныхъ приставовъ столичнаго мироваго суда, черты, кромѣ юридическаго ихъ значенія, которое онѣ безспорно имѣютъ, весьма рельефно характеризующія нравы различныхъ слоевъ здѣшняго общества.

Объяснивъ цѣль нашихъ замѣтокъ, скажемъ, что кругъ дѣйствій судебныхъ приставовъ заключается, главнымъ образомъ, во взысканіяхъ, обращенныхъ на движимость должника, въ охраненіи имущества, оставшагося послѣ умершихъ, въ возстановленіи нарушеннаго владѣнія (очисткѣ квартиръ), и въ задержаніи несостоятельныхъ должниковъ.

I. Должники не платятъ денегъ и не отвѣчаютъ на повѣстку, а потому приставъ поступаетъ согласно 942 и послѣдующихъ статей Уст. гражд. судопроизводства.

Не получивъ отвѣта на повѣстку о внесеніи присужденныхъ 80 руб. и предложивъ взыскательницѣ придти на квартиру должницы къ извѣстному часу, приставъ, когда наступило время, отправился туда одинъ. Заставъ должницу въ передней ея квартиры готовою къ выходу, онъ потребовалъ деньги. Должница отвѣчала, что не въ состояніи заплатить. Приставъ посовѣтовалъ ей войдти въ какое нибудь миролюбивое соглашеніе съ взыскательницею, такъ какъ въ противномъ случаѣ ея имущество опишется и продастся съ молотка, отчего она понесетъ убытокъ: за вещи при публичной продажѣ даютъ слиш-

комъ низкія цѣны. Должница возразила, что ни на какіе компромиссы съ взыскательницею не пойдетъ, а описать свое имущество не позволитъ. Приставъ замѣтилъ, что не позволить она не вправѣ, а если рѣшится сдѣлать это, то онъ призоветъ, согласно 316 ст. Учрежд. Суд. Уст., полицію, для содѣйствія къ приведенію въ исполненіе судебнаго рѣшенія.

—Такъ я-же вамъ на дѣлѣ докажу, что не позволю, вскрикнула должница и, выбѣжавъ изъ квартиры, заперла снаружи дверь и ушла...

Все это она совершила съ такою быстротой, что приставъ не успѣлъ ее остановить; очутившись запертымъ въ квартирѣ, въ которой кромѣ него никого не оказалось, онъ отворилъ форточку на улицу и сталъ звать на помощь. Къ окну подошелъ городовой и, узнавъ въ чемъ дѣло, отозвался, что частному человѣку онъ помогъ бы освободиться, а приставу нѣтъ: онъ, какъ оффиціальное лицо, долженъ, если ему нужно содѣйствіе полиціи, вытребовать ее отношеніемъ изъ участка, а онъ, часовой, не вправѣ отлучиться съ поста до тѣхъ поръ, покуда его замѣнятъ другимъ, либо непосредственное его начальство ему прикажетъ. Ничего болѣе не слушая, городовой ушелъ. На счастье пристава, на улицу вскорѣ вышелъ домоуправляющій, который и распорядился выпустить его изъ западни. Слѣдующимъ утромъ къ нему явилась должница съ деньгами и повинною за вчерашнее ея самоуправство, причемъ наивнѣйшимъ манеромъ объяснила, что, опасаясь, какъ бы приставъ тотчасъ не распродалъ ея имущество, она, чтобы этому воспрепятствовать, нарочно заперла его у себя въ квартирѣ на

время, покуда съѣздитъ за деньгами, которыя едва достала вечеромъ. Мѣстное же полицейское начальство, которому приставъ жаловался на городоваго, признало его правымъ, на слѣдующихъ основаніяхъ. Во-первыхъ, число городовыхъ въ полиціи въ обрѣзъ и пристава всегда впередъ разсчитываютъ, кого изъ нихъ куда послать, чтобы внезапно не остаться безъ стражи; во-вторыхъ, члены полиціи обязаны являться къ частнымъ квартирамъ, по зову пристава, только: а) при предварительномъ сообщеніи о предполагаемомъ наложеніи ареста на чье либо имущество по одному изъ трехъ пп. 978 ст. Уст. гр. суд., и б) если приставу, какъ гласитъ 316 ст. Учрежд. Судебн. Устан., оказано сопротивленіе. Въ данный же моментъ приставъ заведеннымъ порядкомъ письменно не обращался за помощью къ полиціи; имущества должницы также не арестовывалъ ни по одному изъ пунктовъ 978 ст., а просто сидѣлъ въ ея квартирѣ, и дѣйствительно ли она заперла его какъ пристава, а не какъ частнаго, быть можетъ даже близкаго человѣка—это вопросъ, до полиціи не касающійся, значитъ и факта сопротивленія не существуетъ.

Аргументація эта невольно возбуждаетъ вопросы: какимъ путемъ запертый приставъ могъ письменно сноситься съ полиціей о поданіи ему помощи? Отъ кого онъ вправѣ ожидать въ какихъ бы то ни было критическихъ случаяхъ помощи, какъ не отъ полиціи, которая по 316 ст. Учрежд. Судебн. Устан., обязана ему оказывать ее? Отговорка же о малочисленности городовыхъ (причина воспрещенія имъ помогать приставамъ по ихъ непосредственному требованію), а равно о томъ, что пристава

вслѣдствіе этого должны предварять полицію о присылкѣ члена къ извѣстному времени и мѣсту — слишкомъ несостоятельна: приставъ никогда не можетъ знать заранѣе, понадобится-ли ему членъ полиціи или нѣтъ, а слѣдовательно и не вправѣ указывать въ бумагѣ на несуществующія обстоятельства. Очевидно, что полиція, поступая такъ странно, парализуетъ дѣйствія судебнаго пристава, что, само собою разумѣется, допускаемо быть не можетъ въ силу даже уважительныхъ, но все таки домашнихъ соображеній.

Другое лицо, часто занимая деньги у разныхъ лицъ, не платило ихъ; съ него ихъ взыскивали чрезъ судъ, и судебному приставу не разъ приводилось разсчитываться его имуществомъ. Увидѣвъ себя разореннымъ, должникъ явился, послѣ одной изъ послѣднихъ описей его пожитковъ во время его отсутствія изъ квартиры, къ предсѣдателю съѣзда съ словесною жалобою на неправильныя будто бы дѣйствія пристава и на то, что онъ похитилъ у него салфетки. Предсѣдатель объявилъ ему, что если онъ желаетъ преслѣдовать пристава за кражу салфетокъ, то пусть подастъ письменную жалобу и тогда онъ, предсѣдатель, предастъ пристава суду; но если обвиненіе не докажется, тогда претендентъ самъ будетъ преданъ уголовному суду за оклеветаніе пристава. Должникъ ушелъ, да такъ и не подавалъ прошенія.

Арестъ имущества должника можетъ быть произведенъ, по 942, 947, 969 и 972 ст., и безъ присутствія которой либо изъ заинтересованныхъ сторонъ. Обстоятельство это въ практикѣ вызываетъ безпрерывныя затрудненія и непріятности. Очень многіе, напр., должники, предувѣ-

домленные судебнымъ приставомъ о грозящей имъ за невнесеніе къ назначенному сроку денегъ описи имущества, нарочно предъ самымъ приходомъ пристава скрываются изъ своихъ квартиръ, разсчитывая этимъ способомъ, съ одной стороны—уклониться отъ платежа, а съ другой—хоть насолить, по крайней мѣрѣ, противнику, или даже приставу. То и другое имъ, по неясности закона, удается: приставъ, найдя квартиру должника запертою, отворяетъ ее, по правилу, установленному въ 1 и 3 пп. 978 ст., чрезъ слесаря; потомъ взыскатель оцѣниваетъ оказавшееся въ ней имущество (ст. 1001), а приставъ, придерживаясь этой оцѣнки, описываетъ и опечатываетъ оцѣненные предметы на сумму, равную взыскиваемой; когда же долгъ малый, а имущество большое, онъ арестовываетъ лишь часть его, оставляя излишекъ свободнымъ. Засимъ, совершивъ свое дѣйствіе, приставъ не можетъ, разумѣется, ждать въ квартирѣ возвращенія въ нее должника, чтобы отдать ему опечатанныя вещи на храненіе, а неопечатанныя—для его употребленія. Оставить квартиру безъ людей отворенною, понятно, тоже нельзя: изъ нея могутъ распропасть не только неопечатанные, но и опечатанные предметы.

И вотъ приставъ, покончивъ опись, по заведенному порядку, какъ въ личныхъ видахъ, такъ и въ интересахъ сторонъ, запираетъ квартиру и прикладываетъ къ дверямъ ея печать, чтобы чего нибудь не вытащили съ подобраннымъ ключемъ, чему бывали, говорятъ, примѣры. Но тутъ-то и захлестывается тотъ гордіевъ узелъ, котораго законъ нашъ не распутываетъ.

Должникъ, освѣдомившись впослѣдствіи, что опись

произведена въ его отсутствіе, а квартира запечатана,— вмѣсто того, чтобы обратиться къ судебному приставу съ просьбою о впускѣ его въ нее, жалуется въ судъ, что приставъ лишилъ его оплаченнаго имъ пріюта, отчего онъ потерялъ добываемый имъ заработокъ, а если у него, по его соображенію, отъ описи остался избытокъ имущества, то онъ присоединяетъ еще и то, что у него отняли возможность пользоваться этимъ избыткомъ, извлекать изъ него представлявшіяся ему выгоды. Словомъ, онъ жалуется, что нарушили его право владѣнія, или даже расхитили его добро. Отсюда онъ выводитъ основаніе получить вознагражденіе за понесенные имъ убытки какъ со взыскателя, такъ и съ судебнаго пристава за его упущеніе, согласно 953 ст. Большинство такихъ лицъ, правда, проигрываютъ затѣваемые ими процессы (иные, впрочемъ, и выигрываютъ); тѣмъ не менѣе, взыскатель и судебный приставъ тягаются, много разъ вызываются къ отвѣту и тѣмъ отвлекаются отъ своихъ занятій.

Далѣе, всѣ расходы по исполненію рѣшеній взыскиваются, согласно 958 ст., съ должника или изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи его имущества, какъ гласитъ 1060 ст. Въ данный моментъ слесарь, отпирая дверь, сломалъ замокъ, поправилъ его, подобралъ ключъ, и такъ или иначе, употребилъ время и матеріалъ, за что ждетъ платы тотчасъ, иначе никакой рабочій не пойдетъ работать. Между тѣмъ, должника, который долженъ заплатить слесарю, на лицо нѣтъ; имущество его распродастся чрезъ 2—3 недѣли; взыскатель, въ силу 958 ст., не даетъ денегъ,—стало быть, приставъ поневолѣ обязанъ разсчитываться за должника изъ собственнаго кармана,

рискуя, впрочемъ, и не вернуть затраты въ случаяхъ, въ родѣ слѣдующихъ: имущество арестовано въ обезпеченіе иска, который впослѣдствіи признанъ неправильнымъ; арестъ наложенъ на имущество не того лица, которому оно принадлежитъ (напр., въ меблированныхъ комнатахъ), по неясности рѣшенія, по ошибочному указанію истца и т. п. Съ кого же, спрашивается, приставъ взыщетъ свои собственныя деньги? Положительно не съ кого. Въ этомъ убѣждаетъ насъ еще слѣдующее соображеніе: за неправильно вчиненный искъ истецъ платитъ, во-первыхъ, только издержки производства (133 ст.,—слѣдовательно, не за поправку замковъ), а во-вторыхъ, одному лишь отвѣтчику; расходъ пристава сюда, повидимому, не можетъ быть отнесенъ; если же, съ натяжкою конечно, предположить, что можетъ, то какимъ порядкомъ долженъ онъ произвести это взысканіе? Судебнымъ? Но онъ вѣдь не частное лицо, дававшее другому въ долгъ. Административнымъ, чрезъ полицію? Но 3 ст. Уст. гр. суд. положительно воспрещаетъ это.

Такимъ образомъ, недостатокъ прямаго закона очевиденъ, и, чтобы устранить всѣ вышеуказанныя неурядицы, часто повторяющіяся въ практикѣ, было бы полезно сдѣлать явку должника къ описи обязательною, съ тѣмъ, чтобы въ противномъ случаѣ онъ лишался права жаловаться на неправильно произведенныя описи и оцѣнку. За бездоказательное же обвиненіе пристава въ расхищеніи имущества слѣдовало бы подвергать отсутствовавшихъ должниковъ взысканію, какъ за оскорбленіе пристава словами при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей: страхъ наказанія воздержалъ бы многихъ отъ

обидныхъ, во всякомъ случаѣ, нареканій въ кражѣ и т. п.

Къ приставу является повѣренный взыскателя и проситъ его отправиться съ нимъ прямо описать, на основаніи 969 и 971 ст., имущество должника. Приставъ исполняетъ его желаніе; оба идутъ въ толкучій рынокъ, въ лавку отвѣтчика, сперва разсматриваютъ тамъ разныя вещи, подъ видомъ покупателей, а потомъ объявляютъ ему настоящую цѣль своего посѣщенія. Торговецъ взываетъ къ милосердію надъ нимъ и надъ его семействомъ, падаетъ даже на колѣни предъ кредиторомъ, но тотъ неумолимъ: деньги, или опись. Между тѣмъ, вѣсть о предполагаемой въ лавкѣ торговца описи его имущества мигомъ облетаетъ рынокъ и въ лавку сбѣгается множество народу: кто съ роспискою, кто съ векселемъ хозяина, кто со счетомъ забраннаго у него для торговли товара,—и всѣ неотступно требуютъ деньги, вещи, матеріалы. Торговецъ разсчитывается съ кредиторами, которые шумятъ, толкаютъ другъ друга, стремясь скорѣе выручить свое добро. Проходитъ часъ времени и въ лавкѣ, въ которой было до роковаго часа товару слишкомъ на пять тысячъ руб., не остается ровно ничего. Этого мало: нѣсколько человѣкъ, на долю которыхъ ничего не досталось, разъярены до того, что только присутствіе пристава и городоваго мѣшаетъ имъ схватиться съ должникомъ въ рукопашную. Торговецъ, окинувъ наконецъ тоскливымъ взглядомъ голыя стѣны лавки, зарыдалъ точно ребенокъ, захлопнулъ двери лавки и поплелся, понуря голову, вдоль ряда... А торговцы-сосѣди, вмѣсто сочувствія, которое они естественно должны бы, кажется, выказать къ несчастному собрату, провожали его неистовымъ хохотомъ и насмѣшками.

—Много-ли, NN, барыша нажилъ? кричали ему вслѣдъ одни, теребя его за полы.

— Не въ яму-ли (долговое), NN, идешь-то?—останавливали его другіе:—ежели туда—кланяйся нашимъ!..

Вышеописанное печальное явленіе даетъ намъ также поводъ войти въ разсмотрѣніе значенія 971 ст. въ практикѣ.

Законодатель, создавъ эту статью, желалъ одного—предупредить сокрытіе имущества въ періодъ времени отъ полученія должникомъ повѣстки до истеченія срока, назначеннаго ему для доставленія денегъ. Цѣль, безспорно, прекрасная, но достичь ее возможно лишь въ томъ случаѣ, когда судебный приставъ получаетъ для исполненія въ недѣлю два-три листа, какъ въ окружномъ судѣ. Если же ему ихъ доставляютъ (въ здѣшнемъ мировомъ судѣ) 10—15 въ день, то 971 статья физически невыполнима. Изъ 10 взыскателей половина непремѣнно требуетъ, ссылаясь на помянутую статью, чтобы приставъ тотчасъ шелъ съ ними описывать, ибо они опасаются сокрытія должникомъ его имущества; никакіе резоны о невозможности разомъ удовлетворить всѣхъ не убѣждаютъ ихъ въ правдивости словъ пристава. Зная по опыту безполезность споровъ съ взыскателями по этому предмету, одинъ приставъ оригинальнымъ маневромъ доказалъ однажды толпѣ взыскателей безсмысленность ихъ домогательствъ по 971 ст. Это происходило такъ. Въ теченіе часа къ нему набралось съ листами 12 человѣкъ, изъ которыхъ 7 звали его на опись съ ними т о т ч а с ъ. Приставъ пригласилъ всѣхъ семерыхъ слѣдовать за собой къ должникамъ, по очереди ихъ прихода къ нему. Отправились. У перваго должника пробыли, покуда производилась опись, съ 11

часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни; ко второму пришли, вмѣсто 6 ти, только 4 взыскателя; къ третьему, въ 5 часовъ—двое, а къ четвертому и эти уже не пошли за позднимъ временемъ, добровольно отказываясь отъ примѣненія къ ихъ дѣламъ 971 ст.

Итакъ, осязательная невозможность въ точности руководствоваться 971 ст.—со стороны судебныхъ приставовъ, законность требованія по 971 ст.—со стороны публики, и наконецъ то, что эта ст. своимъ безсиліемъ подрываетъ въ народѣ вѣру въ нее, какъ въ законъ,—все это, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ желать, чтобы измѣненіемъ нѣкоторыхъ выраженій статьи принаровить ее къ жизни. Например, можно-бы обязать приставовъ исполнять листы съ заявленнымъ опасеніемъ предпочтительно предъ прочими—не позже двухъ, трехъ дней со времени доставленія имъ этихъ листовъ.

Знаменитый домъ князя Вяземскаго, на Сѣнной площади, населенъ, какъ извѣстно, самымъ отчаяннымъ народомъ; все имущество обитателей его, большею частью, упрятывается въ маленькіе сундучки и столики, а постели ихъ—войлокъ, рогожа, да подъ голову кулакъ. Туда-то, въ одну изъ громадныхъ 3-хъ этажныхъ комнатъ, гдѣ живетъ человѣкъ 50 мужчинъ и женщинъ, въ одно воскресное утро (въ будни почти никого днемъ дома не бываетъ), входитъ приставъ съ взыскателемъ, городовымъ и двумя свидѣтелями, взыскивать съ торгующаго на лоткѣ мясомъ крестьянина 5 руб. Перешагнувъ порогъ двери, всѣ останавливаются въ недоумѣніи: обыватели въ одномъ углу — играютъ въ карты, въ другомъ — хоромъ поютъ обѣдню, въ третьемъ—бранятся, дерутся, въ четвертомъ—

шьютъ, стучатъ, чинятъ отрепья; тамъ и сямъ ревутъ дѣти, лежатъ пары, обнявшись, точно кромѣ нихъ никого въ комнатѣ нѣтъ; въ воздухѣ дымъ, шумъ, крикъ... Приставъ во весь голосъ здоровается, поздравляетъ «почтеннѣйшую публику съ праздникомъ», и только вслѣдствіе употребленнаго имъ этого христіанскаго привѣтствія народъ немного утихаетъ. Приставъ отыскиваетъ должника, предлагаетъ ему отдать взыскателю 5 руб.; тотъ на отрѣзъ отказывается, предоставляя описать и продать его имущество: рваный войлокъ, да деревянный лотокъ; большой же ножъ, которымъ рубятъ говядину, беретъ въ руку и становится въ оборонительное положеніе. Кто-то вскрикиваетъ, что у мясника за пазухой много денегъ. Взыскатель, пользуясь этимъ заявленіемъ, проситъ пристава понудить мясника отдать наличными долгъ, такъ какъ указанное имъ имущество ничего не стоитъ; обыскать его и, если деньги точно найдутся, то отнять изъ нихъ 5 руб.

—Да, у меня есть деньги, дерзко говоритъ мясникъ:—есть, да не про вашу честь; вотъ они (показываетъ пачку ассигнацій и мигомъ прячетъ ее за голенище); но отнять?... Ежели кому жизнь надоѣла — подступитесь (махаетъ въ воздухѣ ножомъ)! «Ребята! Не дайте въ обиду» заключаетъ онъ, «ужо попоштую». Изъ разныхъ группъ моментально сбѣгаются человѣкъ 15—20, окружаютъ мясника и съ угрожающими жестами выводятъ его за дверь, за которою онъ исчезаетъ, а выручившіе его товарищи возвращаются назадъ и разсыпаются по сторонамъ. Обескураженный приставъ тоже уходитъ, сопровождаемый восклицаніями: «Ну, что взяли? Съ насъ, вяземскихъ кадетовъ, взятки, братъ, гладки».

Ясно, что въ подобномъ вертепѣ нельзя исполнить рѣшенія не только съ однимъ, но и съ пятью городовыми, не рискуя поплатиться за это если не жизнью, то здоровьемъ. Тѣмъ не менѣе, законодатель, не предусмотрѣвъ подобныхъ явленій, ввелъ въ уставъ гражд. суд. 952 ст., которая безусловно воспрещаетъ приставу пріостанавливаться дѣйствіемъ по начатому имъ исполненію и за нарушеніе этого грозитъ ему (326 ст. учр. суд. уст.) дисциплинарнымъ и уголовнымъ судомъ и (953 ст. гражд. судопр.) присужденіемъ съ него, въ пользу взыскателя взыскивавшагося капитала, процентовъ и проч., буде докажется, что матеріальные интересы истца пострадали отъ сдѣланнаго приставомъ упущенія. Налагая на пристава столь строгую отвѣтственность, законодатель однако далеко не послѣдователенъ: предоставляя приставу 316 статьею учр., содѣйствіе мѣстной полиціи и даже военной власти, онъ даетъ ему не дѣйствительную, а воображаемую возможность избѣгнуть нарушенія 952 ст. гр. суд. Мы это говоримъ потому, что право пристава пользоваться содѣйствіемъ той или другой власти обусловлено въ 316 ст. учр. оказаннымъ сопротивленіемъ. Проще говоря: начать дѣйствовать онъ вездѣ долженъ обыкновеннымъ порядкомъ съ взыскателемъ и свидѣтелями (972 ст.), а увидѣвъ, что ему сопротивляются, обратиться за силой, по буквальному смыслу 316 ст. учр.; но отнюдь не смѣетъ онъ запасаться силой на случай сопротивленія. Потомъ, содѣйствіе, силу (если оказано сопротивленіе обыкновенному дѣйствію) приставъ можетъ добыть не раньше слѣдующа-

го дня и, по меньшей мѣрѣ, чрез нѣсколько часовъ [1]).

Ему надо написать бумагу о присылкѣ силы въ полицію, въ какой нибудь полкъ, свезти ее по назначенію самому, потому что ему разсыльнаго не полагается; а въ теченіе этого времени весьма легко скрыть какое угодно имущество и еще того легче скрыться должнику. Вотъ онъ и нарушилъ 952 ст., и взыскатель вправѣ преслѣдовать его по 326 ст., учр. и 953 ст. гр. судопр.

И такъ, если сопоставить 952 ст. гр. судопр. съ 316 ст. учрежд., то въ результатѣ оказывается, что, по изложенному нами естественному ходу дѣла, приставу, поступающему согласно 316 ст., положительно нельзя въ то же время не грѣшить противъ 952 ст. Слѣдовательно, необходимо одно изъ двухъ: или измѣнить редакцію 316 ст., дозволивъ приставу заблаговременно, на случай сопротивленія, запасаться одною изъ поименованныхъ силъ, или же дополнить 952 ст. примѣчаніемъ: приставъ, встрѣтивъ сопротивленіе, вправѣ пріостановиться исполненіемъ впредь до явки на мѣсто сопротивленія содѣйствующей силы.

II. Имущество, оставшееся послѣ умершаго, охраняется судебнымъ приставомъ, согласно 1403 и 1404 ст. Уст. гражд. судопр.

Богатая купеческая квартира. Тутъ надлежало охра-

---

[1]) Въ полицейскихъ участкахъ Петербурга отъ 2 до 8 часовъ вечера занятія прерываются, тамъ никого изъ членовъ полиціи не бываетъ и въ періодъ этого времени нельзя получить никакого содѣйствія. Точно также, покуда приставъ отыщетъ полковаго командира, покуда послѣдній распорядится нарядить команду, покуда она сберется и отправится, часовъ 5, навѣрное, минетъ.

нить имущество, состоявшее изъ дома, лавокъ и капитала, оставшихся послѣ владѣлицы. На лицо былъ сынъ покойной, пожилой купецъ, который объявилъ, что не допуститъ уносить капитала, ибо онъ сынъ, стало быть все благосостояніе матери безспорно принадлежитъ ему. Приставъ, прочитавъ ему предложеніе судьи и 1403 ст. гражд. судопр., увѣряетъ его, что онъ обязанъ въ точности охранить все, что найдено въ квартирѣ, но купецъ упорно твердитъ, что знать ничего не хочетъ и никому въ свѣтѣ своихъ денегъ не довѣряетъ. Не желая раздражать купца, приставъ везетъ его съ деньгами (до 300,000 руб.) къ мировому судьѣ; послѣдній поручаетъ приставу внести ихъ на храненіе въ банкъ; купецъ ѣдетъ съ приставомъ туда, присутствуетъ при сдачѣ ихъ, успокоивается и, по выходѣ изъ банка, предлагаетъ приставу въ благодарность за его хлопоты 25 руб. Приставъ не беретъ ихъ. Купецъ удивляется его честности въ наше время, когда никто, по его словамъ, даромъ ничего другому не дѣлаетъ. Приставъ замѣчаетъ ему, что и онъ не даромъ составлялъ опись, вносилъ капиталъ, а получитъ съ него же, купца, по таксѣ до 85 р. Купецъ возражаетъ, что 85 руб. не дастъ, потому что трудъ пристава пустяшный, и отправляется искать адвоката, чтобы отхлопотать эти деньги.

Взявъ для охраненія 300,000 руб., оставшихся послѣ чиновника, приставъ подробно растолковалъ наслѣдникамъ, какъ онъ поступитъ съ деньгами. Это было подъ вечеръ. Вдругъ къ нему являются въ глухую полночь, наслѣдники и настоятельно требуютъ показать имъ полученный капиталъ, а убѣдившись въ его цѣлости, со-

знаются приставу, что сомнѣніе не давало имъ покоя, терзало ихъ и они рѣшились обезпокоить его; черезъ нѣсколько времени опять повторилось свидѣтельство капитала, надъ которымъ наслѣдники, люди образованные, такъ сказать, дрожали.

Въ предыдущихъ двухъ фактахъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія недовѣріе публики къ приставамъ. Вникнувъ въ дѣло поглубже, не трудно понять причину такого недовѣрія. Приставъ беретъ деньги и уноситъ ихъ, а о томъ, куда онъ ихъ дѣвалъ, можно узнать лишь чрезъ нѣсколько дней: это время пройдетъ на сдачу денегъ судьѣ, пока тотъ соберется предложить приставу отвезти ихъ въ банкъ, гдѣ онъ долженъ пройти, наравнѣ съ частными людьми, весь длинный процессъ вклада, ожиданія росписки и проч., и проч. Мало того: приставъ въ пріемѣ изъ квартиры капитала не можетъ дать никому даже квитанціи: онъ не знаетъ, тотъ-ли впослѣдствіи будетъ признанъ судомъ наслѣдникомъ который вручилъ ему капиталъ и на имя котораго онъ написалъ квитанцію, а между тѣмъ человѣкъ, заручившись кватанціею, въ которой говорится, что онъ обладатель значительнаго наслѣдства, можетъ заложить ее, надѣлать подъ нее долговъ, и если капиталъ потомъ присудится другому, то кредиторы обвинятъ пристава въ выдачѣ фальшиваго документа, которымъ онъ ввелъ ихъ въ заблужденіе относительно благосостоянія ихъ несостоятельнаго должника, или вошелъ съ нимъ въ стачку для удобнѣйшаго обмана простаковъ. Подобныя оказіи уже неоднократно здѣсь бывали. Кромѣ того, пристава нерѣдко являются охранять имущество вечеромъ, по недо-

сугу втеченіе дня и, составивъ опись вещамъ, опасаются оставлять въ неизвѣстной квартирѣ капиталъ, боясь чтобы его втеченіе ночи не скрыли, не похитили, напримѣръ при пожарѣ; въ свою очередь и наслѣдники тоже боятся, какъ бы и при нахожденіи его у пристава съ нимъ не произошло нѣчто подобное. И чѣмъ же, спрашивается, наслѣдникъ напримѣръ 30,000 руб. капитала гарантированъ въ его цѣлости въ рукахъ пристава или судьи? Залогъ всѣхъ 30 приставовъ петербургскаго мироваго суда составляетъ 18,000 руб., а такъ какъ ни общимъ совѣтомъ, ни круговою порукою они до сихъ поръ еще не располагаютъ, то въ случаѣ, еслибы приставъ, забравъ 30,000 р., скрылся съ ними, наслѣдникъ могъ бы быть вознагражденъ только единоличнымъ его залогомъ въ 600 руб. На замѣчаніе, которое намъ могутъ сдѣлать, что приставъ изъ-за грозящей ему уголовной кары не рискнетъ растратить чужое добро, мы отвѣтимъ: какъ строго впослѣдствіи ни покарали бы растратившаго, наслѣднику ни чуть отъ того легче не будетъ. До сихъ поръ, правда, еще не было примѣровъ утайки или растраты приставами охраненныхъ ими денегъ и сомнѣваться въ ихъ честности нѣтъ повода. Но многія растраты земскими дѣятелями и мировыми судьями общественныхъ денегъ невольно наводятъ на мысль, что и съ кѣмъ нибудь изъ приставовъ это возможно въ будущемъ. Отсюда, страхъ внезапно лишиться состоянія совершенно естественъ со стороны любаго наслѣдника, а сопротивленіе, оказанное тѣмъ или другимъ изъ нихъ приставу при охраненіи имъ капитала, вполнѣ согла-

суется съ существующимъ въ нашемъ обществѣ порядкомъ вещей.

Замѣтимъ кстати насчетъ мировыхъ судей: кажется, было бы необходимо, чтобы судьи не держали у себя охранительныхъ капиталовъ свыше напримѣръ 100 руб. на отдѣльную личность, и чтобы судебные пристава тотчасъ по полученіи таковыхъ изъ квартиры умершихъ прямо отвозили ихъ въ банкъ, а гдѣ его нѣтъ—въ его конторы, въ губернскія и уѣздныя казначейства, совмѣстно съ однимъ изъ наслѣдниковъ, буде послѣдніе того пожелаютъ, росписки же кредитныхъ учрежденій въ пріемѣ денегъ передавали бы судьямъ на храненіе, до утвержденія наслѣдниковъ въ ихъ правахъ.

Мы думаемъ также, что необходимо учредить совѣтъ судебныхъ приставовъ съ круговою порукою, по примѣру окружнаго суда. Введеніемъ совѣта общество значительно обезпечится относительно капиталовъ, ввѣряемыхъ приставамъ, которые и сами внимательнѣе станутъ слѣдить за дѣйствіями другъ друга, чтобы не поплатиться за сослуживца, чтобы имѣть товарищемъ хорошаго, честнаго человѣка. Пристава давно уже домогаются получить разрѣшеніе на учрежденіе совѣта, но почему-то это имъ не удается. Необходимо наконецъ вмѣнить въ обязанность банку и другимъ ему подобнымъ учрежденіямъ, принимать отъ судебныхъ приставовъ охраненные ими капиталы на сбереженіе, чрезъ своихъ дежурныхъ кассировъ, казначеевъ и прочихъ лицъ, во всякое время, не исключая праздниковъ, а не въ извѣстные только часы дня, какъ теперь. Такого рода мѣры разомъ разсѣятъ всѣ недоумѣнія, положатъ конецъ недовѣрію

къ дѣятелямъ мировой юстиціи, и разомъ предупредятъ возможность растраты и прочихъ дурныхъ послѣдствій.

Приставъ является на охраненіе въ холодную, грязную подвальную конуру, гдѣ глазамъ его представляется: въ переднемъ углу на доскахъ, примощенныхъ на полѣньяхъ дровъ, покойникъ; въ заднемъ—кровать и на ней, прижавшіеся другъ къ другу, мальчикъ 8 и дѣвочка 6 лѣтъ; лежатъ они и дрожатъ отъ стужи, недостатка пищи и прочихъ спутниковъ нищеты, которая царитъ вокругъ нихъ. Квартирная хозяйка, такая-же нищая старуха, на разспросы пристава о личности ея усопшаго квартиранта, повѣдала ему, что покойникъ—чиновникъ, отецъ малютокъ, служилъ въ одномъ изъ здѣшнихъ департаментовъ лѣтъ 15 сряду, по сокращеніи штатовъ недавно остался лишнимъ, хоть и былъ человѣкъ трезвый и къ службѣ прилежный. Жена его умерла за полгода раньше его; самъ онъ, тщетно искавши приличнаго для себя труда, пошелъ наконецъ въ поденьщину и, таскавши въ началѣ весны дрова съ барки, безъ привычки, надорвалъ свои силы, простудился, слегъ и покончилъ разсчетъ съ жизнью, не отвѣдавъ даже лекарства: ни одинъ докторъ,—а обращалась она ко многимъ—не хотѣлъ помочь бѣдняку даромъ, заплатить же было нечѣмъ; лежитъ онъ на доскахъ 3-й день тоже потому, что не на что гроба купить, могилу заказать....

— Господи! съ отчаяньемъ воскликнула старуха:—и въ землю то безъ денегъ закопаться нельзя!....

Закончила она тѣмъ, что хоть покойникъ и ей не отдалъ 5 руб. за квартиру, на что имѣетъ исполнитель-

ный листъ судьи, а все таки она недѣли три сряду кормитъ чужихъ малютокъ, себѣ во всемъ отказывая: жаль ихъ уморить голодомъ. Въ бумагахъ чиновника приставъ нашелъ одну, изъ которой явствовало, что покойникъ не получилъ еще за мѣсяцъ заштатнаго жалованья 20 руб., слѣдовательно деньги эти, а равно имущество, рублей на 10, принадлежатъ дѣтямъ, какъ наслѣдникамъ. Безъ скарба дѣти обойтись не могли, а потому приставъ оставилъ его на храненіе старухѣ, давъ ей отъ себя 5 руб. на пропитаніе малютокъ, о погребеніи трупа на казенный счетъ сообщилъ мѣстной полиціи, объ остальномъ мировому судьѣ, а тотъ сиротскому суду, для назначенія въ самоскорѣйшемъ времени опекуна надъ дѣтьми и ихъ имуществомъ, какъ то обусловлено 952 и 960 ст. Уст. гражд. судопр.

Охраненію подлежитъ, какъ сказано въ 1403 ст. гражд. судопр., всякое состояніе—на милліонъ-ли, на три-ли рубля, все равно. Къ тому и другому судъ одинаковымъ порядкомъ вызываетъ, согласно 1402 ст., всѣхъ наслѣдниковъ посредствомъ газетныхъ публикацій, а раздѣлу или вводу во владѣніе предшествуетъ непремѣнно судебное опредѣленіе (1408 и 1409 ст.). Законъ этотъ крайне стѣснителенъ для бѣдныхъ, подобныхъ названнымъ малюткамъ. Сиротскій судъ назначаетъ обыкновенно опекуновъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя отъ времени полученія о томъ заявленія, такъ что въ періодъ столь долгаго ожиданія дѣти, навѣрное, могутъ съ голоду умереть; о нихъ никто не обязанъ пещись. Чтобы утвердить дѣтей въ правахъ наслѣдства на отцовскіе гроши и лохмотья, опекуну придется потратить въ

судебной процедурѣ столько хлопотъ, а отчасти и денегъ, что овчинка не окупитъ, какъ говорится, ея выдѣлки. Съ этой точки зрѣнія, казалось бы логичнымъ и вполнѣ справедливымъ изъять, въ интересахъ бѣдняковъ, изъ охраненія и слѣдующаго за нимъ формальнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства малоцѣнныя движимыя имущества, напримѣръ стоющія до 30—50 руб., а также и капиталъ на эту цифру, предоставивъ мировымъ судьямъ, по удостовѣреніи судебныхъ приставовъ о томъ на мѣстѣ, прямо отдавать такія наслѣдства въ полное распоряженіе наслѣдниковъ, оказавшихся на лицо въ моментъ смерти лица, послѣ котораго они являются наслѣдниками, т. е. пріурочить мелкое наслѣдство къ 134 ст. гражд. судопр., объ окончательныхъ рѣшеніяхъ мировыхъ судей на сумму въ 30 руб.

Точно также не слѣдуетъ, кажется намъ, охранять имущество лицъ, умершихъ въ больницахъ, если оно состоитъ, какъ это почти постоянно бываетъ, въ одномъ платьѣ или и въ деньгахъ не свыше 30 руб. Гораздо лучше было бы предоставить больничному начальству выдавать оставшееся родственникамъ умершихъ, на основаніи удостовѣренія мѣстной полиціи о томъ, что предъявитель есть дѣйствительно то лицо, которое состоитъ отправленному въ больницу женою, отцемъ, братомъ, или сестрою и жило совмѣстно съ нимъ тамъ-то. Такъ дѣлалось до введенія въ Петербургѣ судебной реформы, такъ дѣлается въ нѣкоторыхъ мировыхъ участкахъ и доселѣ, потому что судьи находятъ себѣ неподсудными этого рода дѣла. При введеніи повсюду предлагаемаго нами способа, кромѣ сокращенія хлопотъ и тратъ для

частныхъ лицъ, получится и другая несомнѣнная выгода: у судей уменьшится число пустыхъ дѣлъ, введется полное однообразіе, гармонія въ дѣйствіяхъ по данному предмету, а также прекратятся пререканія съ полиціею.

Для охраненія имущества умершаго въ Чекушахъ крестьянина является туда приставъ и находитъ тамъ одну одежду, стоющую не болѣе рубля, тогда какъ за проѣздъ туда и обратно приставъ заплатилъ извощику 2 руб. *). Мало того, и самыя отрепья хранить никто не берется.

Случаи, когда обыватели отказываются взять имущество на храненіе, въ практикѣ столичныхъ судебныхъ приставовъ бываютъ сплошь да рядомъ, особенно если имущество малоцѣнное, скоро портящееся, хрупкое и т. под. По усвоенному въ Петербургѣ обычаю, плата за квартиры взимается впередъ: за малыя — за мѣсяцъ, а за большія—за два, за четыре мѣсяца. Самыя квартиры жители нанимаютъ такія, какія достаточны собственно для ихъ семействъ, и лишнихъ помѣщеній почти ни у кого изъ небогатыхъ людей не бываетъ.— Стало быть, удѣлять изъ своихъ квартиръ помѣщеніе подъ охраняемое имущество и тѣмъ самымъ стѣснять себя, непріятно и тяжело, тѣмъ болѣе, что охранитель,

*) Случаи, гдѣ подлежащее охраненію имущество стоитъ менѣе того, что издерживаютъ пристава на разъѣзды и что слѣдуетъ имъ по таксѣ, здѣсь довольно часты; точно также часты случаи, когда пристава не могутъ взыскать причитающагося имъ вознагражденія вслѣдствіе крайней бѣдности лицъ, съ которыхъ требуется это вознагражденіе.

по 1016 ст., не вправѣ пользоваться охраняемымъ имъ имуществомъ: напримѣръ, если это имущество—мебель, онъ не можетъ ставить ее въ число своей и сидѣть на ней, а долженъ держать ее отдѣльно, не прикасаясь къ ней. Но разъ сдѣлавшись хранителемъ, лицо это, перемѣняя квартиру (что часто дѣлаютъ бѣдные люди), обязано перевозить съ собою и охраняемое имущество. За храненіе и сопряженные съ нимъ расходы полагается, правда, плата, какъ говорится въ 1014 ст., но охранитель получитъ ее, по смыслу 1020 и 1060 ст., изъ суммы, вырученной чрезъ продажу имущества, т. е. впослѣдствіи, тогда какъ за помѣщеніе, въ которомъ оно хранилось, онъ платилъ впередъ; значитъ, невыгодность его положенія и тутъ слишкомъ очевидна. Наконецъ, взятое на храненіе имущество онъ долженъ держать въ гораздо лучшемъ видѣ, нежели свое собственное, беречь его какъ зѣницу ока, иначе за происшедшую порчу, за ломку, потерю чего либо изъ охраняемыхъ предметовъ, его ждетъ отвѣтственность по 1016 и 1017 ст. гражд. судопр. и 1681 и 1682 ст. Уложенія о наказаніяхъ. И вотъ, чтобы не испытывать стѣсненій, не входить въ несвоевременныя издержки, не страшиться ежеминутно кары гражданскаго и уголовнаго закона, остается одно средство—не принимать на себя храненіе чужаго достоянія. Такъ практическіе петербургскіе обыватели и поступаютъ, благо нѣтъ закона для того, чтобы заставить кого либо хранить. Потому приставамъ очень часто приходится просто умолять разныхъ лицъ сдѣлаться хранителями или, для достиженія этого, прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, ухищреніямъ и т. д.

Впрочемъ, для того, чтобы охранить имущество, никѣмъ не одолжаясь, никому его не навязывая съ несбыточными выгодами, есть хорошій способъ: это—сносить его, какъ гласитъ 1009 ст., въ особыя помѣщенія, которыхъ теперь однако еще нѣтъ, не смотря на то, что законодатель видимо желалъ, чтобы они были; иначе ему не зачѣмъ было формулировать помянутую статью: «арестованное имущество отдается хранителю, или же переносится въ особыя помѣщенія.» Чтобы выполнить предначертанія законодателя и избавить судебныхъ приставовъ отъ многихъ хлопотъ и непріятностей, неизбѣжныхъ при отысканіи хранителей, а публику—отъ стѣсненій и опасностей, истекающихъ отъ храненія, остается желать, чтобы Петербургъ (а пожалуй и всѣ города, гдѣ есть новый судъ) обзавелся этими особыми хранилищами. Осуществленіе этой мысли принесло бы, мы увѣрены, очень полезные плоды. Во-первыхъ, ихъ можно бы отдать подъ присмотръ судебныхъ приставовъ, занимающихся по охранительному судопроизводству, и быть совершенно спокойнымъ за цѣлость охраняемаго имущества, тогда какъ теперь, за неимѣніемъ благонадежныхъ добровольныхъ хранителей, имущества нерѣдко отдаются людямъ, которые, не заглядывая въ будущее (отвѣтственность) и стремясь къ одному—поживиться на чужой счетъ,—растрачиваютъ таковыя и потомъ сами скрываются. Во-вторыхъ, содержаніе, напримѣръ, 10 общихъ складовъ обойдется несравненно дешевле, нежели вознагражденіе 1000 отдѣльныхъ хранителей.

III. Человѣкъ добровольно не очищающій занимаемаго имъ въ чужомъ домѣ помѣщенія, нарушаетъ право владѣнія и потому судебный приставъ, согласно 4 п. 29 и 937 ст. Уст. гражд. судопр., возстановляетъ право домохозяина выселеніемъ изъ помѣщенія.

Петербургскіе домовладѣльцы выживаютъ жильцовъ изъ своихъ домовъ главнымъ образомъ за неплатежъ за квартиру, за безпокойства, причиняемыя ими остальнымъ квартирантамъ, а также изъ личныхъ враждебныхъ къ нимъ отношеній.

Одно лицо, располагая скудными средствами, но значительными претензіями на комфортъ, нанимало обыкновенно дорогую квартиру, постепенно должало за нее и, по скопленіи изрядной суммы *), отвѣчало домовладѣльцу: «долженъ — не спорю; отдамъ не скоро, потому что лишнихъ денегъ нѣтъ.» Одни домовладѣльцы довольствовались тѣмъ, что жилецъ этотъ тотчасъ выѣзжалъ; другіе на свой счетъ даже перевозили его въ другія квартиры; третьи хоть и взыскивали съ него чрезъ судъ, но онъ тамъ всякими ухищреніями добивался разсрочки платежа по нѣскольку рублей въ мѣсяцъ. Такъ перемѣнилъ онъ многое множество квартиръ. Наконецъ ему это надоѣло и онъ, давая обязательство выбраться изъ квар-

*) 90, 95 руб., непремѣнно меньше 100 руб.: за эту сумму, за силою 1227 ст. Уст. гражд. судопр., нельзя посадить въ долговое; продажи же имущества этотъ искусникъ тоже не боялся, имѣя всегда въ запасѣ документъ, что оно временно дано ему на прокатъ какимъ то добрымъ другомъ.

тиры къ опредѣленному сроку, не исполнялъ его и по тому судебному приставу приходилось выселять его изъ квартиры. Въ одной изъ послѣднихъ квартиръ, когда ему окончательно пришлось жутко, онъ заявилъ приставу, что жена его нездорова, вслѣдствіе чего онъ, впредь до ея поправленія, не выѣдетъ. Приставъ приглашаетъ доктора освидѣтельствовать больную, которая не дается осмотрѣть ее, говоря что она беременна. Употребить силу опасно: можетъ родить преждевременно и т п.; ей предлагаютъ отправиться въ родильный домъ—не хочетъ. Приставъ становится въ тупикъ. Вдругъ домовладѣлецъ подаетъ его и ея паспорты, изъ которыхъ оказывается, что она вовсе ему не жена. Услышавъ это, она поспѣшно уходитъ изъ квартиры; тогда онъ самъ объявляется больнымъ, но тоже неудачно: докторъ признаетъ его здоровымъ. Настаетъ часъ очистки квартиры, а онъ сидитъ себѣ въ халатѣ, съ сигарой въ зубахъ. Приставъ замѣчаетъ ему, что онъ просто дурачится.

— Я не дурачусь, а поступаю по совѣсти, возражаетъ онъ:—я, 20 лѣтъ прослужившій престолу и отечеству, 10 разъ подвергавшій жизнь свою опасности на войнѣ, пролившій кровь свою на полѣ брани, проживішій на службѣ изрядное собственное состояніе, не имѣю средствъ къ существованію. А домовладѣлецъ - купчишка, плутнями нажившій громадный капиталъ—гонитъ меня съ квартиры за какіе нибудь 80 руб.; этотъ разжирѣвшій мужикъ отказываетъ мнѣ въ пріютѣ за то, что я защищалъ его родину отъ враговъ?! Нѣтъ-съ! Общество обязано содержать насъ и содержать именно на счетъ богачей. Это глубокая, святая истина!

Не смотря однако на глубину этой мысли, дворникъ растворяетъ настежь двери и начинаетъ выносить на дворъ его мелкое имущество. Доходитъ очередь до дивана, котораго онъ одинъ не въ силахъ нести. Приставъ предлагаетъ полицейскому пособить, но тотъ отказывается, говоря что «насъ посылаютъ оказывать вамъ содѣйствіе, а не въ рабочіе, и ежели вы, г. приставъ, понесете — я вамъ помогу или посодѣйствую, но коль скоро вы стоите, то и я ни до чего не дотронусь.» Ни та, ни другая сторона не даютъ рабочаго; холодъ все сильнѣй и сильнѣй чувствуется (это было зимой); прервать исполненіе рѣшенія приставъ не рѣшается въ виду 952 ст.; приняться таскать вещи онъ не обязанъ, да это и роняло бы его оффиціальное званіе. И вотъ, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, онъ нанялъ рабочаго, который, совмѣстно съ дворникомъ, вынесъ на дворъ не только имущество, но и самого жильца съ креслами: онъ добровольно не шелъ. Когда же холодъ пробралъ его насквозь на морозѣ, онъ вскочилъ, схватилъ свою шинель, накинулъ ее на себя, выбѣжалъ на улицу, сѣлъ въ первыя попавшіяся ему извощичьи сани и покатилъ вдоль улицы, сопровождаемый всеобщимъ смѣхомъ.... По уплатѣ приставомъ рабочему рубля за его трудъ, дворникъ тоже присталъ было къ нему, чтобы онъ и его вознаградилъ, такъ какъ и онъ жильцу посторонній человѣкъ.

Предъидущее возбуждаетъ нѣсколько серьезныхъ вопросовъ.

Во-первыхъ, съ кого приставу получить заплаченный имъ рабочему рубль? На основаніи 958 ст., всѣ расхо-

ды по исполненію падаютъ на того, противъ котораго рѣшеніе исполняется: но 15 п. Высочайше утвержденной 16 ноября 1866 года таксы предоставляетъ приставу взыскать причитающееся ему вознагражденіе съ того, по требованію котораго имъ исполнено какое либо дѣйствіе. Очевидное противорѣчіе статьи съ пунктомъ слѣдуетъ, по здравому смыслу, толковать такъ: если жилецъ достаточный, то, согласно 958 ст., онъ долженъ заплатить рубль; если бѣденъ, то, примѣняясь къ 15 п. таксы, рубль этотъ обязанъ внести домовладѣлецъ. Это будетъ, впрочемъ, правильно только по отношенію къ приставу, которому, съ того-ли другаго-ли— все равно, надо взыскать свой рубль. Засимъ, входя въ положеніе истца вообще, мы находимъ, что такой образъ дѣйствій несправедливъ: не получивъ присужденнаго ему долга вслѣдствіе бѣдности отвѣтчика, онъ и безъ того уже въ двойномъ убыткѣ—капитала, да денегъ, употребленныхъ на производство выиграннаго дѣла; за что же, спрашивается, на него возлагается еще третій убытокъ— вознагражденіе пристава, который своимъ дѣйствіемъ не принесъ ему ровно никакой матеріальной выгоды? Развѣ за то, что онъ искалъ съ человѣка несостоятельнаго? Но этотъ поступокъ ни уголовнымъ, ни гражданскимъ закономъ не наказывается. Напротивъ, по 17 ст. Уст. гражд. судопр., всякій признается способнымъ отыскивать на судѣ свои права, въ одинаковой степени какъ съ бѣднаго, такъ и съ богатаго.

Возвращаясь къ предмету нашего разсужденія, мы должны замѣтить, что расходы по исполненію рѣшенія, пристава удерживаютъ, согласно 1020 и 1060 ст.,

изъ продавнаго имущества. Въ данномъ же случаѣ имущество продаваемо не было,—значитъ, удержать рубль не изъ чего было; добровольно ни та, ни другая сторона его не отдали; какимъ же порядкомъ приставъ долженъ искать его хотя съ кого нибудь, въ виду разнорѣчія 958 ст. съ 15 п. таксы? Административнымъ невозможно, какъ мы уже доказали выше, за силою 1 ст. Уст. гр. суд., а при судебномъ—приставамъ, вслѣдствіе частыхъ неплатежей добровольно, пришлось бы безпрерывно судиться съ разными лицами.

Второй вопросъ состоитъ въ томъ, лежитъ-ли на обязанности пристава самое отысканіе рабочихъ? Тутъ мы, не обинуясь, отвѣтимъ отрицательно, имѣя въ виду, что: а) по 952 ст. приставъ не вправѣ прервать начатаго имъ дѣйствія, а не прерывая его нельзя, естественно, уходить искать рабочаго, и б) на отысканіе требуется время, иногда даже значительное, что отвлечетъ пристава отъ прямыхъ, многосложныхъ занятій.

Третій вопросъ: вправѣ-ли полицейскій отказываться помочь выносить имущество, потому лишь, что 316 ст. Учр. Судебн. Уст. предписываетъ полиціи оказывать приставамъ одно содѣйствіе? Если принять слово «содѣйствіе» въ тѣсномъ, буквальномъ его значеніи, то вопросъ этотъ разрѣшается въ пользу полиціи. Но такъ какъ приставъ, по его положенію, ничто иное, какъ руководитель дѣйствія силы, которую онъ пріобрѣтаетъ, между прочимъ, и въ лицѣ полицейскаго,—то стало быть и въ описанный моментъ полицейскій обязанъ, какъ и при сопротивленіи, помогать выносить имущество, т. е. содѣйствовать приставу своей физической силой къ при-

веденію въ исполненіе судебнаго рѣшенія. Все вышесказанное ждетъ обстоятельнаго отвѣта законодательной власти, отъ которой зависитъ развязать руки судебнымъ приставамъ во время ихъ дѣйствій по очисткѣ квартиръ, о чемъ, повторяемъ, въ законѣ ничего не постановлено.

Долго прозвонивъ безполезно въ квартиру двухъ сестеръ, старыхъ дѣвицъ, которыхъ слѣдовало вывести изъ помѣщенія, приставъ распорядился отворить дверь силой. Едва она распахнулась, какъ въ стоявшихъ за нею ударило такою сильною вонью, что всѣ въ замѣшательствѣ отскочили назадъ и заткнули носы. А когда вошли, четверть часа спустя, внутрь, на встрѣчу выбѣжала старуха съ крикомъ: «я царская дочь, я царская дочь; вотъ я васъ! ха, ха, ха!..» Ее схватили и отправили въ больницу (тамъ въ лохмотьяхъ ея платья нашли денегъ около 5,000 руб.), а въ двухъ комнатахъ отыскали до 30 полуживыхъ и уже околѣвшихъ собакъ и кошекъ которыя лежали въ углахъ, въ ящикахъ шкафа, комода, и т. д. Неряшество и крайняя бѣдность наводили тоску, тошноту на зрителей; вмѣсто кровати, на голомъ, вездѣ отвратительно грязномъ полу, былъ насыпанъ тонкимъ слоемъ пухъ, покрытый тряпьемъ. Когда складывали имущество въ одинъ уголъ, а кошекъ и собакъ въ другой, къ послѣднему подошла другая сестра, немножко приличнѣе первой: взявъ по кошкѣ и собакѣ въ руки, она прижала ихъ къ груди, стала ихъ цѣловать и, обращаясь къ публикѣ, съ упрекомъ промолвила:

— Неужто вы не любите этихъ отмѣнныхъ животныхъ? Они право лучше людей.

У нея едва отняли этихъ ободранныхъ, дохлыхъ жи-

вотныхъ; ее самое отправили тоже, кажется, въ больницу, имущество—въ сарай, относительно же кошекъ и собакъ возникъ вопросъ: куда ихъ дѣвать? Выбросить на улицу или въ канаву, значитъ нарушить 102 и 111 ст. Уст. о нак., налаг. миров. судьями; оставить въ квартирѣ—опять противно 952 ст. Уст. гр. суд. Изъ этого затрудненія приставъ вышелъ тоже при помощи своего кошелька: онъ далъ дворнику на чай и тотъ свалилъ животныхъ въ мѣшокъ и спряталъ его за заборомъ двора до вечера—времени пріѣзда золотарей, съ которыми обѣщалъ вывезти ихъ за городъ, вмѣстѣ съ нечистотами.

Хотя у жилицъ и нашлись деньги и вывозъ животныхъ за городъ долженъ былъ произвестись на ихъ счетъ, но онѣ были сумасшедшія, т. е. такія лица, капиталъ которыхъ подлежитъ охраненію, впредь до ихъ выздоровленія или смерти и явки затѣмъ наслѣдниковъ. А такъ какъ то или другое можетъ протянуться годъ и приставу нѣтъ возможности услѣдить, что именно произойдетъ съ старухами впослѣдствіи, то деньги его (конечно, малыя—копѣйки) должны пропасть, что часто случается въ практикѣ. Обстоятельство это тоже достойно вниманія законодателя при разработкѣ крайне недостаточнаго охранительнаго судопроизводства.

Дворники очищаютъ квартиру заведенія проститутокъ самаго низшаго сорта; приставъ съ околодочнымъ надзирателемъ наблюдаютъ за работою, сидя въ парадной комнатѣ. Въ нее входитъ, пошатываясь, взбудораженная, пожилая женщина, садится за фортепіано, поетъ дребезжащимъ, хриплымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на разбитомъ инструментѣ; ее останавливаютъ, она сѣтуетъ,

что ей не дают выплакать горя, и продолжаетъ... Сбѣгаются еще 6—8 такихъ же безобразныхъ, пьяныхъ женщинъ и начинаютъ скакать по комнатѣ, подпѣвая, точно ошалѣлыя. Въ довершеніе всего влетаетъ совершенно голая женщина (это было подъ вечеръ, въ жаркій лѣтній день), и съ крикомъ: «что вы, проклятыя, спокою не даете», бьетъ направо и налѣво; ей отвѣчаютъ тѣмъ же, всѣ вцѣпляются другъ въ друга и дерутся, визжатъ, сыплютъ самыми отборными, площадными выраженіями. Разнять ихъ стоило громадныхъ усилій. Затѣмъ, по разореніи ихъ гнѣзда, содержательница заведенія забираетъ свое имущество, складываетъ его на возъ, бросаетъ своимъ питомицамъ въ лицо ихъ паспорты и уѣзжаетъ. Выгнанныя на дворъ женщины сперва полегли было на землѣ, возлѣ своихъ грошовыхъ пожитковъ, а потомъ, когда полилъ дождь, пристали къ приставу, чтобы онъ ихъ пріютилъ гдѣ нибудь, ибо имъ некуда дѣваться.

Подобное обстоятельство законъ также обходитъ молчаніемъ, и приставу оставалось, такъ сказать, умыть руки. Но присущее всякому чувство состраданія къ ближнему, хотя бы и падшему, подсказываетъ ему помочь несчастнымъ. Поэтому онъ упросилъ околодочнаго свести женщинъ на ночлегъ въ часть. Хорошо еще, что околодочный согласился и стѣны части укрыли ихъ отъ непогоды; но еслибы въ части не было свободнаго мѣста, или еслибы полицейское начальство просто не захотѣло этого сдѣлать, на что оно имѣло полное право, куда-же спрашивается, имъ дѣваться? Единственное спасеніе—совершить проступокъ и быть взятыми въ

часть. Но пріобрѣсть ночлегъ чрезъ проступокъ—способъ слишкомъ печальный...

IV. Несостоятельный должникъ подвергается, на основаніи 1223 и 1224 ст., заключенію въ долговое отдѣленіе, что судебный приставъ приводитъ въ исполненіе согласно 1238 и 1254 ст. Уст. гр. суд.

Получивъ исполнительный листъ и кормовыя деньги (1239 и 1240 ст.), чтобы посадить господина въ долговое, приставъ отправляется съ кредиторомъ въ квартиру должника и, не заставъ его дома, предлагаетъ, чтобы первый указалъ ему послѣдняго, на основаніи 935 ст., дабы кого нибудь другаго не посадить вмѣсто него. Истецъ (за свои же погибшія деньги) ищетъ, повсюду караулитъ отвѣтчика ровно недѣлю. Приставъ предъявляетъ должнику исполнительный листъ и проситъ его отправиться съ нимъ, приставомъ, въ яму. Должникъ заявляетъ, что онъ боленъ. Приставъ приглашаетъ, по 1247 ст., врача освидѣтельствовать его. Но въ назначенный часъ опять не застаютъ его дома. То же самое повторяется три дня сряду. Докторъ находитъ его здоровымъ. Тогда должникъ говоритъ приставу, что считаетъ свое заарестованіе неправильнымъ и потому желаетъ представиться предсѣдателю съѣзда. Приставъ, согласно 1249 ст., привозитъ его въ съѣздъ, оставляетъ въ канцеляріи, идетъ докладывать предсѣдателю въ его кабинетъ, но возвратившись съ нимъ минутъ чрезъ пять, не обрѣтаетъ уже должника: онъ успѣлъ улизнуть между разными людьми. Приставъ, изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности по 953 ст., пускается съ истцомъ въ

*

новые поиски. Среди дня должника нигдѣ не видать, а вечеромъ послѣ 8 и утромъ до 8 часовъ оба застаютъ его дома и онъ, будучи увѣренъ, что въ это время, за силою 1 п. 1246 ст., его не арестуютъ, спокойно принимаетъ ихъ, разговариваетъ съ ними. Но лишь только подходитъ 8 часовъ утра онъ, подъ разными предлогами, ускользаетъ отъ нихъ; то, напримѣръ, жена его вызоветъ на минуту въ другую комнату, то онъ отправляется за нуждой, и т. п. Далѣе, выслѣживая его, приставъ настигаетъ его въ камерѣ суда, но тамъ засѣданіе и, по 4 п. 1246 ст., его нельзя задержать. Приставъ упрашиваетъ городоваго покараулить должника у воротъ, а самъ ждетъ его у параднаго подъѣзда; но тому удалось пробраться чрезъ черный ходъ, сквозной дворъ, и улизнуть. Въ свою очередь, истецъ видитъ его въ церкви, гдѣ, по 2 п. 1246 ст., онъ свободенъ, идетъ изъ нея сзади его и пока ему удалось объяснить городовому, въ чемъ дѣло, должникъ сѣлъ на извощика и уѣхалъ. Мѣстная полиція въ подобныхъ случаяхъ или вовсе отказывается помочь бѣдѣ, или показываетъ видъ будто помогаетъ, а въ дѣйствительности оказываетъ содѣйствіе только вслѣдствіе приказанія свыше. Не поймавъ такимъ образомъ должника впродолженіе цѣлаго мѣсяца, приставъ прибѣгнулъ къ оберъ-полицiймейстеру, по приказанію котораго были отряжены два агента, которые, однимъ только имъ извѣстнымъ способомъ, свели съ должникомъ знакомство, отправились съ нимъ въ гостинницу а предупрежденный объ этомъ приставъ явился туда и, захвативъ его среди обѣда, свезъ въ долговое и сдалъ по назначенію.

Вотъ съ какими неимовѣрными препятствіями, хитро-

стями и хлопотами сопряжено арестованіе ловкаго должника; а такихъ ловкихъ, по словамъ приставовъ, — легіонъ, и пристава почти постоянно ведутъ съ ними такую тяжелую борьбу. Отсюда ясно, слѣдовательно, что выраженныя закономъ условія задержанія не практичны, лишены своей силы въ жизни и, покуда не отмѣнится вовсе заключеніе за долги (о чемъ слышатся частые толки), требуется измѣнить ихъ—эти условія—къ болѣе легкому исполненію судебныхъ рѣшеній по настоящему предмету.

V. Характерные эпизоды изъ практики судебныхъ приставовъ.

Приставъ двукратно возилъ должнику повѣстку объ уплатѣ 120 руб., но въ его квартирѣ ее не принимали, а потому приставъ, придерживаясь 942 и 943 ст. Уст. гр. суд., вручилъ ее дворнику, для доставленія по принадлежности. Прошелъ означенный въ повѣсткѣ срокъ; должникъ ничего не отвѣтилъ. Приставъ отправился къ нему съ взыскателемъ и городовымъ. Ихъ впустили въ квартиру и пристава, человѣка слабосильнаго, марослаго, пригласили къ должнику въ кабинетъ. Ничего не подозрѣвая и желая быть деликатнымъ, онъ отправился туда одинъ, чрезъ цѣлую амфиладу роскошно убранныхъ комнатъ. Хозяинъ, здоровенный, пожилой мужчина, привѣтливо встрѣтилъ его, усадилъ и началъ говорить, что хотя взыскиваемыя съ него деньги и сущая для него бездѣлица, которую онъ можетъ отдать во всякое время, но онъ не хочетъ этого сдѣлать потому, что взыскатель сперва нагрубилъ ему, а потомъ затѣялъ съ нимъ суд-

бище. Оттого онъ проситъ: нельзя-ли наказать взыскателя—не отдать ему долга? Приставъ отвѣчаетъ отрицательно; должникъ настаиваетъ на своемъ, обѣщаетъ даже взятку и, убѣдившись въ безуспѣшности своихъ домогательствъ, ударяется въ амбицію: зачѣмъ приставъ оставилъ повѣстку дворнику, разгласившему о непріятномъ для него дѣлѣ его прислугѣ, въ глазахъ которой онъ теперь скомпрометтированъ; постепенно раздражаясь, должникъ начинаетъ употреблять дерзкія выраженія. Приставъ совѣтуетъ ему воздержаться и повторяетъ, что съ повѣсткою онъ поступилъ по закону.

— Такъ вы все дѣлаете только по закону? Вотъ же вамъ за это!

Онъ схватываетъ пристава мощными руками и начинаетъ его душить... Приставъ напрягаетъ всѣ свои силы, съ отчаяніемъ вырывается отъ него, бѣжитъ къ выходу, поднимаетъ суматоху, но напрасно: ни взыскатель, ни городовой, будучи отдалены отъ мѣста происшествія цѣлымъ рядомъ комнатъ, ровно ничего не слышали. Должникъ же выноситъ, какъ ни въ чемъ не бывало, долгъ и отдаетъ его взыскателю. Приставъ, правда, составилъ было протоколъ, согласно 317 ст. Учр. Судебн. Устан., о совершенномъ надъ нимъ насиліи, но сообразивъ потомъ, что для обвиненія потребуются очевидцы, а у него ихъ нѣтъ, махнулъ рукой, да такъ и оставилъ протоколъ безъ послѣдствій...

Умеръ господинъ. Приставъ является въ его квартиру охранить имущество. Лакей объясняетъ ему, что кромѣ него никого дома нѣтъ, а сестры покойнаго скоро пріѣдутъ. Приставъ остается ждать ихъ, вступаетъ съ ста-

рикомъ въ разговоръ о покойномъ и тотъ, словоохотливо сообщивъ ему нѣкоторыя біографическія подробности, добавляетъ, что сынъ и дочь умершаго въ отсутствіи, а сестры, по его словамъ жадныя, вѣроятно припрятали бывшія у барина деньги. По возвращеніи сестеръ (старыхъ дѣвицъ) приставъ, опечатавъ вещи, спросилъ ихъ: нѣтъ-ли кредитныхъ бумагъ, денегъ, документовъ? Подавая послѣдніе, сестры относительно первыхъ даютъ отрицательный отвѣтъ, хотя приставъ предупредилъ ихъ, что онъ слышалъ, что у покойнаго были деньги.

Приставъ пишетъ опись имуществу, присовокупляя подъ ней, что ни денегъ, ни билетовъ, по показанію сестеръ, нѣтъ, и что если ихъ показаніе впослѣдствіи окажется ложнымъ, то онѣ готовы отвѣчать по 1682 ст. Улож. о нак. Затѣмъ онъ предлагаетъ имъ подписаться. Сестры спрашиваютъ его: что значитъ 1682 ст.? Приставъ читаетъ имъ: «За присвоеніе чужаго имущества.... виновные въ томъ дворяне подвергаются лишенію всѣхъ правъ и заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года».

Сестры теряются, блѣднѣютъ и отказываются подписать. Увидѣвъ, что подозрѣніе лакея не лишено основанія, приставъ объясняетъ сестрамъ, что никто, подъ страхомъ наказанія, выраженнаго въ читанной имъ статьѣ, ничего не смѣетъ самовольно взять себѣ изъ имущества покойнаго; что только судъ, согласно 1410 ст. Уст. гр. суд. и 1317 ст. 1 ч. X т., дѣлитъ между наслѣдниками оставшееся наслѣдство по подсудности (29, 202 и 1408 ст.). Поэтому, если онѣ хотя что нибудь утаили, то пусть лучше представятъ тотчасъ и онъ, снисходя къ ихъ

незнанію закона, впишетъ въ опись и избавитъ ихъ отъ грозящей имъ опасности. Сестры переминаются, переглядываются и уходятъ въ смежную комнату, а приставъ, опасаясь сокрытія, идетъ за ними къ двери и прислушивается.

— И это всѣ деньги приходится отдать? доносится до его ушей дрожащій голосъ.

— Конечно всѣ, тоскливо отвѣчаетъ другой голосъ:— а то вѣдь страхъ что можетъ выдти.

Сестры выносятъ: одна—банковыхъ билетовъ на 2,000 руб., а другая—пачку ассигнацій безъ малаго на такую же сумму, и заявляютъ, что капиталъ этотъ подаренъ имъ самимъ братомъ предъ его кончиной, въ уваженіе ихъ безпомощнаго состоянія безъ него, а потому онѣ полагали, что онъ—ихъ исключительная собственность. Приставъ вноситъ капиталъ въ опись, которую сестры безпрекословно уже подписываютъ, даже при страшномъ добавленіи о наказаніи. Когда же приставъ собрался уходить съ капиталомъ, онѣ пристали къ нему, чтобы онъ хотя сколько нибудь денегъ оставилъ имъ, что онѣ охотно подѣлятся съ нимъ изъ порядочной части, если онъ имъ дастъ ее; но получивъ отказъ, онѣ расплакались, голося, что ихъ ограбили, что имъ безъ денегъ тяжело будетъ жить, тогда какъ дѣти брата вполнѣ обезпечены имѣніями, да кромѣ того, сынъ—службой, а дочь—мужемъ и проч., и проч.

Приставъ приступаетъ къ описи имущества за долгъ въ 80 руб. Должникъ заявляетъ ему, что указанная для описи и находящаяся въ его комнатахъ мебель принадлежитъ не ему, а квартирной хозяйкѣ, у которой онъ

нанимаетъ квартиру съ мебелью. Хозяйка подтверждаетъ слова своего жильца, оба даютъ письменное въ томъ показаніе, а послѣдняя показываетъ еще росписку въ полученіи отъ нея какимъ-то купцомъ денегъ за проданную имъ ей мебель, которая (вся бывшая въ комнатахъ должника) поименована въ роспискѣ. Взыскатель отступается отъ мебели, а проситъ пристава обратить взысканіе на жалованье должника по службѣ его въ одномъ изъ здѣшнихъ департаментовъ. Приставъ, руководствуясь 933, 935, 1085 и 1086 ст. Уст. гр. суд., исполняетъ его просьбу, а департаментъ, согласно означеннымъ статьямъ, удовлетворяетъ взыскателя.

Проходитъ нѣкоторое время и вновь поступившему въ тотъ же участокъ приставу приходится описать имущество содержательницы той самой квартиры, гдѣ жило и продолжало жить лицо, о которомъ рѣчь шла впереди. Въ комнатѣ должницы ничего годнаго въ продажу не нашлось и приставъ, перейдя по указанію взыскателя въ комнаты, занимаемыя жильцомъ, принялся накладывать печати на мебель, стоявшую въ нихъ. Жилецъ объявляетъ, что мебель составляетъ его собственность и, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, показываетъ счетъ, выданный на его имя изъ мебельной лавки. Хозяйка опять подтверждаетъ его показаніе. Приставъ заноситъ все сказанное обоими въ протоколъ (ст. 950), и давъ имъ подписать его, напоминаетъ обоимъ, что когда его предшественникъ хотѣлъ описать мебель за долгъ жильца, то они дали ему письменный отзывъ, что мебель принадлежитъ хозяйкѣ, а теперь, когда ее приходится описать за неплатежъ денегъ хозяйкою—тоже пись-

менно удостовѣрили, что та же самая мебель составляетъ собственность жильца. Кромѣ того, изъ счета лавки видно, что мебель, судя по времени, продана чиновнику гораздо раньше, нежели его предшественникъ предполагалъ ее описать,—слѣдовательно, оба они дали ложное показаніе, а посредствомъ подставныхъ счета, либо росписки, скрываютъ имущество другъ друга, смотря по надобности, и договоры ихъ, по смыслу 2 п. 1529 ст. 1 ч. X т., недѣйствительны, ничтожны. Поэтому онъ, приставъ, предлагаетъ имъ, на выборъ, одно изъ двухъ: если они настаиваютъ на томъ, что мебель принадлежитъ жильцу, то онъ, приставъ, передастъ оба протокола, счетъ и росписку въ судъ, для уголовнаго ихъ преслѣдованія за мошенничество; если-же они желаютъ избѣгнуть наказанія, пусть жилецъ предоставитъ ему описать и продать мебель за долгъ хозяйки, а самъ вѣдается съ нею какъ хочетъ. Немного подумавъ, жилецъ отступается отъ послѣдняго заявленія, и такъ какъ хозяйка своевременно денегъ не внесла, то описанная мебель была продана съ молотка.

И въ результатѣ вышло, что, желая уклониться отъ платежа собственнаго долга, жилецъ отдалъ не только этотъ долгъ, но еще и чужой, да еще съ значительнымъ для себя новымъ убыткомъ: ему, по его словамъ, мебель стоила 150 руб., а продана она была за 60 руб.; съ хозяйки же ему ничего не удалось получить: воспользовавшись разъясненіемъ пристава, она наотрѣзъ отказалась вознаградить его за причиненные ему убытки, говоря, что если онъ станетъ искать съ нея судебнымъ

порядкомъ, то она откроетъ совершенный имъ письменный подлогъ.

Въ Петербургѣ такимъ образомъ обманываютъ простаковъ очень и очень многіе, а супруги въ особенности: оба составляютъ у разныхъ нотаріусовъ на имя другъ друга нотаріальные акты о принадлежности имущества одному изъ нихъ, потомъ безцеремонно должаютъ и когда приходятъ наконецъ описывать въ ихъ квартиры имущество мужа—жена является владѣлицею, а жены—мужъ и кредиторы остаются ни съ чѣмъ...

Чтобы интересы добросовѣстныхъ людей не страдали, необходимъ законъ, который разрѣшалъ бы продавать имущество совмѣстно живущихъ супруговъ за долги любаго изъ нихъ. Этимъ способомъ сократится, кромѣ того, и развившееся нынѣ наглое мошенничество многихъ супруговъ.

Съ иностранца, у котораго есть два магазина, помѣщающихся одинъ черезъ домъ отъ другаго, а квартира находится въ домѣ, расположенномъ между его магазинами, надлежало взыскать 60 руб. Стоявшая за конторкою въ магазинѣ женщина, на вопросъ пристава: гдѣ хозяинъ?—отвѣтила, что онъ въ другомъ магазинѣ. Приставъ идетъ туда, но тамъ ему говорятъ, что онъ ушелъ въ первый магазинъ. Приставъ возвращается назадъ и требуетъ отъ женщины категорическаго отвѣта; она отзывается, что хозяинъ, какъ она только что узнала, уѣхалъ за-городъ и скоро-ли вернется—неизвѣстно. Приставъ предъявляетъ ей повѣстку, говоря, что приступаетъ къ описи имущества, находящагося въ магазинѣ. Женщина возражаетъ, что хотя она и жена отвѣтчика, но магазинъ принадлежитъ ей, какъ

это значится въ торговомъ свидѣтельствѣ, которое она и показываетъ приставу. Убѣдившись изъ свидѣтельства въ правдивости словъ женщины, приставъ переходитъ опять во второй магазинъ, чтобъ его описать; тамъ ему тоже предъявляютъ свидѣтельство и увѣряютъ, что и оно на имя жены. Приставъ отправляется въ квартиру должника, оттуда посылаетъ за его женою и предваряетъ ее, что начнетъ описывать и опечатывать ихъ общую квартиру (ст. 976), если мужъ ея или она сама тотчасъ не заплатятъ требуемыхъ 60 р. Это ее озадачиваетъ, она куда-то отлучается на нѣсколько минутъ и возвращается съ мужемъ, который отдаетъ деньги. Желая, для большей опытности, дознаться, съ какою цѣлью должникъ прятался, приставъ сперва начинаетъ распрашивать супруговъ о ихъ торговлѣ, а потомъ, нѣсколько освоившись съ ними, спрашиваетъ, гдѣ былъ отвѣтчикъ. Словоохотливая женщина откровенно сознается, что ея мужъ, зная о предстоявшемъ приходѣ пристава и замѣтивъ его приближеніе, по предварительному съ нею уговору, ушелъ изъ перваго магазина заднимъ ходомъ во второй магазинъ, а по приходѣ пристава туда, вернулся тѣмъ же путемъ въ первый. Магазины записаны вѣрно и подробно въ думѣ: одинъ на его, а другой на ея имя, но зовутъ ихъ обоихъ одинаковыми именами, фамилія ихъ не склоняется, а потому хозяиномъ магазина можетъ, по свидѣтельству, въ которомъ помянуто только имя и фамилія, назваться любой изъ нихъ, смотря по надобности. Такъ какъ въ данномъ случаѣ взыскивали съ него, то она называла себя владѣлицею обоихъ магазиновъ; затѣяли же они игру съ приставомъ въ томъ предположеніи, что онъ

походить-походить по магазинамъ, да, авось, быть можетъ, отступится, какъ это съ ними не разъ случалось во время оно, при прежнемъ полицейскомъ судѣ.

Приставъ, для той же надобности, въ квартирѣ молодой, красивой, стройной женщины. Въ двухъ комнатахъ, что называется, погромъ: по полу валяются бумаги, тряпки, осколки посуды, обломки мебели и проч., а въ третьей стояли: богато убранная, подъ балдахиномъ, постель, диванъ, комодъ, два стула и столъ. На диванѣ сидитъ, пригорюнившись, заплаканная женщина, съ которой взыскиваютъ 110 руб. за квартиру. Оказывается, что у нея нѣсколько дней тому назадъ продали съ молотка все имущество. Миролюбивые переговоры не достигаютъ цѣли, а женщина, постепенно все сильнѣе и сильнѣе раздражаясь, впадаетъ въ экстазъ и съ мольбою и горячностью разсказываетъ, сквозь слезы, что она дочь генерала, еще въ младенчествѣ осталась круглою сиротою, воспитывалась въ институтѣ, вышла изъ него безъ всякой подготовки къ жизни, поселилась было у родственниковъ, но тѣ поспѣшили сбыть ее скорѣе замужъ за человѣка распутнаго, который въ 5—6 лѣтъ промоталъ ея состояніе, тысячъ до ста, и умеръ. Не будучи въ силахъ справиться съ собой безъ мужской помощи, она сблизилась съ товарищемъ своего дѣтства, который, послѣ нѣкотораго сожительства съ нею, упросилъ ее поручиться за него въ исправной уплатѣ 5,000 р.; въ срокъ онъ ихъ не уплатилъ, куда-то скрылся, ее бросилъ и остальное ея движимое имущество пошло на уплату его долга. Неспособная ни къ какому тяжелому честному труду, она, разбитая душею, видитъ впе-

реди одинъ исходъ—проституцію. Взыскатель (старикъ домовладѣлецъ) предложилъ описать постельныя принадлежности должницы, такъ какъ въ ея положеніи эта роскошь, говорилъ онъ, совершенно излишня и неумѣстна. Приставъ отвѣтилъ ему, что, на основаніи 3 п. 973 ст., его требованіе исполнено быть не можетъ. Видя невозможность получить деньги, взыскатель промолвилъ, что посадитъ ее въ долговое. Это произвело на нее паническій страхъ, всѣ мускулы ея лица судорожно передернулись, она съ голубиною кротостью и неестественнымъ порывомъ кокетства принялась его упрашивать отсрочить платежъ на мѣсяцъ, на недѣлю, хоть до вечера. Старикъ, очарованный ея прелестями, уступилъ, чѣмъ дѣло и кончилось,—собственно для пристава, которому взыскатель вскорѣ послѣ того самъ внесъ на покрытіе другаго уже долга барыни 150 р., добавивъ, что приструнилъ ее для того, чтобы она скорѣй поступила къ нему на содержаніе, чего онъ давно уже тщетно домогался.

Евреямъ, не имѣющимъ званія купцовъ 1-й гильдіи, ученыхъ, чиновниковъ или ремесленниковъ (портныхъ, сапожниковъ) въ Петербургѣ постоянно жить запрещено. Оттого они, пріѣзжая сюда, останавливаются у своихъ же соплеменниковъ—ремесленниковъ, которые скрываютъ по возможности отъ глазъ полиціи тѣхъ, которые просрочатъ свое тутъ пребываніе. Въ одну изъ еврейскихъ квартиръ (въ нихъ живетъ человѣкъ по 15 мужчинъ и женщинъ въ 2—3 комнатахъ) входитъ судебный приставъ, чтобы охранить имущество умершаго еврея. Едва онъ перешагнулъ порогъ, какъ евреи, завидѣвъ его, опро-

метью бросились, цѣлою толпою, къ двери и, толкая другъ друга, ринулись вонъ. Желая пріобрѣсть свидѣтеля своихъ будущихъ дѣйствій, приставъ остановилъ послѣдняго изъ бѣжавшихъ.

—Куда вы всѣ бѣжите, чего переполошились? спросилъ онъ его.

—Ми... такъ себѣ, люди маленькіе, дилевіе, взякъ насъ обиждаетъ, ну ми и драла... отвѣтилъ спрашиваемый.

Приставъ увѣрилъ его въ его безопасности и упросилъ разсказать о настоящей причинѣ всеобщаго бѣгства. Оправившись, еврей сообщилъ ему, что товарищи бѣжали отъ облавы полиціи, одни вслѣдствіе того, что ихъ паспорты не въ порядкѣ, а другіе, въ томъ числѣ и онъ, у которыхъ паспорты исправны,—чтобы уйдти, такъ сказать, отъ грѣха дальше, и не навлечь на себя подозрѣнія въ неимѣніи опредѣленныхъ занятій. Приставъ вошелъ въ первую комнату—пусто, въ другую—тоже, а въ третьей, свободной отъ всякой мебели, онъ увидѣлъ въ углу большую котомку съ имуществомъ и рядомъ съ нею лежащаго на голомъ полу молодаго еврея, который ни на одинъ вопросъ не далъ отвѣта. Приставъ оглянулся назадъ, чтобы получить разъясненіе отъ свидѣтеля, полагая, что онъ идетъ за нимъ, но и тотъ уже исчезъ. Приставъ послалъ дворника за какимъ нибудь евреемъ. Тотъ привелъ квартирнаго хозяина, который сообщилъ, что лежащій—сынъ умершаго еврея; лежитъ онъ молча и неподвижно потому, что «жалобу» справляетъ (поминки по усопшемъ). Засимъ, все время, покуда приставъ вынималъ изъ котомки разныя вещи, занося ихъ въ опись, наслѣдникъ, лежащій еврей, не

спускалъ съ него глазъ, а когда онъ досталъ со дна котомки маленькій мѣшечекъ и, развязавъ его, вынулъ оттуда какіе-то лоскутки матеріи, а въ одномъ изъ нихъ обрѣлъ комокъ ассигнацій на 63 р., еврей замоталъ головою и сталъ ломать руки въ отчаяніи. Свидѣтель еврей громко произнесъ что-то по еврейски и комната начала наполняться евреями, которыхъ минутъ чрезъ пять собралось до 15 человѣкъ. Всѣ стали просить пристава не трогать денегъ, ибо онѣ пропадутъ, какъ это постоянно случается съ ними на родинѣ, когда полиція возьметъ. Приставъ увѣрялъ ихъ въ противномъ, а относительно обязанности охранить деньги прочелъ имъ вслухъ 1403 и 1404 ст. гр. суд.; евреи не удовольствовались этимъ, высказывая недовѣріе къ закону, потому что всѣ законы направлены противъ нихъ, а не къ ихъ выгодѣ. При этомъ они добавляли, что безъ денегъ лежащему еврею не съ чѣмъ будетъ вернуться домой, а здѣсь долго ему оставаться нельзя: чрезъ недѣлю минетъ срокъ его паспорту и онъ попадетъ въ полицію, а та пошлетъ его во свояси по этапу. Какъ ни урезонивалъ приставъ толпу, что денегъ оставить не можетъ, а толку не добился: выдти изъ квартиры его не пускали.

— А покажи-ка братъ, паспортъ, молвилъ онъ одному изъ самыхъ назойливыхъ евреевъ.

— Ми ничего, оправдывался тотъ, а остальные подняли смятеніе и въ минуту всѣ убѣжали... Тогда и приставъ ушелъ съ деньгами.

ЗАМѢТКИ

О ХОДАТАЯХЪ.

ЗАМѢТКИ

О ХОДАТАЯХЪ.

Дурное вліяніе большинства ходатаевъ на мировой судъ и тяжущихся.

Наша столичная адвокатура дѣлится, въ настоящее время, по ея представителямъ, на двѣ категоріи: офиціальную—присяжныхъ повѣренныхъ, и частную—просто повѣренныхъ, такъ-называемыхъ ходатаевъ. Ареною ихъ дѣятельности служатъ: первыхъ—общія судебныя, а послѣднихъ—мировыя учрежденія. Изъ числа тѣхъ и другихъ нѣкоторые, составляющіе, впрочемъ, исключеніе, занимаются и наоборотъ: ходатаи—въ общихъ, а присяжные повѣренные—въ мировыхъ судахъ; но въ общихъ судахъ ведутъ дѣла только такіе ходатаи, которые прославились еще при прежнемъ порядкѣ, пріобрѣвъ себѣ популярность еще въ доброе старое время, но такихъ, едва наберется пять, десять человѣкъ; въ мировыхъ же судахъ присяжные повѣренные встрѣчаются весьма рѣдко, а если и бываютъ, то только по какимъ-нибудь черезчуръ запутаннымъ дѣламъ.

Изъ множества дѣлъ, разбирающихся въ мировыхъ судахъ, больше чѣмъ три четверти падаютъ на долю

простолюдиновъ, и вообще низшаго, по умственному развитію и матеріальному благосостоянію, класса. Люди эти, по глубоко-вкоренившейся изстари робости и по все еще сильному предубѣжденію противъ лицъ, имѣющихъ офиціальное значеніе, не рѣшаются, въ нужныхъ случаяхъ, обращаться за совѣтомъ къ присяжнымъ повѣреннымъ, принадлежащимъ, по своему положенію, къ высшему разряду защитниковъ. Они считаютъ ихъ почему-то чиновниками, въ полномъ смыслѣ этого слова, и къ тому же знаютъ, что присяжные повѣренные, занятые значительными дѣлами, не берутъ на себя защиту простыхъ, обыденныхъ проступковъ, а также маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ; бѣдные люди не въ состояніи хорошо вознаграждать труды присяжныхъ повѣренныхъ. Самимъ простымъ людямъ вести свои дѣла—хотя бы они и знали порядокъ судопроизводства—также чрезвычайно неудобно. Пока выиграешь дѣло, пройдетъ мѣсяцъ, пока потомъ получишь деньги, черезъ продажу имущества отвѣтчика, успѣютъ миновать и 2 мѣсяца. Между тѣмъ, въ теченіе этого времени придется множество разъ отвлекаться отъ прямаго своего занятія на хожденіе въ судъ, въ съѣздъ, къ судебному приставу, присутствовать при описи, оцѣнкѣ и продажѣ имущества. Бываетъ также не мало людей, которымъ отлучаться вовсе нельзя, не лишившись совсѣмъ мѣста. Эти просто отступаются отъ своихъ правъ, если не найдутъ повѣреннаго.

Все это какъ нельзя лучше поняли, съ открытіемъ новыхъ судовъ, разные отставные и заштатные чиновники, люди, большею частью знакомые съ одними канцелярскими порядками. Сообразивъ, что черезъ судъ можно

добывать себѣ пропитаніе, они поспѣшили туда, послушали разбирательства, приглядѣлись нѣсколько къ нимъ' и принялись за практику по дешевымъ цѣнамъ—за рубль, три, пять цѣлковыхъ, смотря по важности дѣла. Въ свою очередь, и народъ обрадовался появленію этихъ, хотя и крючковатыхъ, но тѣмъ не менѣе простыхъ, доступныхъ ходатаевъ, съ которыми можно и выпить на ты, и поговорить по душѣ, а подъ горячую руку, пожалуй, и подраться... и началъ поручать имъ дѣла свои. Къ чиновникамъ мало-по-малу стали присоединяться и отставные офицеры, унтеръ-офицеры, писаря, писцы, занимавшіеся у мировыхъ судей, проторговавшіеся купцы, мѣщане, дворяне, домашніе учителя, евреи, греки; есть даже придворные истопники, театральные служителя. Въ этомъ сонмѣ разношерстныхъ людей фигурируютъ и сѣдовласые старцы, еле передвигающіе ноги, и совершенные мальчики; честныхъ, опытныхъ и дѣльныхъ людей среди нихъ не болѣе одного на десять, или даже 15 чел.; изъ остальныхъ же — познанія однихъ основаны на крючкотворствѣ, другихъ — крайне ограничены: третьи почти ничего не понимаютъ, а четвертые даже плохо говорятъ по русски; но за то у всѣхъ нихъ развита система надувательства. Такимъ образомъ появился классъ ходатаевъ, состоящій теперь человѣкъ изъ 200. Всѣ они начинали свою практику съ мелкихъ, безсодержательныхъ дѣлъ; однимъ фортуна благопріятствовала—и они постепенно успѣли изрядно обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи; другіе—вслѣдствіе расточительности, такъ и остались ни при чемъ

третьи живутъ безбѣдно и тѣмъ довольны, но иные, имѣвшіе позорную извѣстность, сошли уже со сцены: напр. офицеръ Д., дворянинъ С., купецъ П., истопникъ Щ. и имъ подобные—по лишеніи ихъ правъ состоянія, отправились въ ссылку. Однако, такъ или иначе, а въ каждой камерѣ судьи, въ ихъ переднихъ, на лѣстницахъ, ежедневно встрѣчаются по нѣсколько ходатаевъ—и щегольски одѣтыхъ, съ изъящными портфелями, и скромно одѣтыхъ, со свертками въ рукахъ, и просто оборванцевъ; всѣ они предлагаютъ каждому встрѣчному и поперечному свои услуги съ увѣреніемъ, что непремѣнно выиграютъ какое бы то нибыло мудреное дѣло.

По роду занятія, каста ходатаевъ дѣлится преимущественно на три разряда. Офицеры, защищаютъ преимущественно драки, буйства и всякія насилія; молодые и среднихъ лѣтъ чиновники отстаиваютъ кражи, захватъ чужой собственности, споры съ полиціей; старые чиновники берутъ на себя ходатайство по всякаго рода денежнымъ искамъ, а темныя личности хватаются за все, что ни попало. Именуютъ себя ходатаи: старые чиновники—стряпчими, пожилые—повѣренными, а офицеры и молодые - адвокатами; въ числѣ послѣднихъ есть господинъ, который, пользуясь тѣмъ, что его однофамилецъ считается однимъ изъ лучшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, не только словесно, но и на визитныхъ карточкахъ называетъ себя присяжнымъ повѣреннымъ.

Въ суды ходатаи являются, за весьма немногими исключеніями, въ качествѣ отвѣтчиковъ. Для добыванія практики они и сами знакомятся, и имѣютъ агентовъ во всѣхъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства тракти-

рахъ, харчевняхъ и тому подобныхъ средняго и низшаго сорта заведеніяхъ; гдѣ часто совершаются безобразія, тамъ ихъ хорошо знаютъ. Лишь только судья объявитъ приговоръ о личномъ наказаніи, постановленіе о взысканіи денегъ съ правомъ апелляціи въ съѣздѣ, и отвѣтчикъ выйдетъ за барьеръ, гдѣ помѣщается публика—ходатаи нерѣдко наперерывъ бросаются къ нему, заявляютъ, что дѣло его рѣшено неправильно, распространяются о своихъ знаніяхъ и, главное, о томъ, сколько они уже выиграли совершенно однородныхъ съ настоящимъ дѣлъ: они уговариваютъ его предоставить кому-нибудь изъ нихъ вести дѣло дальше. Слушая доводы ходатая, находясь въ разгоряченномъ, даже раздражительномъ состояніи и желая какъ-нибудь выпутаться изъ затруднительнаго положенія, человѣкъ охотно вѣритъ разглагольствованію ходатая и тутъ же заявляетъ судьѣ неудовольствіе, отправляется съ ходатаемъ къ себѣ, къ нему въ квартиру, или же, что гораздо удобнѣе, въ одно изъ ближайшихъ заведеній, заключать условія, которыя вообще весьма просты: за защиту у мироваго 1—3 р., въ съѣздѣ 3—5, а въ кассаціонномъ департаментѣ Сената отъ 5 до 10 р., либо вдвое больше того, смотря по обстоятельствамъ. Кромѣ того лицъ, подлежащихъ предварительному аресту, ходатаи иногда берутъ на свое поручительство за особую плату въ 3—5 рублей.

Чѣмъ выше инстанція, тѣмъ большее вознагражде- выговариваютъ себѣ ходатаи. Значитъ, вести дѣло дальше для нихъ выгодно. Наблюдая прежде всего собственный интересъ, они никогда ни чьимъ рѣшеніемъ довольны не бываютъ, хотя въ душѣ, быть можетъ, и со-

знаютъ вполнѣ его правильность. Простой народъ, по неразвитости, измѣряетъ достоинство прошенія или отзыва не ясностію и простотою изложенія, а многословіемъ и устрашающимъ тономъ. Чѣмъ длиннѣе прошеніе, тѣмъ больше нравится оно простолюдину.

—По крайности хоть жалостно, да таково много написано, стало быть и толково, разсуждаетъ простолюдинъ;—а то 10—15 строкъ напишетъ и давай ему за это полтину. Коротенькихъ бумагъ и судьѣ подавать не стоитъ: ему при народѣ и почитать-то нечего. То-ли дѣло длинное-то судья читаетъ, ты стоишь себѣ и слушаешь, а народъ-то глядитъ на тебя, да думаетъ: каково написано! Ну, оно и по сердцу будто... Ходатаи все это соображаютъ, и оттого прошенія, апелляціонные и касаціонные отзывы ихъ всегда пишутся кругомъ на листѣ, на двухъ, трехъ, наполняются всевозможными крючками, высокопарными, напыщенными выраженіями, пересыпаются ссылками на множество статей Свода Законовъ, даже текстами статей, зачастую рѣшительно къ дѣлу не идущихъ.

Кассировать рѣшенія судей и съѣзда можно лишь въ случаѣ явнаго нарушенія прямаго смысла законовъ и неправильнаго ихъ толкованія, въ случаѣ явнаго нарушенія обрядовъ и формъ судопроизводства и предѣловъ вѣдомства и власти. Смотря на дѣло прямо, безъ всякой задней мысли, нелегко найдти предлогъ для кассаціонной жалобы; но ходатаямъ нужно провести дѣло до послѣдней инстанціи, и они постоянно и всюду находятъ неправильное толкованіе и примѣненіе закона и пр. Напримѣръ, лавочникъ приговоренъ за продажу ис-

портившихся припасовъ къ аресту на три недѣли, на основаніи 115 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями. Ходатай опровергаетъ это рѣшеніе, доказывая, что къ проступку его довѣрителя слѣдуетъ примѣнить не 115-ю, а слѣдующую, 116-ю ст., по которой, за несоблюденіе чистоты и опрятности при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, виновный подвергается взысканію не свыше 15 руб., т. е., прямѣе говоря, сгнившая рыба есть, по его доводамъ, не испорченная, а нечистая, неопрятная.

Но подобныя апелляціи обращаются только во вредъ народу; срокъ ареста вообще начинаетъ считаться со дня окончательнаго рѣшенія дѣла, и если виновный предварительно арестованъ судьею, согласно 123-й уст. уголовн. судопроизводства, то, пока его ходатай апеллируетъ въ съѣздъ и въ сенатъ, рѣшеніе котораго есть уже окончательное, онъ все это время, мѣсяцъ, два, три, сидитъ подъ арестомъ совершенно напрасно...

Проигравъ дѣло у судьи и сложивъ съ себя званіе повѣреннаго виновной стороны, ходатай нерѣдко является въ съѣздѣ защитникомъ уже противной стороны, на которой, очевидно, гораздо больше шансовъ выигрыша, а слѣдовательно и личной выгоды. Ходатаи становятся также, ничуть не стѣсняясь, въ одно и то же время и повѣренными, и свидѣтелями какого-нибудь происшествія, такъ-что судьи, руководствуясь 3 п. 93-й ст. уголов. и 5 п. 86-й ст. гражданскаго судопроизводства, бываютъ вынуждены отстранять ихъ отъ той или другой обязанности.

Дѣйствовавшіе до введенія судебной реформы законы

объ обидахъ замѣнены судебными уставами, и это, кажется, рѣшительно всѣмъ извѣстно; но ходатаи, основываясь иногда на этихъ отмѣненныхъ законахъ, начинаютъ иски какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго характера, возобновляютъ отъ имени разныхъ лицъ дѣла, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшенныя различными судебными инстанціями. Впрочемъ, уголовныя дѣла имъ почти никогда не удаются: замѣтивъ, что жалоба принесена спустя больше полугода со дня нанесенія обиды, судьи тотчасъ же отказываютъ въ искѣ (21-я ст уст. о наказан., налаг. мир. суд). Но въ искахъ гражданскихъ, гдѣ судья не въ правѣ возбуждать вопросъ о давности, ходатаи осторожно, ловко продолжаютъ состязаніе до тѣхъ поръ, пока противная сторона не укажетъ такого отвода по 221-й ст. 1 ч. X тома. Тутъ бѣда въ томъ, что весьма немногіе простолюдины знаютъ, что разъ конченное уголовное дѣло вновь начаться не можетъ, а гражданское теряется за истеченіемъ десятилѣтней давности.

Явившись въ судъ отвѣтчиками по гражданскимъ искамъ, ходатаи вообще и старые въ особенности, никогда не выходятъ, по вызову судьи къ судоговоренію, сразу, а сидятъ въ числѣ публики до тѣхъ поръ, покуда судья прочитаетъ или услышитъ отъ истца причину иска. Тогда, узнавъ издали, въ чемъ дѣло, ходатаи поступаютъ двояко. Если у истца не оказывается письменнаго документа, а слѣдовательно и ясныхъ доказательствъ иска, они выходятъ къ столу судьи, предъявляютъ свою довѣренность на веденіе дѣла и, ссылаясь на 81 ст. уст. гражд. судопроизвод., просятъ отказать

истцу, взыскавъ съ него въ ихъ пользу судебныя издержки по таксѣ для присяжныхъ повѣренныхъ. Если же истецъ представилъ, напримѣръ, росписку, то они вовсе не выходятъ; судья, придерживаясь 145 ст. гражд. судопр., постановляетъ заочное рѣшеніе, а по 151 ст. отвѣтчикъ въ правѣ просить пересмотра дѣла въ теченіе двухъ недѣль со дня постановленія такого рѣшенія. Зная, что по безспорному документу навѣрное придется заплатить, ходатаи уже стараются только о томъ, чтобъ ихъ довѣритель какъ можно дольше не отдавалъ денегъ. Для этого ровно въ тринадцатый день, со времени воспослѣдованія рѣшенія, они просятъ пересмотрѣть дѣло. Судья назначаетъ день и часъ новаго разбирательства, положимъ, еще чрезъ недѣлю. Ходатай принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы помѣшать истцу явиться къ опредѣленному часу въ судъ, чтобъ можно было просить о прекращеніи дѣла за его неявкою (145 ст. гражд. судопроизвод.). Въ такомъ случаѣ, истецъ долженъ снова начать искъ, снова обоихъ вызовутъ, отвѣтчикъ на первый разъ опять не явится, состоится заочное рѣшеніе, которое отвѣтчикъ обжалуетъ. Такъ пройдетъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ или два. Принимаемыя съ этою цѣлью мѣры чрезвычайно разнообразны. Ходатаи подговариваютъ, напримѣръ, какого-нибудь знакомаго задержать истца, подъ благовиднымъ предлогомъ, на улицѣ, зазвать его въ трактиръ, сообщить, что въ означенный день присутствіе отмѣнено, стало быть и ходить туда незачѣмъ; узнаютъ, кто его родственники, и отъ имени кого-либо изъ нихъ приглашаютъ его, чрезъ городскую почту, явиться какъ разъ за полчаса, за часъ до назна-

ченной явки въ судъ, по чрезвычайному дѣлу (одинъ получилъ письмо, что его братъ умираетъ и зоветъ проститься: это фактъ; взыскивались 450 руб.). Благодаря подобнымъ ухищреніямъ, истцы нерѣдко опаздываютъ и принуждены повторять искъ, чего ходаи только и добиваются. Наконецъ, они оба на лицо. Судья постановляетъ взыскать. Отвѣтчикъ, по 162 ст., пользуется правомъ обжаловать рѣшеніе втеченіе мѣсяца. Ничуть не раньше, какъ наканунѣ истеченія срока, ходатай подаетъ апелляцію, прописавъ въ ней все, что ему въ голову придетъ. Три дня спустя, дѣло, согласно 165 ст., передается въ мировой съѣздъ, гдѣ оно ожидаетъ своей очереди, и хотя съѣздъ въ заключеніе и оставитъ апелляціонную жалобу безъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе ходатай достигъ своей цѣли — выигралъ 3 — 4 мѣсяца, втеченіе которыхъ его довѣритель пользовался деньгами, вмѣсто того, чтобы отдать ихъ по первому востребованію.

Изобрѣтательность нѣкоторыхъ ходатаевъ по истинѣ изумительна. У нихъ есть и закономъ допускаемыя лазейки, чтобы оттягивать платежъ долговъ. Такъ, если искъ составляетъ значительную сумму, то ходатай уговариваетъ своего довѣрителя переѣхать на жительство въ другой участокъ, или самому начать противъ истца также искъ, или отмѣтиться выбывшимъ за городъ. Явившись въ судъ, онъ предъявляетъ, пользуясь 1 п. 69 ст., отводъ по неподсудности дѣла мѣстному мировому судьѣ. Судья, разумѣется, отказываетъ въ искѣ. Истецъ подаетъ искъ тому судьѣ, которому его должникъ подсуденъ, судья опять вызываетъ отвѣтчика, за неявкою-же его постановляется заочное рѣшеніе. По наступленіи срока, отвѣтчикъ про-

ситъ о пересмотрѣ дѣла; назначается день для разбирательства, но отвѣтчикъ опять выбываетъ, ходатай вновь заявляетъ неподсудность и т. д. Истецъ теряетъ такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, выбиваясь изъ силъ въ погонѣ за нимъ. Наконецъ, при явной уже невозможности уклониться отъ платежа, ходатай недоволенъ рѣшеніемъ, апеллируетъ, и ему удается отдалить платежъ даже на полгода.

Безцеремонность и даже наглость обращенія нѣкоторыхъ ходатаевъ съ довѣрителями и противниками бываютъ также до крайности возмутительны. Одинъ, напримѣръ, ходатай взялся вести дѣло человѣка, живущаго за 200 слишкомъ верстъ отъ столицы, за 15 р.; 5 р. онъ получилъ въ видѣ задатка, а остальные договорился получить по выигрышѣ дѣла. Условившись такимъ образомъ, истецъ уѣхалъ домой и ждалъ тамъ благопріятнаго результата. Проходитъ мѣсяцъ, полтора. Вдругъ ходатай извѣщаетъ его, что дѣло выиграно даже въ съѣздѣ, что полученъ исполнительный листъ на взысканіе денегъ съ имущества отвѣтчика, и проситъ или прислать ему остальные, договоренные 10 р., или явиться лично за полученіемъ выигранныхъ 100 р. Обрадованный истецъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и является къ ходатаю. Послѣдній требуетъ съ него 10 р. Истецъ проситъ показать ему исполнительный листъ, ходатай отказывается, толкуя свое, и по поводу настоятельнаго желанія истца — видѣть листъ прежде отдачи 10 рублей—ударяется въ амбицію; слово за слово, между ними происходитъ ссора, ходатай выгоняетъ и выталкиваетъ истца вонъ изъ своей квартиры. Оскорбленный истецъ идетъ къ мировому судьѣ, въ участкѣ котораго

живетъ ходатай и гдѣ должно было производиться его дѣло, и жалуется какъ на нанесенное ему ходатаемъ оскорбленіе, такъ и на неотдачу исполнительнаго листа. Судья, выслушавъ жалобу и справившись, отвѣчаетъ истцу, что ходатай не только не выигралъ дѣла въ съѣздѣ, но еще и судьѣ иска не заявлялъ. Истецъ изумляется, хочетъ преслѣдовать ходатая уголовнымъ порядкомъ за обманъ; но потомъ, сообразивъ, что при этомъ надо будетъ пріѣзжать сюда нѣсколько разъ, терять и время, и деньги, между тѣмъ какъ вызвавшее его въ столицу извѣщеніе ходатая чрезъ знакомаго, бывшаго у него мимоѣздомъ, легко можетъ и не подтвердиться на судѣ; понимая также, что ходатай оскорбилъ его безъ свидѣтелей, что ясныхъ уликъ преступленія не будетъ, и ходатая не обвинятъ, а напротивъ онъ начнетъ потомъ дѣло за ложное обвиненіе, истецъ потужилъ, потужилъ, да такъ и отступился....

Другой ходатай, въ самой камерѣ судьи нанесъ противницѣ своей, молодой женщинѣ, оскорбленіе сначала мимикой, а потомъ позорнымъ словеснымъ предложеніемъ. Все это видѣли и слышали нѣсколько человѣкъ; она тотчасъ же заявила о случившемся судьѣ; очевидцы подтвердили; судья приговорилъ ходатая къ аресту на три мѣсяца. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался недоволенъ; дѣло перешло въ съѣздъ, гдѣ ходатай объяснилъ, что камера судьи есть присутственное мѣсто суда, и потому совершенное въ ней преступленіе не подлежитъ сужденію судьи. Съѣздъ, находя его указаніе правильнымъ, передалъ дѣло, для дальнѣйшаго производства, прокурорскому надзору.

Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ ходатаевъ или при ихъ

участіи, въ Петербургѣ бывали еще и такого рода казусы. Четыре, пять ловкихъ аферистовъ нуждаются въ деньгахъ, но достать ихъ негдѣ, и вотъ они составляютъ изъ себя компанію. Одинъ даетъ другому безденежную росписку, рублей въ 50: этотъ другой перепродаетъ ее съ значительною уступкою—напримѣръ за 35—40 руб.—третьему (обоимъ первымъ—близко незнакомому); третій начинаетъ искъ чрезъ судъ. Въ судѣ отвѣтчикъ признаетъ росписку законною, искъ правильнымъ, но говоритъ, что заплатить ему положительно нечѣмъ. Истецъ, не желая ждать платежа неопредѣленное время, проситъ и получаетъ, на основаніи 157 ст. гражд. судопр., исполнительный листъ, предъявляетъ его судебному приставу, отправляется съ нимъ въ квартиру отвѣтчика и, считая видимое въ ней имущество принадлежащимъ ему, требуетъ описи и продажи. Отвѣтчикъ или слабо заявляетъ, что имущество принадлежитъ не ему, а отсутствующему знакомому, у котораго онъ живетъ временно, или вовсе промалчиваетъ. Приставъ требуетъ, въ первомъ случаѣ, неоспоримыхъ доказательствъ; онъ ихъ не даетъ. Приставъ производитъ, на отвѣтственности истца, опись, оцѣнку, и наконецъ продаетъ столько, сколько нужно на покрытіе суммы иска—50 р. Получивъ законное удовлетвореніе, истецъ успокоивается, доволенъ, но не на долго: нѣсколько дней спустя, четвертый (изъ компаніи) предъявляетъ уже къ нему искъ за продажу будто-бы его имущества, стоющаго по разсчету не 50, а 100, 150 р., и, какъ человѣкъ опытный, представляетъ ясныя тому доказательства, т. е. свидѣтелей, удостовѣренія лицъ (изъ той же, разумѣется, компаніи), у которыхъ

онъ тогда-то будто-бы купилъ проданное имущество— и бѣдный истецъ оказывается отвѣтчикомъ.

Такъ какъ вся отвѣтственность за неправильное указаніе имущества отвѣтчика падаетъ, по закону, на истца, то при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. если судьѣ удастся склонить самозваннаго истца къ миру, настоящій истецъ отдѣлается возвратомъ денегъ, вырученныхъ за имущество, а въ противномъ случаѣ платитъ несравненно больше того, чѣмъ получилъ, и ему выдается на отвѣтчика новый исполнительный листъ, который составляетъ неоспоримый, впрочемъ, документъ на десять лѣтъ. Но эти десять лѣтъ онъ принужденъ слѣдить за своимъ отвѣтчикомъ: не разбогатѣетъ ли онъ, не обзаведется ли чѣмъ, чтобъ взыскать уже изъ его имущества свои деньги, потому что сажать въ долговое отдѣленіе за сумму меньше 100 р., нельзя, а еслибъ и можно было, то платить ежемѣсячно 4 р. 20 к. кормовыхъ, довольно убыточно. Компанія же, получивъ рублей 100 и раздѣливъ ихъ между собою, ликуетъ и восхищается своимъ умѣньемъ толковать законы въ свою пользу....

Защищаютъ ходатаи своихъ довѣрителей часто самыми нелѣпыми, грубыми и лишенными всякаго смысла аргументами, въ родѣ слѣдующихъ. Отвергая фактъ нанесенія офицеромъ городовому побоевъ, одинъ изъ ходатаевъ говорилъ въ съѣздѣ, что еслибъ его довѣритель дѣйствительно билъ городового, то послѣдній навѣрное лежалъ бы больнымъ и не пришелъ бы жаловаться въ судъ. Другой, защищая, въ съѣздѣ же, купца, оскорбившаго вечеромъ, на улицѣ, проходившую женщину неотвязчивымъ приглашеніемъ въ гостинницу, толковалъ, что

женщина показалась купцу изъ числа безпорядочныхъ, а потому онъ и присталъ къ ней; но если она точно честная, то зачѣмъ же ходитъ вечеромъ одна по улицѣ, соблазняя такимъ образомъ мужчинъ и давая имъ право приставать къ ней! Третій доказывалъ, что мѣщанина, обвинявшагося въ кражѣ платка изъ кармана прохожаго, нельзя считать воромъ потому, что когда его задержали, вокругъ него собралась толпа народу и подкинула ему платокъ. На вопросъ: кого онъ можетъ подозрѣвать въ этомъ, ходатай отвѣчалъ, что отъ скопившейся на улицѣ (происшествіе случилось днемъ) толпы, сдѣлалось темно и обвиняемый могъ не замѣтить, кто именно сунулъ ему въ руку платокъ. Собравшаяся среди бѣлаго дня, на улицѣ, толпа заслонила, какъ видите, сверху, свѣтъ!... Четвертый въ оправданіе купца, и его прикащика, обвинявшихся въ томъ, что въ лавкѣ торговая полиція нашла прилѣпленный къ боку одной изъ чашекъ вѣсовъ кусокъ мастики въ три золотника, увѣрялъ судъ, что это сдѣлали не хозяева лавки, а кто нибудь изъ знакомыхъ въ шутку, или по злобѣ. Пятый силился оправдать торговца, побившаго еврейку, тѣмъ, что по православной религіи жиды не достойны уваженія и бить ихъ будто бы не преступленіе; наказывать же христіанина за это, напротивъ, грѣшно, тѣмъ болѣе, что жиды вѣроятно стоятъ того, если ихъ издавна били и унижали; теперь это дѣлается, по его мнѣнію, для того, чтобъ они не перебирались куда имъ не слѣдуетъ — въ столицу, а жили-бы въ западныхъ губерніяхъ; что имъ напрасно дана слишкомъ большая свобода селиться гдѣ пожелаютъ, что они теперь запрудили Петербургъ, одинъ

за другаго стоятъ горой, а не такъ, какъ русскіе, которые будто-бы сами добровольно душатъ, грабятъ другъ друга....

Многіе ходатаи, получивъ присужденныя въ пользу ихъ довѣрителей деньги, истрачиваютъ ихъ на собственныя надобности, послѣ чего ихъ бывшимъ кліентамъ приходится потомъ взыскивать съ нихъ помянутыя деньги посредствомъ суда, гдѣ они вынуждены бываютъ разсрочивать имъ платежъ по 3—5 руб. въ мѣсяцъ; имущества, которое годилось бы для описи и продажи, у ходатаевъ обыкновенно никакого не оказывается. Другіе, стакнувшись съ противною стороною, передаютъ ей, либо сами нарочно или нечаянно (будучи, напр., въ нетрезвомъ видѣ) теряютъ документы и тѣмъ самымъ лишаютъ своихъ довѣрителей доказательствъ иска, или дѣлаютъ претензіи ихъ сомнительными въ юридическомъ смыслѣ. Бывали нерѣдко также случаи, что ходатаи добывали подставныхъ свидѣтелей съ единственною, эгоистическою цѣлію—выручить условленное за выигрышъ дѣла вознагражденіе, а между тѣмъ не только не достигали цѣли, но еще подводили подобныхъ свидѣтелей—простаковъ подъ уголовный судъ за клятвопреступленіе; по ихъ же инищіативѣ иногда даже дѣла пропадали изъ судебныхъ камеръ. Нѣкоторые выманиваютъ отъ несвѣдущихъ людей деньги, посредствомъ несбыточныхъ обѣщаній, угрозъ и тому подобныхъ ухищреній. Изъ числа слышанныхъ нами въ камерахъ судей казусовъ, подобныхъ вышеуказанныхъ, приведемъ три.

Двѣ женщины, зажиточныя иностранки, поссорились, причемъ одна обругала непечатными словами другую,

вслѣдствіе жалобы которой затѣялось у судьи дѣло. Спустя три дня, къ обидчицѣ приходитъ повѣренный обиженной, отставной офицеръ, застращиваетъ ее дурнымъ для нея исходомъ процесса и требуетъ 14 руб., каковыми деньгами она, по словамъ ходатая, оштрафована судьею, поручившимъ будто бы ему, ходатаю, получить съ иностранки эти деньги. Перепуганная женщина, желая избавиться отъ грозившей ей бѣды, впопыхахъ вручила ему названную сумму и успокоилась, полагая, что дѣло тѣмъ и кончилось. Прошло недѣли двѣ. Вдругъ ее вызываютъ повѣсткою въ съѣздъ, гдѣ она узнаетъ, что дѣло перешло туда по апелляціи обиженной, по апелляціи, поданной тѣмъ же самымъ ходатаемъ, который взялъ съ нея 14 р., и который по чувству самосохраненія не только не явился въ съѣздъ поддерживать обвиненіе, но даже изъ Петербурга неизвѣстно куда скрылся. Тогда-то и обнаружилось, что ходатай обманулъ ее на 14 р.

Богатый домовладѣлецъ побилъ своего прикащика; послѣдній жаловался на него, прося наказать его уголовнымъ порядкомъ; повелъ онъ дѣло названнымъ способомъ потому въ особенности, что когда, послѣ нанесенныхъ ему домовладѣльцемъ побоевъ, онъ говорилъ ему что непремѣнно пожалуется, тотъ со смѣхомъ отвѣтилъ: «я богатъ, а ты бѣденъ и ничего со мной не сдѣлаешь: я вездѣ одержу верхъ, вездѣ оправдаюсь».

Въ первомъ же по дѣлу засѣданіи, повѣренный обвинителя, чиновникъ, заявилъ судьѣ, что повѣренный обвиняемаго предлагалъ ему, ходатаю, помириться за 50 р. но онъ, взявшись по совѣсти защищать обиженнаго, съ негодованіемъ отвергъ сдѣланное ему противникомъ

предложеніе. Очевидцевъ происшествія сторонами было выставлено человѣкъ 15; допросить ихъ всѣхъ сразу представилось неудобнымъ, а потому дѣло нѣсколько затянулось. Затѣмъ, по окончаніи въ два—три раза допроса свидѣтелей, было назначено послѣднее засѣданіе, для окончательныхъ преній тяжущихся и постановленія приговора, отъ котораго домовладѣльцу не поздоровилось бы, не смотря на его богатство. Лишь только судья сѣлъ на свое мѣсто, чтобы начать разбирательство, повѣренный обвиняемаго подалъ ему присланное повѣреннымъ обвинителя прошеніе, въ которомъ значилось, что стороны примирились. Судья, прочитавъ прошеніе, и увидѣвъ въ камерѣ самого побитаго, подозвалъ его къ себѣ, и спросилъ: дѣйствительно-ли онъ помирился съ домовладѣльцемъ, какъ пишетъ его повѣренный? Спрошенный, не предвидя столь неожиданнаго сюрприза со стороны своего повѣреннаго, растерялся, покраснѣлъ, а оправившись, заявилъ судьѣ, что это вымыселъ ходатая, ибо лично онъ не только не согласенъ мириться, но напротивъ настаиваетъ на рѣшеніи дѣла начатымъ уголовнымъ порядкомъ, и потому уничтожаетъ данную ходатаю довѣренность на веденіе дѣла и лишаетъ его уполномочія. Судья призналъ его заявленіе правильнымъ, въ виду 50 ст. Уст. гражд. судопр. И такъ, дѣло не было проиграно собственно оттого, что обиженный самъ пришелъ въ судъ, для наблюденія за дѣйствіями своего повѣреннаго, который въ свою очередь отозвался, что онъ считалъ себя вправѣ примириться и безъ вѣдома своего довѣрителя, благо существуетъ 44 ст. Уст. угол. судопр. и 48 ст. Уст. гражд. судопр.

Присяжный повѣренный, по довѣренности женщины,

обвинялъ ростовщика въ присвоенiи заложенныхъ ему ею 2-хъ билетовъ внутренняго займа. Во время производства дѣла, къ женщинѣ пришелъ однажды повѣренный ростовщика (ходатай дворянинъ) и началъ ее уговаривать прекратить претензiю, изъ которой ей, по его выраженiямъ, пользы никакой не будетъ, а когда она не поддалась на его удочку, онъ началъ грозить ей тюрьмою, если она станетъ слушать своего повѣреннаго и продолжать дѣло. Онъ старался убѣдить ее, что присяжный повѣренный, взявшiйся обвинять за нее ростовщика, человѣкъ недобросовѣстный, самъ прежде велъ дѣла ростовщика, запуталъ, испортилъ многiя изъ нихъ, потому что ничего не понимаетъ, глупъ, и пр. Женщина все сказанное ей ходатаемъ передала присяжному повѣренному, которому ходатай потомъ при свидѣтеляхъ и самъ, впрочемъ, повторилъ тоже самое. Вслѣдствiе этого присяжный повѣренный жаловался уже отдѣльно на ходатая, за распространенiе имъ на его счетъ клеветы, позорящихъ обстоятельствъ, за злонамѣренный подрывъ его адвокатской репутацiи. На судоговоренiи присяжный повѣренный къ изложенному добавилъ, что онъ дѣйствительно велъ прежде дѣла ростовщика и отказался не потому, чтобъ испортилъ какое либо дѣло, а оттого, что будучи бѣденъ, принужденъ былъ работать ростовщику за 50 руб. въ мѣсяцъ, да за 10 процентовъ вознагражденiя изъ всякой выигранной имъ суммы; но лишь только средства его улучшились, онъ разошелся съ ростовщикомъ, находя, что тотъ заставлялъ его дѣлать такiя вещи, которыя выходили за предѣлы принятыхъ имъ на себя обязанностей, и не будучи вообще въ состоянiи сой-

тись съ нимъ характеромъ: ростовщикъ вспыльчивъ, и своенравенъ, а онъ, адвокатъ, не хотѣлъ ему во всемъ безусловно уступать. Основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ, судья приговорилъ ходатая къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ, за оклеветаніе присяжнаго повѣреннаго.

Ходатаи, впрочемъ, не ограничиваются однимъ судомъ, а переносятъ свою дѣятельность и въ административныя сферы. Такъ, они вызываются выправлять простолюдинамъ паспорты, берутъ съ нихъ, на этотъ предметъ, деньги, которыя зажиливаютъ себѣ, оставляя бѣдняковъ безъ денегъ и безъ паспортовъ; когда же довѣрившихся имъ станутъ потомъ тянуть къ отвѣту за проживаніе безъ установленныхъ видовъ, они взимаютъ съ нихъ новыя деньги на исходатайствованіе изъ полиціи и управы благочинія отсрочекъ. До свѣдѣнія оберъ-полицiймейстера дошло, разсказывали намъ, что ходатаи выправляютъ простолюдинамъ изъ его канцеляріи отсрочки за деньги. Одинъ ходатай былъ остановленъ, но ему все-таки удалось выпутаться изъ непріятной исторіи, благодаря тому, за кого онъ хлопоталъ: тотъ, опасаясь, по невѣдѣнію, попасть въ просакъ, показалъ (конечно, по наущенію ходатая же), что послѣдній исполнялъ его порученіе по пріязни, а не за плату.

Мы могли бы привести множество фактовъ изъ дѣятельности ходатаевъ въ описанномъ родѣ, но считаемъ это излишнимъ, находя, что приведенные нами случаи достаточно ярко характеризуютъ ходатаевъ, отъ которыхъ страдаютъ и нравственно, и матеріально преимущественно простолюдины, которыхъ всего легче обманывать.

Правда, кружокъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, человѣкъ 10—15, вызвался, около года тому назадъ, безвозмездно защищать въ столичномъ мировомъ съѣздѣ простолюдиновъ, обвиняемыхъ въ проступкахъ, влекущихъ за собою заключеніе въ тюрьму; но этимъ вѣдь только отчасти парализуется крючкотворство ходатаевъ. Говоримъ «отчасти», потому что засѣданіе съѣзда по уголовнымъ дѣламъ бываетъ 2—3 раза въ недѣлю; въ каждомъ засѣданіи разбирается отъ 50 до 100 и болѣе дѣлъ. Очевидно, что предложенная даровая защита слишкомъ недостаточна, ибо если и всѣ 15 адвокатовъ будутъ каждый разъ защищать по дѣлу (чего на практикѣ, покуда, еще не бываетъ), то и въ такомъ случаѣ еще множество подсудимыхъ останется безъ защиты въ съѣздѣ, не говоря уже о мировыхъ судьяхъ, которые ежедневно рѣшаютъ, круглымъ числомъ, по 6 — 8 уголовныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, еще весьма широкое поле открыто для жатвы ходатаевъ, которые, по ихъ собственнымъ словамъ, зарабатываютъ правдою и кривдою отъ 50 до 100 рублей въ мѣсяцъ. Что ходатаи дѣйствительно причиняютъ осязательный вредъ народу и даже суду всякими кляузами и безобразными исками— это сознатъ и здѣшній мировой институтъ, который недавно цѣлымъ своимъ составомъ обсуждалъ вопросъ о томъ, какъ бы умалить силу и значеніе ходатаевъ, какъ бы стѣснить ихъ неблагопріятное для тяжущихся и суда существованіе. Между прочимъ, одною изъ предлагавшихся въ этомъ отношеніи мѣръ было—не допускать ходатаевъ къ судоговоренію безъ адресныхъ билетовъ, установленныхъ правилами, содержащимися въ 363 и 364

ст. Уст. о паспортахъ, тома XIV Св. Зак., для лицъ, занимающихся стряпчествомъ (повѣренные). Однако и помянутая мѣра, по всестороннемъ ея обсужденіи, признана несостоятельною и недостигающею желаемаго результата, такъ какъ во 1-хъ, адресный билетъ перваго разряда стоитъ всего-то 7 руб. 15 коп. въ годъ, слѣдовательно, расходъ этотъ, для ходатаевъ ничтожный, не отниметъ у нихъ охоты къ продолженію ихъ профессіи; напротивъ, пріобрѣвъ билетъ, они сдѣлаются гораздо смѣлѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что будутъ считать себя, такъ сказать, оффиціальными повѣренными; во 2-хъ, они могутъ, если захотятъ, и не брать билетовъ, а когда судья спроситъ таковой—не стѣсняясь отвѣчать, что ведутъ дѣло ради знакомства, родства и проч. Производить же повѣрку ихъ словъ значило бы выходить за предѣлы вѣдомства и власти суда.

Намъ достовѣрно извѣстно, что нѣкоторые здѣшніе судьи присужденіемъ ходатаямъ очень малаго гонораріа отбили у нихъ охоту являться къ нимъ въ качествѣ повѣренныхъ. Такъ, за назойливое домогательство нѣкоего ходатая, одинъ судья опредѣлилъ однажды въ его пользу четверть копѣйки, и это произвело очень пріятное впечатлѣніе на присутствовавшую въ камерѣ публику: домогательство его съ нравственной стороны было, очевидно, несправедливое и клонилось только къ тому, чтобы насолить противнику, человѣку, повидимому, почтенному)*.

---

*) Дѣло заключалось въ томъ, что два родственника много лѣтъ вели между собою совершенно мирно различные счеты и потомъ,

Ходатай этотъ, понятно, не только самъ опять не прійдетъ хлопотать изъ-за столь ничтожнаго вознагражденія какъ ¼ коп., но и другу и недругу закажетъ заниматься подобнымъ неблагодарнымъ дѣломъ. И вотъ, еслибы всѣ судьи такъ поступали съ неблаговидными ходатаями, то можно быть увѣреннымъ, что господа эти чрезъ полгода добровольно покинули бы настоящее свое выгодное поприще.

Не можемъ, въ заключеніе, не добавить, что со времени основанія въ Петербургѣ мироваго суда мы, постоянно посѣщая этотъ судъ, во всѣхъ мѣстахъ города, почти не видѣли, чтобы присяжные повѣренные защищали въ немъ обвиняемыхъ простолюдиновъ или ихъ

недавно, изъ-за чего то раззнакомились. Вслѣдъ затѣмъ ходатай одного предъявилъ къ другому искъ въ 150 руб. по роспискѣ, которую представилъ въ судъ ровно за три дня до истеченія земской давности (она была написана въ августѣ 1859 года.) Отвѣтчикъ возражалъ, что давно уже разсчитался съ истцомъ, что росписка составляетъ результатъ, если онъ не ошибается, картежной игры; что онъ не взялъ ее своевременно назадъ только потому, что никакъ не предполагалъ, чтобы она явилась потомъ основаніемъ иска; что онъ готовъ даже заплатить деньги къ новому году, лишь-бы только отвязаться. Ходатай же требовалъ тотчасъ капиталъ, за 10 лѣтъ законные проценты (о нихъ въ роспискѣ и не упоминалось), судебныя издержки, и за веденіе дѣла 10% съ цифры иска, подвергнуть рѣшеніе предварительному исполненію и выдать ему на все это вмѣстѣ исполнительный листъ, дабы онъ могъ описать, а если денегъ немедленно не получитъ, то и продать часть имущества противника. Судья, принимая во вниманіе, что отвѣтчикъ не заявляетъ ни о безденежности, ни о фальшивости росписки— опредѣлилъ: взыскать съ него 150 р., да ходатаю за веденіе дѣла ¼ к., всего 150 р. ¼ к.

мелкіе иски; если же присяжные повѣренные и являлись иногда въ названный судъ, то по довѣренностямъ богатыхъ, да сильныхъ, либо извѣстныхъ міра сего и развѣ еще по просьбамъ подобныхъ лицъ, за ихъ слугъ. Причина этого кроется, кажется намъ, въ слѣдующемъ. Простолюдины, по ихъ прежней забитости и бѣдности не рѣшаются, часто, обращаться къ присяжнымъ повѣреннымъ, которые въ ихъ глазахъ баре, смотрящіе на нихъ свысока. Въ свою очередь и присяжнымъ повѣреннымъ жаль тратить время на не интересные процессы, на рублевые разсчеты. А вѣдь сколько добра 100 человѣкъ присяжныхъ повѣренныхъ (такое число ихъ живетъ въ Петербургѣ) могли бы сдѣлать несчастной меньшей братіи, если бы удѣляли ей изъ ихъ дорогаго времени хоть по часу, по два въ недѣлю! Отъ сколькихъ нравственныхъ страданій и матеріальныхъ ущербовъ они избавили бы этотъ темный людъ, который съ душевною признательностью произносилъ бы ихъ имена, восхвалялъ бы ихъ добродѣтель!

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЗАМѢТКИ О I-ОЙ ЧАСТИ X ГО ТОМА.

ЗАМѢТКИ О СУДЕБНЫХЪ ПРИСТАВАХЪ.

ЗАМѢТКИ О ХОДАТАЯХЪ.

2007043226